ГЕТЕ

ФАУСТЪ

175 5/8.
2984

Г
4/5
258
7

ФАУСТЪ.

ФАУСТЪ,

ТРАГЕДІЯ

Соч. Гете.

Переводъ Первой и Изложеніе Второй Части.

М. ВРОНЧЕНКО.

1844.

ВЪ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ ТИПОГРАФІИ ФИШЕРА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

11 9042

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. Ноября 2 дня 1843 года.

Цензоръ *Никитенко*.

Предлагаемый нынѣ Русскимъ читателямъ «Фаустъ» есть переводъ Первой и Изложеніе Второй Части Гетевой Трагедіи.

Первая Часть переведена вполнѣ, съ нѣкоторымъ только измѣненіемъ немногихъ мѣстъ, допущеннымъ по необходимости. Всѣ такія мѣста означены въ Примѣчаніяхъ.

При переводѣ обращалось вниманіе: прежде всего на вѣрность и ясность въ передачѣ мыслей, потомъ на силу и сжатость выраженія, а потомъ на связность и послѣдовательность рѣчи, такъ, что забота о гладкости стиховъ была дѣломъ не главнымъ, а послѣднимъ. Разумѣется, что это общее правило, принятое переводчикомъ вслѣдствіе внимательнаго изученія подлинника, не могло остаться безъ исключеній: иногда выраженіе умѣстное предпочтено сильному, но несообразному съ характеромъ говорящаго лица; иногда бойкости оборота или стиха пожертвовано формою мысли, если, то есть, мысль не измѣнилась чрезъ то въ своей сущности; иногда наконецъ, хотя и рѣдко, вѣрность поэтическая признана важнѣйшею, нежели

близкая передача подробностей. Въ Примѣчаніяхъ означены какъ подобнаго рода отступленія, такъ и мѣста, которыя въ подлинникѣ не ясны и могутъ быть поняты иначе, нежели какъ они выражены въ переводѣ.

Во всемъ, что касается до размѣра стиховъ и риѳмы, образцомъ служилъ подлинникъ; только встрѣчающійся въ немъ кое-гдѣ старинный нѣмецкій размѣръ (Knittelverse), похожій на нашъ народносказочный, замѣненъ ямбомъ, да въ стихахъ вольныхъ опредѣленіе числа стопъ предоставлялось случайностямъ смысла и выраженій.

Переводчикъ почелъ за нужное познакомить читателей и съ Второю Частію Фауста, которая у насъ понынѣ извѣстна только по наслышкѣ, да по сужденіямъ, выписаннымъ изъ нѣмецкихъ толковниковъ — безъ того Первая Часть, несмотря на отдѣльную свою полноту, все оставалась бы отрывкомъ, и каждый при концѣ чтенія имѣлъ бы право спросить: что же далѣе? — Точнымъ переложеніемъ Второй Части онъ заняться рѣшительно не могъ, потому что не нашелъ въ себѣ потребныхъ на то ни силъ, ни терпѣнія, ни даже охоты; превратить же піесу въ разсказъ, значило бы передать другимъ не сочиненіе Гете, а впечатлѣнія, имъ на

разскащика произведенныя. Выйти изъ этого труднаго положенія помогло переводчику особенное благопріятное обстоятельство, а именно—почти всплошная многословность, по которой Вторая Часть Фауста едва ли не столько же замѣчательна, сколько первая по сжатости: оказалось возможнымъ выразить мысли, заключающіяся въ рѣчи каждаго лица, съ такою убавкою словъ, что піеса въ цѣломъ дѣлается короче подлинника, кажется, вчетверо. Такъ и составлено прилагаемое « Изложеніе ». Въ немъ сцены три разсказаны вкратцѣ, по причинамъ особеннымъ; всѣ же остальныя сохранили свой драматическій видъ, порядокъ рѣчей и, можно сказать, всѣ мысли, стоющія сохраненія. Тутъ, конечно, потеряна цвѣтистая раскраска слога; но въ замѣну ея пріобрѣтена краткость и слѣдственно облегчено чтеніе для многихъ, которыхъ бы испугали длинноты полнаго прозаическаго перевода. Въ этомъ трудно не удостовѣриться, просмотрѣвъ образчики, помѣщенные въ Примѣчаніяхъ 3-мъ, 8-мъ, 17-мъ и 19-мъ.

Къ переводу и Изложенію прибавленъ, наконецъ, « Обзоръ » обѣихъ Частей Трагедіи, какъ вспомогательное для недосужныхъ читателей средство обьять піесу въ полномъ ея составѣ, сличить развитіе предмета съ основными данностями и такимъ образомъ оцѣнить

Гетева Фауста безъ предъубѣжденія, самимъ, не прибѣгая къ безконечнымъ нѣмецкимъ коментаріямъ.

Еще нѣсколько словъ о Первой Части. Въ переложеніи піесы подобной Фаусту, переводчикъ (какъ уже замѣчено выше) вѣрную передачу мыслей почитаетъ за дѣло главное, необходимое, особенно же тамъ, гдѣ мысли тянутся, такъ сказать, цѣпью, которая перервалась бы отъ порчи даже одного какого-либо звена своего. Онъ сверхъ того полагаетъ, что дѣло это почти всегда исполнимо, если только сущность каждой признаваемой за такое звено мысли ставится выше, нежели всѣ прочія достоинства изложенія; слѣдственно онъ долженъ принять и принимаетъ на себя отвѣтственность за вѣрность перевода въ этомъ смыслѣ — но только въ этомъ: все, что касается до качествъ слога и сохраненія въ рѣчахъ характера дѣйствующихъ лицъ, составляетъ уже другаго рода вѣрность, для достиженія которой не достаточно одной доброй воли — тутъ переводчикъ не можетъ даже быть безпристрастнымъ судьею, не только что отвѣчать за успѣхъ своихъ усилій.

С. п. б. 1843 Окт.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Посвященіе . . . . . стран. 1

Первый Прологъ. 3

Второй Прологъ 13

Первая Часть трагедіи 21

Примѣчанія къ 1-й Ч. 233

Изложеніе Второй Части 249

Примѣчанія къ 2-й Ч. 363

Обзоръ обѣихъ Частей Фауста 369

ОПЕЧАТКИ.

		напечатано	должно быть
Стр. 26	6	*Микрокозма*	*Макрокозма*
44	4	міра	мира
86	27	мѣлитъ	мелетъ
111	25	всегдашній	всегдашней
127	12	Патріальхальный	Патріархальный
194	7	во снопу	въ снопу
199	15	благородности	благодарности
200	15	служитъ	служилъ
202	7	пѣнь	пень
218	7	взгрызаться	вгрызаться
411	21	Фаустѣ	Фауста
418	21	философъ-поэтъ	философъ-поэтъ

ПОСВЯЩЕНІЕ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Вы носитесь передо мною снова,
Неясныя видѣнья раннихъ дней!
Рѣшусь ли васъ облечь въ одежду слова?
Найду ли прежній пылъ въ груди моей?
Вы неотступны? что жъ? душа готова
Пожить и нынѣ средь былыхъ гостей:
Волшебная, примчавшая васъ, сила
Въ нее опять жаръ юности вселила.

Вы время мнѣ напомнили златое,
И много милыхъ призраковъ встаетъ:
Вотъ, какъ преданье старины святое,
Любовь и дружба первыя; но вотъ
И грусть о всемъ, чѣмъ бытіе земное
Изукрашало прежде свой полетъ —
О тѣхъ друзьяхъ, что ужъ къ послѣдней цѣли,
Обмануты надеждой, отлетѣли!

Да, тѣ моихъ не слышатъ новыхъ пѣній,
Чей слухъ начальнымъ пѣніямъ внималъ:
Разсѣянъ кругъ ихъ отъ мірскихъ волненій;
Ихъ отголосокъ дружній замолчалъ;
Пою для чуждыхъ сердцу поколѣній,
Боюсь, имъ чуждый, самыхъ ихъ похвалъ;
Друзьямъ же какъ почтить меня хвалою?
Кто живъ, тотъ брошенъ далеко судьбою!

И въ міръ безплотныхъ, въ свѣтлый край свой отчій
Летитъ душа, давнишнихъ думъ полна;
Какъ арфы стонъ Эоловой въ часъ ночи
Струится съ лиры пѣснь, едва слышна;
Трепещетъ грудь; отъ слезъ чуть видятъ очи;
Суровость сердца грустью смягчена;
Все сущее мнѣ зрится отдаленнымъ,
А все былое — вновь осуществленнымъ.

ПРОЛОГЪ I.

ВЪ ТЕАТРѢ.

ДИРЕКТОРЪ, ПОЭТЪ, ШУТЪ. [2]

ДИРЕКТОРЪ

Вы оба, что не разъ доселѣ
При нуждѣ помогали мнѣ,
Скажите: ждать ли здѣсь, въ Нѣмецкой сторонѣ,
Хорошихъ выгодъ въ нашемъ дѣлѣ?
Вся сила въ томъ, чтобъ угодить толпѣ —
Она вѣдь нашъ кормилецъ главный! [3]
Театръ устроенъ; всякъ себѣ
Отъ насъ пирушки ожидаетъ славной,
Надѣется чудесъ, не пустяковъ,
И удивляться имъ готовъ;
Къ успѣху въ публикѣ я знаю путь обычный, [4]
Теперь однако страхъ меня беретъ:
Здѣсь хоть не очень-то къ хорошему привычный,
Но дьявольски начитанный народъ —
Какъ сдѣлать, чтобы все свѣжо и ново было,
Имѣло вѣсъ и всѣхъ притомъ къ себѣ манило?
Пріятно вѣдь хозяину весьма
Какъ зрителей сберется тьма,
Какъ въ тѣснотѣ, съ божбой и дракой,
Къ завѣтной двери лѣзетъ всякой —

Еще до четырехъ часовъ,
Что въ голодъ къ хлѣбнику, тѣснится къ казначею
И за билетъ сломить готовъ
Себѣ или другому шею!
Кто жъ можетъ натворить съ людьми чудесъ такихъ?
Поэтъ! — О, натвори, мой другъ, и нынѣче ихъ!

ПОЭТЪ

Не говори мнѣ о толпѣ мірской,
Которой видъ ничтожитъ вдохновенье —
О давкѣ свѣта, всякой мигъ съ собой
Грозящей насъ увлечь въ свое волненье;
Веди меня въ пріютъ тотъ неземной,
Гдѣ для поэта зрѣетъ наслажденье,
Гдѣ намъ сулятъ изъ божеской руки
Любовь и дружба счастія вѣнки!

Что создано душой тамъ не для свѣта,
Что — слабо ли, удачно ль, все равно —
Пролепетать возмогъ языкъ поэта,
То суетой здѣсь вмигъ поглощено,
И многія проходятъ часто лѣта,
Пока вполнѣ оцѣнится оно!
Блестящее — блеснувши, исчезаетъ;
Изящное — въ потомствѣ возсіяетъ.

ШУТЪ

Ужъ эта мнѣ потомственная слава!
Что, еслибъ я вдругъ ею бредить сталъ,
Кто современниковъ тогда бы забавлялъ?
А вѣдь нужна же имъ забава,

И тотъ, кто ловко веселитъ свой вѣкъ,
Есть, право, дѣльный человѣкъ!
Угодный каждому, онъ смотритъ безъ испуга
На множество своихъ причудливыхъ судей —
Напротивъ, бо́льшаго себѣ желаетъ круга,
Чтобъ потрясать его вѣрнѣй.
И такъ будь смѣлъ, яви свое искуство —
Фантазію заставь заговорить
И весь ея причетъ — разсудокъ, страсти, чувства;
Но не безъ глупости, прошу не позабыть!

ДИРЕКТОРЪ

Особенно жъ дай больше приключеній:
Въ театрѣ зритель хочетъ зрѣть!
Когда возня идетъ на сценѣ
И, стало, есть на что сидящимъ поглазѣть,
То сдѣланъ главный шагъ начальный
И ты — писатель геніальный!
Дай массѣ массу; пусть изъ ней
Любой возьметъ себѣ любое:
Изъ многаго всякъ выберетъ скорѣй
По вкусу то или другое;
Но массу дай не въ цѣломъ, по кускамъ —
Окрошка дѣлается скоро,
Да и не можетъ затруднить актера;
Единство жъ — вздоръ! и лучшая изъ драмъ
У публики пойдетъ по лоскутамъ!

ПОЭТЪ

Когда бъ ты зналъ, какъ низко, какъ постыдно
Художнику такое ремесло!

Но шарлатанство драматурговъ, видно,
У васъ ужъ въ правило вошло.

ДИРЕКТОРЪ

Упрекъ въ томъ насъ не оскорбляетъ.
Кто хочетъ сдѣлать вещь путемъ,
Тотъ и орудіе по вещи избираетъ.
Самъ разсуди своимъ умомъ:
Зачѣмъ и кто насъ посѣщаетъ? [6]
Тотъ боленъ скукою; другой
Поѣсть не въ мѣру постарался;
Всего жъ несноснѣй, что иной
Журналовъ дома начитался!
Ни чья піесою не занята душа;
Всякъ ищетъ пестроты, какъ будто въ маскарадѣ,
А дамы, думая о шашняхъ и нарядѣ,
Актерствуютъ безъ платежа!
Что жъ ты мечтаешъ, что гордишся
Стеченьемъ зрителей, поэтъ?
Всмотрись-ка въ каждаго — смиришся:
Въ томъ — грубый вкусъ; въ томъ — чувства нѣтъ;
Тотъ въ мысляхъ карточною занятъ,
А не актерскою, игрой;
Того злой духъ къ ночной подружкѣ тянетъ;
Кчему жъ тревожить музъ для публики такой?
Давай ей, говорю, хоть вздору, только много,
И къ цѣли ты пойдешъ прямой дорогой,
Хоть всѣмъ имъ угодишъ едва ль;
Но что съ тобой? восторгъ, или печаль?

ПОЭТЪ

Ищи себѣ иныхъ рабовъ!
Не жди, чтобъ лучшій изъ природы всѣхъ даровъ,
Чтобъ человѣчества достоинство преступно
Тебѣ въ угоду прошутилъ поэтъ!
Чѣмъ движетъ онъ всѣ души, цѣлый свѣтъ?
Чѣмъ побѣждаетъ всѣ стихіи совокупно?
Не тою ли души гармоніей своей,
Что истекаетъ на весь міръ изъ ней?
Межъ тѣмъ, какъ дѣйствуя безстрастно,
Природа нити вѣчныя прядетъ,
И столь сліянно, несогласно
Толпа существъ повсюду звуки льетъ,
Кто стройно дѣлитъ ихъ потокъ обычный,
Имъ мѣру, силу, жизнь даритъ?
Кто въ цѣломъ части ставитъ такъ прилично,
Что ни одна съ другою не розпитъ?
Кто бури дѣлаетъ страстями,
А миръ души вечернею зарей?
Кто изъ цвѣтовъ коверъ всегда-живой
У милой сердцу стелетъ подъ стопами?
Кто вѣнчику простому изъ листовъ
Велитъ наградой быть первѣйшей въ свѣтѣ?
Кто на Олимпъ сзываетъ сонмъ боговъ?
Мощь человѣчества, развитая въ поэтѣ!

ШУТЪ

Употребляй же эту мощь съ умомъ —
Веди дѣла въ поэзіи такъ точно,
Какъ то въ любви ведется: непарочно

Вдругъ двое сходятся ; потомъ
Сближаются ; привязанность крѣпчаетъ ;
А тамъ восторгъ и боль сердечныхъ ранъ
Попеременно наступаетъ ;
Глядь — и составился романъ !
Давай намъ то же , только въ рамѣ тѣсной ;
Бери изъ жизни , отъ людей ;
Хоть всякъ живетъ , но жизнь немногимъ вѣдь извѣстна ,
И занимательность всегда найдется въ ней .
Въ картинѣ пестрой и туманной
Слей съ крошкой правды много вракъ —
И будетъ драма навѣрнякъ
Всѣмъ поучительна , пріятна и желанна :
Гурьбою молодежь придетъ
Подслушать откровенья слово ;
Чувствительный искать себѣ начнетъ
Для сладкой грусти пищи новой ;
Другой другаго — всякъ того ,
Что есть на сердцѣ у него :
Еще легко имъ плакать и смѣяться ,
Пріятно чтить восторгъ и внѣшностью прельщаться .
Кто пóжилъ , на того не угодишъ ничѣмъ ,
А новичекъ доволенъ всемъ .

ПОЭТЪ

Отдай же *мнѣ* сперва тѣ времена златыя ,
Когда я самъ былъ новичекъ ,
Когда изъ сердца глубины я
Лилъ пѣнія несякнущій потокъ ;
Когда я видѣлъ міръ туманно ,

Чудесъ отъ будущаго ждалъ,
На всѣхъ поляхъ цвѣты встрѣчалъ
И рвалъ, встрѣчая, безпрестанно!
Бѣднякъ, тогда я былъ вполнѣ богатъ —
Все къ истинѣ влекомъ, и все обману радъ!
Отдай же все, что духъ мой такъ живило —
Восторговъ, мукъ кипучую струю,
Огонь любви и ненависти силу —
Отдай мнѣ молодость мою!

ШУТЪ

Другъ! молодость нужна, конечно,
Когда тебя враги зовутъ на бой;
Когда съ горячностью сердечной
Гоняются красотки за тобой;
Когда къ концу условленнаго бѣга
Награда лестная влечетъ,
Или гостей по пляскѣ ждетъ
Разгульная почной попойки нѣга;
Но бодро, опытнымъ перстомъ
Играть на лирѣ иль свирѣли,
Къ самимъ себѣ созданной цѣли
Пробраться вѣдомымъ путемъ —
Не вамъ ли, старцы, лучше подобаетъ?
За то и чтимъ мы васъ вельми!
Вздоръ, что насъ старость къ дѣтству возвращаетъ —
Она насъ застаетъ дѣтьми!

ДИРЕКТОРЪ

Оставимъ споры; право нѣтъ досуга —
Пора засѣсть за ремесло!

Пока мы здѣсь честимъ другъ друга,
Кой-что бъ ужъ сдѣлаться могло.
Что̀ толковать о вдохновеньи?
Къ медлителю оно нейдетъ!
Поэтъ кто? пусть же держитъ тотъ
Поэзію въ повиновеньи!
Извѣстно, чѣмъ мы дорожимъ —
Питьемъ покрѣпче, похмѣльнѣе;
Вари же намъ его скорѣе!
Не трать и дня: презрѣвъ однимъ,
Упустишъ многіе за нимъ!
Повѣрь: рѣшайся только смѣло;
Когда жъ возмешся разъ за дѣло, [7]
То ужъ хоти иль не хоти,
А дальше надобно идти.
Ты знаешъ, на нѣмецкой сценѣ
Что вздумалъ, то и городи;
Снарядовъ, стало, освѣщенiй
И машинъ вовсе не щади:
У насъ есть скалы, сѣнь лѣсная,
Пещеры, облака, луна,
Огонь, вода, и кладовая
Животными завалена;
И такъ въ кулисной рамкѣ тѣсной
Вмѣсти хоть весь созданiй рядъ
И смѣло съ высоты небесной
Спускайся черезъ землю въ адъ.

ПРОЛОГЪ II.

ВЪ ПРОСТРАНСТВѢ.

Горнее Пространство

ЧИСТЫЕ ДУХИ**; потомъ **МЕФИСТОФИЛЬ [8]

1-й духъ

Съ несмѣтныхъ хоромъ сферъ сліянно
Звуча Всевышнему хвалой
Въ пространствѣ солнце непрестанно
Течетъ завѣтною стезей,
И ходъ свѣтила громогласный
Непостижимъ ни для кого!
Великъ Создатель и прекрасны
Созданья дивныя Его!

2-й духъ

И съ непостижной быстротою
Земной кружится пышный шаръ;
На немъ смѣняется со тьмою
Небесный свѣтъ и съ хладомъ жаръ;
Моря колеблются; на брегѣ
Недвижны горы и поля —
Недвижны тамъ, но въ общемъ бѣгѣ
Съ собой ихъ двигаетъ земля.

3-й духъ

И съ моря къ сушѣ, съ суши въ море
Преходитъ буря, и она
Въ стихій безперерывномъ спорѣ
Питаетъ жизни семена;
Съ перуномъ огнь опустошенья
Летитъ губительнымъ путемъ,
Но въ цѣломъ нѣтъ уничтоженья
И стройность неизмѣнна въ немъ..

всѣ трое

Творецъ вселенныя всевластный
Непостижимъ ни для кого;
Всегда, какъ въ первый день, прекрасны
Созданья дивныя Его!

появляется Мефистофиль

мефистофиль

Передъ Творцомъ и я уничиженъ;
Но чуждый васъ обьемлющей любови,
Я неспособенъ къ пѣснямъ славословій —
Восторгъ мой былъ бы страненъ и смѣшонъ. [9]
Полету сферъ мнѣ недосугъ дивиться,
Я все гляжу, какъ человѣкъ томится.
Отъ первыхъ дней ни въ чемъ не измѣнясь ни какъ,
Божокъ земли и былъ и есть чудакъ;
Кчему же въ немъ, одномъ изъ земнородныхъ,
Та искорка, что въ гордости своей
Зоветъ онъ разумомъ, хоть пребываетъ съ ней
Животнѣе всѣхъ остальныхъ животныхъ?
Бѣднякъ на стрекозу похожъ,

Которая въ травѣ все не летаетъ
А прыгаетъ, да все одно и тожъ
Какъ пѣла, такъ и напѣваетъ.
Добро бъ въ травѣ! разгорячась,
Онъ суетъ носъ свой просто въ грязь!

ОДИНЪ ИЗЪ ДУХОВЪ

Хулитель вѣчный! на землѣ, какъ видно,
Въ глазахъ твоихъ, и вообще и врозь,
Всегда и все неблаговидно?

МЕФИСТОФИЛЬ

Да, пѣчемъ сказать, такъ дурно, что хоть брось —
Такъ жалки люди, такъ имъ горя много,
Что даже я ихъ тормошу не строго.
Иныхъ я, правда, тронуть не могу —
Вотъ, Фауста.

ТОТЪ ЖЕ ДУХЪ

Небо зритъ въ немъ вѣрнаго слугу.

МЕФИСТОФИЛЬ

Ну, этотъ служитъ не вравнѣ съ другими,
Самъ замѣчаетъ, что дуритъ умомъ:
Все внутреннимъ броженьемъ въ даль влекомъ,
Пренебрегая яствами земными,
Съ небесъ ярчайшихъ хочетъ звѣздъ, съ земли
Всегдашней дани полныхъ наслажденій,
И всемъ, что есть вблизи какъ и вдали,
Не можетъ буйныхъ утолить хотѣній.

ДУХЪ

Теперь еще туманенъ онъ душой,
Но скоро Богъ ее одѣнетъ свѣтомъ:

АН СССР
Библиотека
119042

Садовникъ вѣдаетъ весной
Какой дастъ плодъ растенье лѣтомъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

И онъ свихнулся бъ можетъ быть съ пути,
Когда бъ позволено мнѣ было
Его какъ знаю я, вести.

ДУХЪ

Что жъ? Провидѣніе того не запретило:
Веди, пока живетъ онъ. Человѣкъ
Радъ мудрствовать во весь свой вѣкъ,
А мудрствуя, нельзя не заблуждаться.

МЕФИСТОФИЛЬ

О, вѣдомо, пока живетъ,
А не по смерти: что мнѣ за ращотъ
Съ умершимъ человѣкомъ знаться?
И кошка не остритъ когтей
На давленыхъ мышей.

ДУХЪ

Попробуй, если есть умѣнье,
Высокій этотъ духъ изъ блага сдѣлать зломъ!
Стыдись, увидѣвши потомъ,
Что добрыя души неясное стремленье
Всегда путь истинный найдетъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Но долго ли душа по немъ идетъ?
Попробую — надежды есть не мало!
Что, еслибъ вправду силъ на то достало?
Была бъ потѣха велика
И ужъ прижалъ бы я дружка!

ДУХЪ

Похлопочи — тебѣ даются безъ разбора
Любыя средства, всякій путь.
Среди покоя въ человѣкѣ скоро
Могла бъ дѣятельность уснуть;
За тѣмъ-то попустилъ Создатель,
Чтобы входилъ Духъ-отрицатель
Въ дѣла душевныя его;
Чтобъ злое съ добрымъ спорили начала,
И чтобъ добра побѣда означала
Свободной въ смертномъ воли торжество. [11]

Духи удаляются.

МЕФИСТОФИЛЬ

Хоть ничего я не люблю хвалить,
Но тутъ сказать обязанъ откровенно:
Съ такою льготой, во вселенной
Еще и морту можно жить. [12]

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ТРАГЕДІИ.

Ночь.

Тѣсная готическая комнатка съ высокими сводами. **ФАУСТЪ** *безпокойно сидитъ въ креслахъ передъ письменнымъ столикомъ.*

ФАУСТЪ

Ахъ, философію сперва
И медицину и права
И богословію потомъ
Прошелъ я съ ревностнымъ трудомъ,
И вотъ, обманутый глупецъ,
Я все невѣжда наконецъ: [13]
Магистромъ, докторомъ зовусь,
Десятый годъ уже тружусь
Съ учениками, на авось
Водя ихъ за носъ вкривь и вкось,
И мучусь, видя изъ всего,
Что знать нельзя намъ ничего!
Гораздо, правда, я умнѣй
Другихъ ученыхъ и ханжей —
Въ сомнѣньяхъ робкихъ не томлюсь,
Чертей и ада не боюсь;
За то здѣсь нѣтъ мнѣ никакихъ

И радостей : я не мечтаю,
Что самъ хоть малость точно знаю,
Что наставлять могу другихъ ; [44]
Ктому жъ еще и денегъ нѣтъ,
И ничего, чѣмъ красенъ свѣтъ. —
Такъ жить и несъ бы не желалъ !
За тѣмъ-то магикомъ я сталъ :
Рѣшаюсь съ горя испытать,
Хоть чрезъ Духовъ не льзя ли ясно
Въ природѣ кое-что [45] понять,
Чтобъ больше не потѣть напрасно
Уча другихъ людей тому,
Что неизвѣстно самому ;
Чтобъ знать, какою силой свѣтъ
Возсталъ и длится столько лѣтъ ;
Чтобъ видѣть сущность естества.
А не болтать одни слова.

О еслибъ, полный мѣсяцъ, нынѣ
Свѣтилъ ты ужъ въ послѣдній разъ
Моимъ трудамъ, моей кручинѣ !
Меня ты долго, въ поздній часъ,
Видалъ, другъ скорбный, въ непокоѣ,
Средь книгъ и хартій, при налоѣ !
Когда жъ я возмогу въ поляхъ
И на скалистыхъ высотахъ
И у жерла пещеръ носиться
Съ воздушною Духовъ толпой,
Тамъ пить твой свѣтъ, твоей росой
Отъ чаду знаній исцѣлиться !

Еще ль я здѣсь, въ тюрьмѣ моей?
Проклятая канура! въ ней,
О стекла преломясь цвѣтныя,
Не свѣтлы и лучи дневные!
Въ ней душно, тѣсно: по стѣнамъ
Закопченнымъ въ дыму лампады
До свода пыльныхъ книгъ громады
Навалены, во снѣдь червямъ;
И тутъ же въ кучахъ старый хламъ —
Реторты, стклянницы, снаряды
И инструменты всѣхъ родовъ . . .
Вотъ міръ твой, Фаустъ! но будто міръ таковъ?

О нѣтъ! и ясно, почему
Такъ тяжко сердцу твоему,
Зачѣмъ какое-то мученье
Мертвитъ въ немъ жизнь, тѣснитъ движенье:
На мѣсто созданной Творцемъ
Въ жилище намъ живой природы,
Вокругъ тебя здѣсь стѣны, своды,
Тлѣнъ, прахъ — не жизни, смерти домъ!

Бѣги! въ міръ свѣтлый, въ міръ нетѣсный!
Вотъ книга Нострадама [16] — въ ней
Тебѣ по цѣлой поднебесной
Готовъ вѣрнѣйшій изъ вождей.
Тогда ты бѣгъ свѣтилъ познаешь,
И, наученъ природой, тамъ
Душой окрѣпшей испытаешь
Какъ Духи говорятъ Духамъ.

Но въ книгѣ знаковъ смыслъ толкуя,
Не властенъ умъ ихъ разгадать;
Вы, Духи, здѣсь; къ вамъ воззову я,
Заставлю васъ отвѣтъ мнѣ дать.

Раскрываетъ книгу и усматриваетъ изображеніе Микрокозма (Духа вселенной).

Ахъ, что за нѣга, что за наслажденье
Внезапно весь составъ обьемлютъ мой!
Какою новой, пламенной струей
По жиламъ протекло блаженства ощущенье!
Не богъ ли нѣкій образъ сей чертилъ?
Онъ бурю духа усмиряетъ,
И въ сердце радость поселяетъ,
И тайну всѣхъ природы силъ
Вокругъ меня понятно раскрываетъ!
Не богъ ли самъ я? Какъ мнѣ вдругъ свѣтло!
Здѣсь предъ моей душой себя разоблекло
Ея всегдашнее дѣянье [17]
И вдругъ я понялъ мудреца сказанье:
«Не міръ Духовъ тебѣ закрытъ,
«Но духъ твой запертъ, сердце спитъ.
«Воспрянь, питомецъ! ревностно дерзай —
«Въ зарѣ небесъ земную грудь купай. [18] »

Разсматриваетъ изображеніе.

Какъ здѣсь всѣ части, въ цѣлое сливаясь,
Одна въ другой дѣятельно живутъ!
Какъ силы горнія, взлетая, ниспускаясь,
Въ златыхъ сосудахъ жизнь другъ другу подаютъ, [19]
Благословенья даръ безцѣнный
Съ небесъ несутъ землѣ на радужныхъ крылахъ

И стройныхъ звуковъ токъ льютъ въ нѣдра всей
вселенной!
Какое зрѣлище! но, ахъ,
Оно лишъ зрѣлище! О, какъ тебя обьять
Безмѣрная природа-мать!
И васъ, сосцы, источникъ бытія!
Изъ васъ повсюду жизнь струится;
Къ вамъ такъ душа моя стремится —
И въ тщетной жаждѣ изнываю я!

Съ негодованіемъ переворачиваетъ въ книгѣ листы и усматриваетъ изображеніе Микрокозма (Духа земли).

Вотъ знакъ иной — и грудь инымъ огнемъ полна!
О Духъ земли! ко мнѣ ты ближе!
Уже я чувствую себя сильнѣе, выше;
Я рдѣю, какъ отъ новаго вина
И нахожу въ себѣ отвагу въ свѣтъ пуститься,
Тамъ радости и горе испивать,
Свирѣпству бурь противустать
И въ часъ крушенія душою не смутиться.
Туманится воздухъ;
Закрылась луна;
Лампада тмится;
Встаютъ пары; вокругъ меня сверкаютъ
Багровые лучи; со сводовъ
Повѣялъ ужасъ и обьялъ
Мнѣ мощно душу!
Ты здѣсь, ты близокъ, Духъ желанный!
Открой же ликъ свой!
Ахъ, какъ во мнѣ трепещетъ

И рвется сердце! какъ я таю
Въ безвѣстныхъ, новыхъ чувствъ огнѣ!
Всей силой воли я къ тебѣ взываю!
Явись, хоть жизни бъ стоило то мнѣ!

Хватаетъ книгу и таинственно произноситъ имя Духа. Вспыхиваетъ красное пламя; въ немъ появляется Духъ земли.

ДУХЪ

Кто звалъ меня?

ФАУСТЪ

О, видъ ужасный!

ДУХЪ

Меня привлекъ ты самовластно;
Моей стихіей долго жилъ,
И вотъ —

ФАУСТЪ *отворачивается.*

Снести твой зракъ я не имѣю силъ!

ДУХЪ

Ты жаждешъ всей своей душою
Мой слышать голосъ, видѣть ликъ;
Я, мощной преклоненъ мольбою,
Пришелъ — и страхъ тебя проникъ!
Гдѣ жъ смертный, вышедшій за смертности предѣлы?
Гдѣ грудь, въ себѣ самой устроившая цѣлый
Пространный міръ, и давъ просторъ мечтамъ
Въ восторгѣ смѣвшая подъяться вровень къ намъ?
Гдѣ Фаустъ, призвать меня дерзнувшій,
Ко мнѣ всей силой воли льнувшій?
Ужели это ты, какъ громовой стрѣлой

Моимъ дыханіемъ сраженный
И падшій въ прахъ какъ червь презрѣнный?

ФАУСТЪ

Я не унижусь, ликъ огнистый, предъ тобой!
О нѣтъ, я Фаустъ, я равный твой!

ДУХЪ

Въ потокѣ жизни, въ бурѣ дѣяній
Я міромъ вращаю:
Въ немъ направляю
Я смерть и рожденье,
Радость и горе —
Живое волненье
Вѣчнаго моря.
Такъ, по шумному вѣчности рѣя станку, [22]
Божеству я одежду живущую тку.

ФАУСТЪ

Ты, обтекающій всю область бытія
Духъ-дѣятель! тебѣ подобенъ я!

ДУХЪ

Подобенъ Духу, коего вполнѣ
Ты постигаешь, а не мнѣ!

Исчезаетъ.

ФАУСТЪ *падаетъ*

Не тебѣ!
Кому же?
Я, образъ Божества,
И даже не тебѣ!

Стучатся въ дверь.

О Боже! Вагнеръ! вотъ мученье!
Прощай, святое наслажденье!

Вѣдь надобно жъ, чтобъ онъ, оселъ,
Разрушить мой восторгъ пришелъ!

Входитъ Вагнеръ, адъюнктъ Фауста, въ халатѣ и колпакѣ, съ лампадою въ рукахъ. Фаустъ отворачивается отъ него съ негодованіемъ.

ВАГНЕРЪ

Простите мнѣ! вы вслухъ читали —
Не греческую ли трагедію? не льзя ли
Для образца послушать васъ?
Хорошіе чтецы въ большой чести у насъ,
И въ этомъ, говорятъ, актеры
Пасторовъ могутъ наставлять.

ФАУСТЪ

Да, ежели хотятъ актерствовать пасторы,
Какъ то случалось намъ видать.

ВАГНЕРЪ

Ахъ, въ кабинетѣ, какъ въ темницѣ, сидя,
Людей лишъ въ праздникъ, издали, тамъ-сямъ,
Какъ будто въ трубку зрительную видя,
Гдѣ пріобрѣсть даръ убѣжденья намъ?

ФАУСТЪ

Конечно! это невозможно,
Пока въ самихъ васъ убѣжденья нѣтъ,
Покуда вы не увлечете свѣтъ
Святою силой правды неподложной.
Сидите вы, сшивайте лоскутки,
Сбирайте у другихъ объѣдки на окрошку,
И жалкіе надъ пепломъ огоньки
Вздувайте кой-какъ, понемножку,
На диво дѣтямъ да глупцамъ,

Когда хвала ихъ лестна вамъ ;
Но знайте : сердце тѣмъ не убѣдится ,
Что не отъ сердца говорится .

ВАГНЕРЪ

Но краснорѣчіе вѣдь для чтеца есть кладъ ; [23]
А имъ еще весьма я не богатъ .

ФАУСТЪ

Ищи ты выгодъ честною стезею ,
Не будь трещоткой площадною !
Что толковито и умно ,
Всегда то скажется красно !
Оно безъ пышныхъ словъ убора
Подѣйствуетъ легко и скоро ;
А вашъ хитросплетенный вздоръ ,
Гремушекъ и крючковъ наборъ ,
Питателенъ , какъ вѣтръ , шумящій средь тумана
Въ поблекшихъ осенью лѣсахъ .

ВАГНЕРЪ

Увы , наука такъ пространна ,
А жизнь такъ коротка , что страхъ ! [24]
Во глубь критическихъ вдаваясь изысканій
Подчасъ боюсь я за себя весьма :
Чтобъ до Источниковъ [25] дойти , потребна тьма
Приготовительныхъ познаній ;
А тутъ того лишь и гляди ,
Что смерть застигнетъ на пути !

ФАУСТЪ

Не въ книгахъ ли источникъ тотъ священный ,
Что можетъ жажду утолить на вѣкъ !

Нѣтъ, ежели въ себѣ, то и во всей вселенной
Его не сыщетъ человѣкъ.

ВАГНЕРЪ

Однако жъ любо, согласитесь сами,
Вникать въ протекшихъ духъ вѣковъ —
Все видѣть — мнѣнья прежнихъ мудрецовъ,
И то, какъ далеко подвинуто все нами.

ФАУСТЪ

О, далеко, до облаковъ!
Скрижаль съ прошедшихъ лѣтъ дѣлами
Семью печатями, мой другъ, укрѣплена!
Что духомъ времени признать вы согласились,
То — духъ писателя, въ которомъ отразились,
Никто не вѣсть какъ, времена;
А иногда и такъ, что сердцу тошно,
Бѣжать готовъ, какъ поглядишь — ну точно
Съ ветошьемъ лавка, чанъ помой,
А много, если важный фактъ какой,
Да прагматическій премудрый комментарій,
Приличный кукламъ лишъ, а не разумной твари!

ВАГНЕРЪ

Но свѣтъ? но человѣкъ? познаніе стяжать?
Объ нихъ не всякой ли желаетъ?

ФАУСТЪ

Да, то, что свѣтъ познаньемъ нарицаетъ,
Что должнымъ именемъ никто не смѣетъ звать!
Немногихъ, кои вправду кой-что знали
И увлекаясь сердца полнотой
Не скрыли думъ и чувствъ своихъ передъ толпой —
Такихъ издревле жгли и распинали!

Но ужъ давно глухая почь —
Пора, пріятель, намъ разстаться.

ВАГНЕРЪ

Я съ вами, страхъ, люблю въ ученость углубляться —
До утра не пошелъ бы прочь!
Что, завтра, въ Пасху, вы позволите, я чаю,
Спросить себя про то и сё?
Ученье — страсть моя; и хоть я много знаю,
Но ужъ хотѣлось бы знать всё!

Уходитъ.

ФАУСТЪ *одинъ*

Глупецъ — онъ все еще надеждами богатъ!
За вздорами гоняясь, вѣкъ проводитъ,
Все ищетъ клада подъ землей, и радъ
Что дождевыхъ червей находитъ!

И смѣло же такое существо
Придти сюда, гдѣ мнѣ являлся ликъ безплотныхъ!
Но я благодарю его,
Жалчайшаго изъ земнородныхъ:
На этотъ разъ онъ укротилъ во мнѣ
Порывъ обьявшаго всю душу изступленья —
Ахъ, предъ величіемъ гигантскаго видѣнья
Себя я карлой чувствовалъ вполнѣ!

Я, божества подобіе, мечтавшій
Быть къ вѣчной истины зерцалу близкимъ; я,
Исторгшійся изъ узъ земнаго бытія
И самознанье свѣтлое вкушавшій;
Я, большій Ангеловъ, дерзнувшій по живой

Природы жиламъ течь свободною душой
И жить, творя, существованьемъ новымъ,
Божественнымъ — о жребій роковой!
Я уничтоженъ громоноснымъ словомъ!

О равенствѣ съ тобой не долженъ я мечтать!
Тебя всей властью моего я слова
Могъ только вызвать, но не удержать!
Въ тотъ мигъ блаженства неземнаго
Какъ малъ и какъ великъ я былъ!
Но ты безжалостно меня отринулъ, снова
Къ невѣрному людей удѣлу обратилъ!
Кто скажетъ мнѣ, гдѣ часть благая:
Стать, иль идти, куда меня влечетъ?
Ахъ, даже дѣйствуя, не только что страдая,
Мы препинаемъ нашей жизни ходъ! [26]

Къ чистѣйшимъ помысламъ, воспринятымъ душою,
Все больше чуждыхъ имъ предметовъ льнетъ;
Кто благъ мірскихъ добился, ужъ мечтою
Тотъ блага лучшія зоветъ!
Да, чувства, бытъ для насъ создавшія душевный,
Черствѣютъ въ суетѣ вседневной:

Фантазія, съ толпой надеждъ своихъ
До самой вѣчности ширявши на просторѣ,
Ужъ не летаетъ въ даль, когда въ житейскомъ морѣ
Пойдутъ крушенья тѣхъ же благъ земныхъ;
Тутъ въ грудь забота залегаетъ —
Печалитъ насъ, боязнію слѣпой

Ничтожитъ щастье и покой;
Она, что часъ, свой видъ перемѣняетъ,
Пророчитъ зло семьѣ, имѣнью, намъ самимъ
Отъ злыхъ людей, стихій, болѣзней, браней:
Нѣтъ бѣдствій — бѣдствій жди; все, что зовешъ своимъ,
Утратить бойся, все оплакивай заранѣ!

Подобенъ не богамъ — да, ясенъ жребій мой —
Подобенъ червю я, что въ прахѣ обитаетъ
И кормится, и тамъ, подъ путника стопой
Смерть и могилу обрѣтаетъ!

Не прахъ ли все, чѣмъ я со всѣхъ сторонъ
Здѣсь, въ царствѣ моли, окруженъ —
Всѣ эти хитрые снаряды,
Гніющей ветоши громады?
И здѣсь я мной желанное найду?
Да, въ сотняхъ книгъ копаясь, я прочту,
Что племя смертныхъ завсегда страдало,
Что было кое-гдѣ щастливцевъ — очень мало!
Вотъ черепъ; скалясь, онъ какъ будто говоритъ,
Что тожъ и въ немъ былъ умъ сокрытъ,
Который дня искалъ и въ сумракѣ терялся,
Все жаждалъ истины и жалко заблуждался!
Вотъ инструменты — сложностью своей
Они смѣются надъ затѣями людей:
Ихъ къ истинѣ ключами мы щитаемъ;
Хитры ключи, а все не отпереть замка имъ!
Природа съ лика своего
Таинственный покровъ сорвать не позволяетъ:

Чего твоей душѣ она не открываетъ,
Машинами у ней не вынулишъ того!
Весь этотъ хламъ мнѣ отъ отца достался;
Отецъ его употреблялъ
И съ той поры онъ здѣсь нетронутый лежалъ
Да копотью лампадной покрывался.
Ахъ, лучше бъ я прожилъ кроху свою давно,
Чѣмъ ею тяготить себя здѣсь понапраспу!
Наслѣдство лишъ тогда назвать своимъ мы властны,
Когда на пользу служитъ намъ оно!
Да, достоянья мертвыя суть бремя;
Живыя жъ тратитъ и опять раждаетъ время. [27]

Но чѣмъ въ тотъ уголъ взоръ влечется мой?
Тамъ стклянка — развѣ въ ней магнита сила?
Что вдругъ меня привѣтно озарило,
Какъ путника луна во тьмѣ лѣсной?

Поди сюда, сосудъ мой драгоцѣнный!
Почтительно тебя привѣтствую, смиренно
Въ тебѣ чту умъ и знаніе людей.
Моя рука въ тебя сливала
Смертельныхъ силъ сотворныя начала —
Мнѣ влагой ты и услужи своей!
Тебя я зрю — смягчается мученье;
Тебя держу — стихаетъ думъ волненье,
Приливъ души уходитъ и влечетъ
Меня на моря нѣкую пучину,
И черезъ водъ зеркальную равнину
День новый къ новымъ берегамъ зоветъ.

Огнистая слетаетъ колесница
Ко мнѣ съ высотъ лазурныхъ, и я вдругъ
Готовность чувствую въ путь новый устремиться,
Стать въ новый чистыя дѣятельности кругъ.
Но можно ль, чтобъ удѣла столь благаго
Ты, нынѣ червь, достоинъ былъ?
Да, только къ свѣту солнышка земнаго
Отважно обрати свой тылъ;
Ворвись въ ту дверь, которую охотно
Желалъ бы каждый миновать;
На дѣлѣ докажи, что волею свободной
Возможетъ человѣкъ богамъ не уступать —
Возможетъ не дрожать передъ пещерой мрачной,
Гдѣ столько мукъ себѣ фантазія творитъ;
Возможетъ броситься безстрашно
Въ жерло, предъ коимъ цѣлый адъ горитъ;
Возможетъ, не смутясь, на шагъ такой рѣшиться —
Хоть и съ опасностью въ ничтожество разлиться.

Поди сюда, оставь чехолъ свой пыльный,
Хрустальный мой, узорчато-гранильный,
Столь много лѣтъ забытый мной покалъ!
Въ степенный вѣкъ отцовъ моихъ и дѣдовъ
Кружа на торжествахъ пирушекъ и обѣдовъ,
Суровыхъ ты гостей развеселялъ.
Твоя рѣзьба, обычай — бойко
Тебя за-разъ опорожнять,
И смыслъ фигуръ притомъ стихами объяснять,
Напоминаютъ не одну попойку!
Теперь къ сосѣду я тебя не перепью

И надъ тобой умомъ не поиграю —
Пьянѣетъ скоро, кто вѣряется питью,
Которое въ тебя я лью!
Его составилъ я, его днесь избираю
И чашу на землѣ послѣднюю мою
Отъ всей души въ честь утра выпиваю.

Подноситъ кубокъ къ устамъ; вдругъ слышится колокольный звонъ и пѣніе.

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ

Христосъ воскресъ!
Возрадуйтесь, грѣшные:
Отъ тьмы онъ кромѣшныя
Васъ спасъ и отверзъ
Врата вамъ небесъ.

ФАУСТЪ

Но что за звуки, что за мощный зовъ
Отъ устъ мнѣ чашу отторгаетъ?
Ахъ, это звонъ колоколовъ
Святую Пасху возвѣщаетъ!
Да, это хоръ ту пѣснь провозглашаетъ,
Въ которой нѣкогда спасенія завѣтъ
Отъ Ангеловъ услышалъ свѣтъ!

ХОРЪ ЖЕНЩИНЪ

Елеемъ и муромъ
Его мы омыли;
Почившаго съ миромъ
Во гробъ положили;
Оплакать блаженнаго
Снова приходимъ;

Но ужъ погребеннаго
Здѣсь не находимъ!

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ

Христосъ воскресъ!
Блаженъ неунывшій,
Себя побѣдившій,
Борьбой заслужившій
Наслѣдье небесъ!

ФАУСТЪ

Почто вы, звуки, мощны и отрадны,
Меня здѣсь въ прахѣ ищете? кчему?
Гремите тамъ, гдѣ къ вамъ сердца не хладны —
Я слышу благовѣсть, но вѣры не ему;
А чудеса суть чада Вѣры!
Я не дерзаю вознестись въ тѣ сферы,
Откуда гласъ спасенія гремитъ;
Но, съ дѣтства мнѣ знакомый, онъ миритъ
Меня и нынѣ съ жизнью опостылой!
Была пора, когда ко мнѣ
Въ торжественной субботней тишинѣ
Лобзаніе любви небесной низходило;
Звучали вѣще въ тьмѣ колокола,
И сладостна молитва мнѣ была,
И полнъ безвѣстнаго стремленья
Въ поля, въ лѣса я убѣгалъ,
Точилъ ручьями слезы умиленья
И самъ въ себѣ міръ новый создавалъ!
Ахъ, эта пѣснь тогда гласила
О праздникѣ весны, объ играхъ и пирахъ!
Воспоминаній дѣтскихъ сила

Претитъ мнѣ предпринять послѣдній, грозный шагъ.
Теките, звуки, какъ вы встарь текли!
Слеза дрожитъ — я снова гость земли!

ХОРЪ УЧЕНИКОВЪ

Смертью поправыій
Смерть, намъ въ спасенье,
Прешелъ онъ со славой
Изъ области тлѣнья
Въ свѣтъ нескончаемый,
Въ свѣтъ безначальный;
Почто жъ обитаемъ мы
Міръ сей печальный?
Почто днесь и мы
Не властны изъ тьмы
Летѣть въ ту обитель,
Гдѣ нашъ искупитель?

ХОРЪ АНГЕЛОВЪ

Христосъ воскресъ!
Мужайтесь, идите
И міру гласите
О царствѣ небесъ.
При васъ онъ, учителяхъ,
Бога хвалителяхъ,
Душъ исцѣлителяхъ,
Вѣры крѣпителяхъ.—
Вѣрьте, всякъ часъ,
Вездѣ безотходно
Звѣздой путеводной
Онъ будетъ при васъ.

За городскими воротами.

Толпы гуляющихъ выходятъ изъ города.

НѢСКОЛЬКО ПОДМАСТЕРЬЕВЪ

Куда жъ вы? аль съ дороги сбились?

ДРУГІЕ ПОДМАСТЕРЬЯ

Куда? къ охотничьимъ домамъ.

ПЕРВЫЕ

А мы на мельницу пустились.

ОДИНЪ ИЗЪ ПОДМАСТЕРЬЕВЪ

По мнѣ, пойтить бы ужъ къ прудамъ.

ВТОРОЙ

Скучна дорога — все мѣста пустыя.

ДРУГІЕ

А ты куда?

ТРЕТІЙ

Туда жъ, куда другіе.

ЧЕТВЕРТЫЙ

Совѣтую пойти въ сельцо:
Тамъ чудо-дѣвушки, и славное пивцо,
И перваго разбора драки.

ПЯТЫЙ

Опять, братъ, лѣзешъ въ забіяки —
Знать въ третій разъ зудитъ спина!
Прощай — мнѣ драка не нужна.

ПЕРВАЯ СЛУЖАНКА

Нѣтъ, нѣтъ, я ворочусь — что толку?

ВТОРАЯ

Онъ вѣрно тамъ подъ тополями ждетъ.

ПЕРВАЯ

Да мнѣ-то что? опять начнетъ
Съ тобой мигаться въ тихомолку,
Съ тобой ходить и танцовать —
Я не хочу другимъ мѣшать.

ВТОРАЯ

Онъ не одинъ — сказалъ, что приведетъ съ собою
Того, ты знаешь, что съ курчавой головою.

идутъ вмѣстѣ далѣе.

ШКОЛЬНИКЪ

Вотъ чудо-дѣвки! славная статья!
Махнемъ-ка, братъ, къ нимъ посмѣлѣе!
Табакъ покрѣпче, пиво похмѣльнѣе,
Да дѣвушка въ нарядѣ — страсть моя!

ДѢВИЦА-ГОРОЖАНКА

Лихіе парни, но признаться
Что ужасть какъ себя ведутъ:
Могли бъ съ порядочными знаться,
А вотъ, за этими бѣгутъ!

ВТОРОЙ ШКОЛЬНИКЪ *къ первому*

Смотри-ка, позади двѣ: выступаютъ плавно,
Одѣты, какъ нельзя милѣй;

Одна — моя сосѣдка; къ ней
Неравнодушенъ я издавна.
Давай-ка шагъ укоротимъ
Да по немножку и пристанемъ къ нимъ!

ПЕРВЫЙ

Нѣтъ, этѣ чопорны! что толку дѣлать глазки!
Скорѣй за дичью — вѣдь уйдетъ.
Чѣмъ больше въ будни женщинѣ работъ,
Тѣмъ въ праздники щедрѣй она на ласки.

ГОРОЖАНИНЪ *къ другому*

Нѣтъ, просто, милостивецъ мой,
Я недоволенъ новымъ головой:
Что день, то пущая надменность,
А намъ въ томъ пользы ни на грошъ —
Все только строже подчиненность
Да больше прежняго платежъ.

НИЩІЙ *напѣваетъ*

Почтите нищаго подмогой,
Вы, госпожи и господа!
Всего Творецъ послалъ вамъ много —
Храните жъ заповѣдь Христа:
Кто съ бѣднымъ дѣлитъ даръ Господній,
Тому веселье веселѣй!
Подайте — въ свѣтлый день сегодня
Вамъ будетъ на душѣ свѣтлѣй.

ВТОРОЙ ГОРОЖАНИНЪ

По праздникамъ всего пріятнѣй мнѣ
Разсказы объ войнѣ —
Какъ тамъ, въ Туреччинѣ, далеко,
Народъ съ народомъ рѣжется жестоко.

Стоишъ себѣ съ стаканомъ у окна,
По рѣчкѣ челны взоромъ провожаешь,
А послѣ, идучи домой, благословляешь
Благія міра времена.

ТРЕТІЙ

И мнѣ, сосѣдъ, все это нипочемъ:
Пускай другъ друга дуютъ въ рыло,
Пусть все тамъ станетъ кверху дномъ,
Лишъ бы у насъ по старому все было.

СТАРУХА *къ дѣвицамъ горожанкамъ*

Ай да красотки! вотъ, нарядны —
Какъ не влюбиться молодцамъ!
И какъ спѣсивятся! да ладно —
Я вѣдь съумѣла бъ то добыть, что нужно вамъ!

ПЕРВАЯ ДѢВИЦА ГОРОЖАНКА

Пойдемъ, Агата! здѣсь намъ знаться не пристало
Съ такою вѣдьмой — здѣсь мы не однѣ,
Хотя она и показала
Въ Андреевъ вечеръ суженаго мнѣ.

ВТОРАЯ

И моего мнѣ тожъ, въ стаканѣ:
Военный, какъ теперь гляжу!
Я ужъ люблю его заранѣ,
Да какъ-то все не нахожу.

СОЛДАТЫ

Рушить твердыни
Мощной рукою,
Гордыхъ красавицъ
Сердце брать съ бою —
Вотъ чего жаждемъ

Всей мы душою.
Славному дѣлу
Много наградъ!

Трубный звукъ сватомъ
Шлёмъ мы успѣшнымъ
Въ дѣлѣ смертельномъ
Какъ и въ сердечномъ:
Грянемъ, приступимъ.
Щетъ тутъ короткій —
Наши — твердыни,
Наши — красотки!
Славному дѣлу
Много наградъ;
Взявши ихъ, дальше
Мчится солдатъ.

Входятъ ФАУСТЪ *и* ВАГНЕРЪ

ФАУСТЪ

Отъ свѣтлаго взора весны животворной
Исчезъ ледяной покровъ на водахъ;
Надежда жатвъ зеленѣетъ въ поляхъ;
Съ тепломъ утомившись борьбою упорной,
Зима убѣжала въ пріютъ свой нагорный.
На злакомъ одѣтые долы она
Въ гнѣвѣ безсильномъ оттуда, порою,
Вѣетъ, бушуя, морозной крупою;
Но солнцу противна земли бѣлизна —
Вездѣ становится пестрѣе чѣмъ было,
Все жизнью кипитъ и растительной силой;
Цвѣтовъ нѣтъ — но въ пестрыхъ одеждахъ своихъ

Толпы людей отвѣчаютъ за нихъ!
Взгляни на городъ — разостланъ въ долинѣ,
Отсюда онъ видится, какъ на картинѣ:
Быстро изъ узкихъ старинныхъ воротъ
Сыплется плотной гурьбою народъ —
Всякой на солнце выходитъ сегодня
Праздновать день воскресенья Господня;
Сами воскреснувъ душой, отъ трудовъ,
Забывши о нуждахъ вседневныхъ заботу,
Всѣ изъ подъ кровель тяжелаго гнету,
Изъ душныхъ рабочихъ, изъ тѣсныхъ домовъ,
Изъ храмовъ торжественно-сумрачной сѣни,
Изъ улицъ сжатыхъ рядами строеній
Бѣгутъ, чтобъ на волѣ въ усталую грудь
Вешній цѣлебный воздухъ вдохнуть.
Посмотри, полюбуйся! повсюду, какъ волны,
Толпа дробится, вблизи, вдалекѣ;
А тамъ, колыхаясь по свѣтлой рѣкѣ
Несутся врозь веселые чолны;
Вотъ въ пристани, весь дополна нагруженъ,
Оставался одинъ — и онъ отплываетъ!
Куда ни взгляни, со всѣхъ сторонъ,
Даже съ горъ, цвѣтная одежда мелькаетъ.
И всюду поютъ, играютъ, шумятъ —
Теперь блаженъ народъ, какъ въ раѣ нѣкомъ!
Теперь ликуетъ старъ и младъ!
Здѣсь человѣкъ я; здѣсь могу быть человѣкомъ!

ВАГНЕРЪ

Пройтиться съ вами здѣсь вдвоемъ
Мнѣ и пріятно и почетно;

Одинъ же я пошелъ бы не охотно,
За тѣмъ, что врагъ я грубаго во всемъ —
Пискъ скрипокъ, крики, кеглей стукотня
Препепріятны для меня:
Дурятъ, какъ будто ихъ мутитъ лукавый,
И называютъ то пѣньемъ, забавой!

Селяне *подъ липою. Пляска и пѣніе.*

Одѣтъ нарядно, пастушокъ
Поправилъ на себѣ вѣнокъ
И побѣжалъ подъ липки.
Подъ липками жъ народу тьма —
Поютъ, кружатся безъ ума!
Юхге, Юхге,
Юхгейза, ге!
Гудятъ гудки и скрыпки.

Вмѣшавшись въ молодежи кругъ,
Съ одной изъ дѣвушекъ онъ вдругъ
Столкнулся нерадиво;
Она жъ взглянула пресмѣшно
И говоритъ: весьма умно,
Юхге, Юхге,
Юхгейза, ге!
Притомъ же и учтиво!

Но всякъ пустился въ плясъ, кто могъ!
Вотъ и они помчались — ногъ
Не слышатъ подъ собою!
И вотъ, имъ стало горячо;
Они стоятъ съ плечомъ плечо,

Юхге, Юхге,
Юхгейза, ге!
Стоятъ рука съ рукою.

— Конечно, только вамъ повѣрь!
Всего наскажете теперь,
А послѣ будутъ слёзки!—
Однакъ ее онъ изъ кружка
Увлекъ и ужъ издалека —
Юхге, Юхге,
Юхгейза, ге!
Неслись къ нимъ отголоски.

СТАРИКЪ

Почтенный Докторъ! честь тебѣ
За то, что такъ не гордъ съ народомъ,
Что, важный и ученый мужъ,
Почтилъ нашъ пиръ своимъ приходомъ!
Прими же, просимъ отъ души,
Изъ рукъ усердныхъ эту чашу;
Желаемъ, поднося ее,
Чтобъ Богъ мольбу услышалъ нашу
И столько, сколько капель въ ней,
Тебѣ прибавилъ къ жизни дней.

ФАУСТЪ

Благодаря васъ, принимаю
И всѣмъ вамъ всякихъ благъ желаю.

Народъ собирается около Фауста въ кружокъ.

СТАРИКЪ

Пріятно, право, что того
Мы въ день веселья повидали,

Кто насъ, забывши о себѣ,
Не забывалъ во дни печали!
Еще здѣсь многіе живутъ,
Которыхъ съ смѣлостью примѣрной
Отецъ твой въ страшный годъ чумы
Отъ гибели избавилъ вѣрной.
И ты тогда, хоть молодъ былъ,
А ждать не заставлялъ больнаго.
Не мало померло людей;
Тебѣ жъ не приключилось злаго
По самый бѣдствія конецъ: р.б.
Ты насъ хранилъ; тебя — Творецъ.

НАРОДЪ

Пусть долги дни тебѣ дастъ Богъ,
Чтобъ ты и впредь спасать насъ могъ!

ФАУСТЪ

Хвалите не меня — Того,
Въ чьей власти жизнь и смерть всего. [28]

Идетъ съ Вагнеромъ далѣе.

ВАГНЕРЪ

Ахъ, сладко сердцу отъ подобныхъ встрѣчь,
Похвалъ, привѣтствій, восклицаній!
Щастливъ, кто изъ своихъ умѣетъ дарованій
Такую выгоду извлечь.
Какъ, мужъ великій, не гордиться этимъ?
Тебя отцы указываютъ дѣтямъ,
Твою всякъ хочетъ слышать рѣчь;
Покажешся передъ народомъ,
Вдругъ, пляска, стой; гудокъ молчитъ,
За шапкой шапка вверхъ летитъ —

Всѣ чуть не падаютъ, какъ передъ крестнымъ ходомъ.

ФАУСТЪ

Здѣсь, выше, камень есть — присядемъ, отдохнемъ.
Не разъ, печально, одиноко
Я въ думѣ здѣсь сидѣлъ глубокой
И изнурялъ себя молитвой и постомъ:
Надежды полный, въ вѣрѣ твердый,
Я мнилъ въ мечтательности гордой,
Что силой слезъ, стенаній и мольбы
Могъ вынудить конецъ заразы у судьбы.
Хвала толпы мнѣ тягостнѣй укора;
Ахъ, еслибъ видѣлъ душу ты мою!
Достойными не славы, а позора
Себя съ отцемъ я признаю.
Отецъ былъ честный человѣкъ, но темный:
Трудился не жалѣя силъ,
Но сбившись съ толку, все къ одной головоломной
Своей системѣ приводилъ. [29]
Въ лабораторіи, въ кругу другихъ Адептовъ
Онъ по сложнѣйшимъ изъ рецептовъ
Сливалъ противныя другъ другу вещества.
Такъ *краснаго* сначала *льва*
И *лилію* они томили
Во влагѣ теплой, а потомъ тѣснили
Изъ стклянки въ стлянку ихъ огнемъ;
Когда жъ всплывала подъ стекломъ
Царица юная въ одеждѣ многоцвѣтной, [30]
Готовъ бывалъ бальзамъ всесвѣтный,
Больные гибли, а спасенъ ли кто —
О томъ не спрашивалъ никто!

Ужасно ! силой адскаго раствора
Нещастный край мы пуще мора
Опустошали въ чумный годъ !
Я самъ въ уста лилъ тысячамъ отраву ,
И надобно жъ , чтобъ нынѣче славу
Убійцѣ воздавалъ народъ !

ВАГНЕРЪ

Ну можно ли объ этомъ сокрушаться ?
Довольно и того , что по другихъ слѣдамъ ,
Ты совѣстливо , такъ , какъ наученъ былъ самъ ,
Старался дѣломъ заниматься .
Какъ сынъ почтительный , во всемъ
Ты слѣдовалъ отцу — прекрасно !
Потомъ къ наукѣ самъ прибавилъ кой-что — ясно ,
Что сынъ твой далѣе пойдетъ твоимъ путемъ .

ФАУСТЪ

Блаженъ , кто все еще надеждою питаемъ
Увидѣть свѣтъ сквозь заблужденій тьму ! 31
Что въ жизни нужно , мы того не знаемъ ;
Что знаемъ , то не служитъ ни къ чему .
Но грустно — полно говорить объ этомъ :
Такой ли часъ теперь ! смотри-ка , что за видъ !
Какъ пышно солнце золотитъ
Сады и хижины вечернимъ тихимъ свѣтомъ !
Оно ужъ низко , ужъ къ странамъ иным
Летитъ съ своею животворной силой .
Ахъ , еслибъ вѣчно мнѣ возможно было
На крыльяхъ пташки мчаться вслѣдъ за нимъ ;
Всегда смотрѣть , какъ въ заревѣ заката
Вездѣ живѣютъ міра красоты —

Струи потоковъ рдѣютъ блескомъ злата,
Спокойны долы, свѣтлы высоты!
И не было бъ преградъ мнѣ на просторѣ:
Вотъ, встали горы — я превыше горъ;
Вотъ, стелется передъ глазами море,
Ему конца не обрѣтаетъ взоръ,
И зыбь его далекая готова
Закрыть свѣтило пышное; но нѣтъ,
Я мчусь впередъ и пью сіянье снова —
За мною тьма, передо мною свѣтъ,
Сводъ неба надъ главой и волны подъ стопами!...
Но солнце сѣло — и конецъ мечтамъ!
Ахъ, никогда души крыламъ
Не быть тѣлесными крылами!
Однако, силою врожденною влекомъ,
Не всякъ ли въ даль душою рвется,
Когда иль жаворонокъ вьется
Звуча въ ефирѣ голубомъ,
Или паритъ надъ горъ вершиной
Орелъ чуть видимый съ земли,
Иль мѣрнымъ летомъ надъ равниной
Къ отчизнѣ тянутъ журавли!

ВАГНЕРЪ

Перемечталъ и я не мало вздору,
Но не хотѣлъ еще ни разу въ даль.
На лѣсъ и поле наглядишся скоро,
А что нѣтъ крыльевъ — право, мнѣ не жаль.
То ль дѣло, какъ влечетъ насъ прелесть чтенья
Отъ книги къ книгѣ, отъ листа къ листу!
Тутъ ощущаешь жизни полноту,

Сидишъ, и ночь проходитъ какъ мгновенье;
Когда же важный свитокъ разобралъ,
То кажется, что въ рай попалъ!

ФАУСТЪ

Въ тебѣ одна наклонность; не имѣй,
Не знай другой себѣ на горе!
Ахъ, двѣ души въ груди моей
Живутъ въ безперерывномъ спорѣ:
Одна съ горячей страстью льнетъ
И припадаетъ ко всему мірскому;
Другая же изъ праха возстаетъ,
Стремится къ нашему началу неземному. [32]
О, если точно Духи межъ землей
И небомъ, въ воздухѣ владычествуя, рѣютъ,
Зову ихъ! пусть съ высотъ привѣютъ
И къ новой жизни мчатъ меня съ собой,
По цѣлому пусть носятъ міру!
Я все бы, и царей доходъ
И даже царскую порфиру
Отдалъ за плащикъ-самолетъ.

ВАГНЕРЪ

Охота жъ звать всѣмъ вѣдомую стаю
Духовъ, носящихся по воздуху въ парахъ!
Они и то любому краю
Надоѣдаютъ такъ, что страхъ:
Отъ Сѣвера повѣютъ — носъ и глотку
Какъ зубомъ, холодомъ язвятъ;
А отъ Востока — съ засухой чахотку
На легкое тебѣ примчатъ;
Отъ Юга — видно, что пустыня ихъ послала —

Жарой до нѣльзя раскалять твой лобъ;
Отъ Запада — тутъ прохладятъ сначала,
Потомъ же, глядь, и есть потопъ!
Зови! придутъ тотчасъ, за тѣмъ что полны злости,
Что вредъ намъ и обманъ несутъ;
А прилетаютъ словно съ неба гости,
И шепчутъ сладко — только жаль, что лгутъ.
Однакъ ужъ холодно, смеркаться начинаетъ,
На долахъ легъ туманъ — пойдемъ:
То ль дѣло дома, вечеркомъ!
Но что тебя такъ сильно занимаетъ?
Что за диковинка въ поляхъ тебѣ видна?

ФАУСТЪ

Смотри, вотъ рыщетъ черная собака.

ВАГНЕРЪ

Да, вижу; что же?

ФАУСТЪ

Присмотрись однако
Получше. Кто, ты думаешъ, она?

ВАГНЕРЪ

Кто? пудель! Ну, бѣднякъ, хлопочетъ —
На слѣдъ хозяина наткнуться, видно, хочетъ.

ФАУСТЪ

Замѣть, какъ онъ дугой спиральной по полямъ
Все ближе подбѣгаетъ къ намъ!
Не ошибаюсь ли? вотъ въ сумракѣ туманномъ
Струятся искры по слѣдамъ его.

ВАГНЕРЪ

Я вижу пуделя и больше ничего:
Твой глазъ подверженъ, знать, оптическимъ обманамъ.

ФАУСТЪ

Мнѣ кажется, въ кругахъ волшебныхъ онъ своихъ
Силки кладетъ намъ, будущія цѣни.

ВАГНЕРЪ

А мнѣ сдается: бѣгаетъ по степи,
Въ досадѣ, что пашелъ чужихъ.

ФАУСТЪ

Вотъ онъ ужъ близко — къ намъ подходитъ!

ВАГНЕРЪ

Что, вѣдь собака? Кто же правъ?
Ворчитъ, ложится, хвостикомъ поводитъ;
Какой тутъ Духъ! во всемъ собачій нравъ.

ФАУСТЪ *къ пуделю*

Поди сюда! останься съ нами!

ВАГНЕРЪ

О, пудель пресмѣшная тварь.
Стоишь — онъ ждетъ; а скажешь: шарь!
Пошелъ искать! велишь — повеселитъ прыжками;
Что потеряешь, принесетъ;
За палкою въ рѣку пойдетъ.

ФАУСТЪ

Ты правъ: въ ней Духа признаковъ не видно;
Собака, только учена.

ВАГНЕРЪ

Да, точно выучка видна.
Такихъ собакъ любить и мудрецу не стыдно.
Мани ее — идетъ! замѣтно ужъ сначала,
Что межъ студентами живала.

уходятъ въ городъ съ пуделемъ.

Кабинетъ Фауста.

ФАУСТЪ *входитъ съ пуделемъ*

Довольно я бродилъ въ поляхъ;
Глухая ночь ихъ покрываетъ
И въ насъ какой-то тайный страхъ,
Въ насъ душу лучшую пробуждаетъ.
Угасшій день унесъ страстей
И буйныхъ помысловъ тревогу,
И сердце движется сильнѣй
Любовью къ ближнему и къ Богу.

Пудель, уймися, полно возиться!
Что ты все фыркаешъ тамъ у дверей?
Видишъ подушку — изволь-ка на ней
Смирно за печкой ложиться.
Ты позабавилъ прыжками насъ въ полѣ;
Я за то взялъ тебя на ночь домой;
Будь же учтивъ и своей бѣготней
Не безпокой меня болѣ.

Какъ въ нашей кельѣ вечеркомъ
Лампада вновь запламенѣетъ,
То и въ душѣ у насъ, во всемъ
Себя извѣдавшей, свѣтлѣетъ;
Цвѣсти надежда, говорить
Разсудокъ начинаетъ снова,
И жизнь желается намъ пить
Изъ бытія ключа живаго. [34]

Песъ, замолчи! къ звукамъ торжественнымъ
Духъ мнѣ объявшимъ восторгомъ божественнымъ
Вовсе скотское вытье не подъ ладъ!
Мы видимъ, что люди хулу изрыгаютъ
На то, чего не понимаютъ;
На доброе, изящное ворчатъ,
За тѣмъ, что въ тягость имъ подчасъ оно бываетъ —
Уже ль на то же и собака лаетъ?

Но ахъ, ужъ изъ души, при наилучшей волѣ,
Токъ удовольствія не хочетъ литься болѣ.
И почему жъ не стало вдругъ его,
А жажда прежняя осталась?
Со мною это ужъ не разъ случалось,
И мнѣ понятно отчего:
Душѣ нѣтъ пищи въ здѣшнемъ свѣтѣ;
Ей откровеніе потребно, а оно
Ни гдѣ такъ ясно не заключено,
Какъ въ Божьемъ смертному завѣтѣ.
Я жажду пить отраду въ немъ
И сердцемъ отчуждясь отъ суеты мірскія,

Глаголы произнесть святые
На языкѣ родномъ. [35]

Но какъ начать ихъ мнѣ? съ чего?
Что наши рѣчи? гдѣ найду я слово,
Чтобы назвать, чтобъ выразить Его.
Непостижимое ни чьею мыслью Слово?
Скажу ль: Духъ духа, Сила силъ —
Все не придамъ тому достойнаго названья,
Кто самъ въ себѣ совокупилъ
Съ Причиной первой первое Дѣянье.

Послушай, пудель: если дольше
Ты хочешъ у меня гостить,
Прошу покорно больше
Не лаять и не выть.
Съ такимъ жильцемъ здѣсь, право, тѣсно!
Хоть гостя вонъ гнать и не честно,
Но на себя, мой другъ, пеняй —
Вотъ, дверь отворена, прощай!

Но что за странность? что за чудо?
Никакъ я началъ видѣть худо!
Иль это не обманъ? какой
Вдругъ пудель сдѣлался большой!
Какъ онъ свой видъ перемѣняетъ!
Все больше и страшнѣе! вотъ,
Сталъ толстъ, какъ Нильскій бегемотъ —
Грозится пастью, взорами сверкаетъ!
Такъ вотъ кого я принялъ въ домъ!

Постой же, мы его осадимъ — ?!
Мы Соломоновымъ ключемъ [36]
Съ подобнымъ полу-бѣсомъ сладимъ.

ДУХИ

внѣ комнаты

Приключилась бѣда!
Не летите туда —
Тамъ одинъ попалъ въ полонъ!
Какъ лиса въ капканѣ, онъ
Бьется въ клѣткѣ своей;
Но не бойтесь, изъ ней,
Старый, опытный бѣсъ,
Онъ и вылѣзетъ, какъ влѣзъ.
Между тѣмъ, въ чемъ кто можетъ
Пусть товарищу поможетъ;
Онъ и самъ, какъ смогалъ,
Намъ не разъ помогалъ.

ФАУСТЪ

Попробую надъ чудищемъ сперва
Стихійныя слова —
Заставлю горѣть Саламандру,
Разлиться Ундину,
Исчезнуть Сильфиду,
Бѣжать домоваго. [37]

Кто не постигъ
Стихій земныхъ,
Ихъ свойствъ и силъ
Не изучилъ,
Покорства тотъ —

Въ Духахъ не найдетъ.

Вспыхни огнемъ,
Саламандра!
Волною разлейся,
Ундина!
Блесни метеоромъ,
Сильфида!
Бѣги,
Домовой!
Кто есть, окажись,
Появись!

Никто, знать, изъ нихъ
Во псѣ не таится:
Недвиженъ и тихъ,
На меня онъ надменно косится.
Постой, на твою я бѣду
Сильнѣйшее слово найду.

Если, презрѣнный,
Ты житель геены,
Вотъ знакъ, предъ которымъ
Съ поникнутымъ взоромъ
Геена чело преклоняетъ!

А, вотъ ужъ онъ щетину поднимаетъ!

Что, кромѣшный, прочелъ
Ты его здѣсь символъ —

Несотвореннаго,
Неизрѣченнаго,
Ни чемъ не обьятаго.
Распятаго!

Вотъ, за печкой прижавшися, онъ
Сталъ огроменъ какъ слонъ;
Вотъ наполнятъ весь уголъ собой
И готовъ разлетѣться туманною мглой.
Сбрось эту, демонъ, личину
И въ ноги пади къ своему властелину!
Я не тщетно грожу —
Я священнымъ тебя огнемъ поражу!
Повинуйся, не жди
Лучей троекраты палящихъ!
Повинуйся, не жди
Заклятій послѣднихъ и вящшихъ!

Мгла разлетается; изъ за печки выходитъ **МЕФИСТОФИЛЬ** *въ видѣ странствующаго студента.*

МЕФИСТОФИЛЬ

Кчему весь этотъ шумъ? чѣмъ я могу служить вамъ?

ФАУСТЪ

Такъ вотъ кто въ пуделѣ сидѣлъ!
Схоластикъ! это презабавно!

МЕФИСТОФИЛЬ

Имѣю честь представиться. Я славно
По вашей милости вспотѣлъ.

ФАУСТЪ

Да? Какъ тебя зовутъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Вопросъ весьма не важный
Въ устахъ того, кто такъ не любитъ словъ,
Такъ скоро внѣшность презирать готовъ
И въ сущность мѣтитъ такъ отважно.

ФАУСТЪ

Что жъ? имя вѣдь у всѣхъ васъ, господа,
Про сущность говоритъ всегда
И никого въ обманъ не вводитъ,
Какъ, напримѣръ: лукавый, злой; [38]
Но ладно, кто ты?

МЕФИСТОФИЛЬ

Я частица силы той,
Что вѣчно хочетъ зла, а благо производитъ.

ФАУСТЪ

Загадка! что за смыслъ она скрываетъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Я Духъ, которой вѣчно отрицаетъ.
И въ томъ я правъ: все, что родится въ свѣтъ,
На то чтобъ гибнуть, только и годится;
Такъ ничему бы, лучше, не родиться!
За тѣмъ-то грѣхъ, погибель, вредъ —
Ну все, что зломъ у васъ зовутъ —
Моя есть область, мой пріютъ.

ФАУСТЪ

Ты говоришь, ты Часть; однакожъ ты здѣсь цѣлый.

МЕФИСТОФИЛЬ

Я скромно истинну изрекъ.
Пусть мірикъ глупостей, ничтожный человѣкъ
За Цѣлое себя щитаетъ смѣло;

Я Часть той Части, что вначалѣ Все была,
Той Тьмы, что Свѣтъ произвела —
Свѣтъ, съ ночью-матерью посмѣвшій въ глупомъ чванствѣ
О, первенствѣ ужъ спорить, о пространствѣ!
Но не бывать успѣху въ томъ:
Онъ рабски связанъ съ веществомъ —
Отъ вещества идетъ, по веществу струится [39]
И веществомъ бываетъ заслоненъ;
И такъ надѣюсь я, что это не продлится,
Что съ веществомъ и сгинетъ онъ.

ФАУСТЪ

Теперь я знаю, чѣмъ ты промышляешь:
Не властенъ будучи уничтожать гуртомъ,
Ты хоть враздробь уничтожаешь.

МЕФИСТОФИЛЬ

Да, но не вижу проку въ томъ:
Досадный Нѣчто, міръ сей вздорный,
Противникъ древняго Ничто,
Повсюду держится упорно
И существуетъ, хоть ты что!
Нашлешь ли бурю, трусъ, пожаръ, потопъ — напрасно:
Чрезъ мигъ опять въ немъ тихо и прекрасно!
Но что превыше всякихъ силъ —
Такъ это ваше и животныхъ племя:
Ужъ сколькихъ я похоронилъ,
А все проклятое произрастаетъ сѣмя!
Ну, хоть рѣхнись! что часъ, что мигъ,
Изъ воздуха, изъ водъ, изъ нѣдръ земныхъ,

Средь холода, тепла, средь сухости и влаги
Ползутъ живущихъ цѣлыя ватаги;
И не оставь себѣ я пламени въ удѣлъ,
Я своего угла бы не имѣлъ.

ФАУСТЪ

И такъ, бѣснуясь отъ досады,
Творящей силѣ всеблагой
Повсюду ставишъ ты преграды,
И вѣчно въ томъ успѣхъ плохой!
Не лучше ль, странный сынъ хаоса,
Искать работы въ чемъ иномъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

И впрямъ! но этаго вопроса
Коснуться можно и потомъ;
Теперь — не льзя ль мнѣ удалиться?

ФАУСТЪ

О чемъ тутъ спрашивать? иди.
Мы познакомились; случится,
Такъ и еще когда зайди.
Прощай. Вотъ двери, вотъ окошко,
Да и въ трубу бъ ты вылѣзть могъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Признаться ль? въ выходѣ немножко
Позатрудненъ я: вашъ порогъ —
На немъ фигурка мнѣ мѣшаетъ.

ФАУСТЪ

Неужто Пентаграмма? [40] да?
Но ежели она тебя пугаетъ,
То какъ же ты вошелъ сюда?
Какимъ былъ случаемъ обманутъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Извольте видѣть, въ ней не стянутъ
Тотъ уголъ, что лежитъ къ дверямъ —
Есть между линій промежутокъ.

ФАУСТЪ

Престранный случай! такъ безъ шутокъ
Ты у меня въ плѣну? и впрямъ
Нечаянно бѣду здѣсь встрѣтилъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Да, пудель ничего, вбѣгая, не замѣтилъ;
Теперь же съ дѣломъ не шути —
Для чорта нѣтъ назадъ пути.

ФАУСТЪ

А почему жъ не льзя въ окно уйти?

МЕФИСТОФИЛЬ

Законъ велитъ чертямъ и привидѣньямъ строго:
Туда же вылѣзай, куда изволилъ влѣзть.
Входъ воленъ; въ выходѣ жъ мы стѣснены жестоко.

ФАУСТЪ

Какъ, и у ада кодексъ есть?
И стало быть безъ опасеній
Съ чертями заключить возможно договоръ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Да, мы не любимъ притѣсненій,
Что обѣщаемъ, въ томъ едва ль возникнетъ споръ.
Но это все довольно сложно —
Обсудимъ послѣ; а теперь
Прошу нижайше: если можно,
То опростай свою мнѣ дверь.

ФАУСТЪ

Постой! хоть сказочку какую
Нельзя ль сперва мнѣ разсказать?

МЕФИСТОФИЛЬ

Да сдѣлай милость! Я приду опять —
Тогда хоть цѣлый день здѣсь протолкую.

ФАУСТЪ

Я за тобой не посылалъ;
Ты самъ попался въ сѣть, и такъ — ни слова!
Держи тотъ чорта, кто поймалъ:
Не вдругъ его поймаешъ снова!

МЕФИСТОФИЛЬ

Ну, если хочешъ, то изволь —
Вѣдь я ослушаться не смѣю;
Но объ одномъ прошу: позволь
Тебя потѣшить, какъ умѣю.

ФАУСТЪ

Весьма охотно; да, смотри,
Умнѣй потѣху избери.

МЕФИСТОФИЛЬ

О, въ часъ отъ нашего искуства
Ты болѣе насытишъ чувства,
Чѣмъ прежде насыщалъ ихъ въ годъ.
Все то, что будутъ передъ нами
Пѣвцы изображать словами,
Тотчасъ въ дѣйствительность прейдетъ —
Увидишъ, сколько обонянье
И вкусъ и даже осязанье
Тутъ наслажденія найдетъ!
Намъ и готовиться не нужно,

Мы всѣ здѣсь. Начинайте, дружно!

ДУХИ [41]

Двиньтесь, слетайте
Съ кельи сей своды,
Съ воздуха тучи!
Видѣть намъ дайте
Горней природы
Нѣдра зыбучи;
Ярко тамъ звѣздное
Льется мерцанье;
Пышно надъ бездною
Солнцевъ сіянье;
Тамъ Славословіе —
Съ чистой Любовію,
Вѣчно-прелестныя
Дѣвы небесныя,
Плаваютъ мирно
Въ зыби ефирной;
Съ радужной ткани
Ихъ одѣяній
Свѣтъ низлетаетъ
И озаряетъ
Сѣни густыя,
Гдѣ ждутъ свиданій
И лобызаній
Дѣвы младыя;
Гдѣ изъ размятыхъ
Мощнымъ снарядомъ
Гроздовъ богатыхъ
Бьютъ водопадомъ

Вина шипящія,
Токомъ вспѣненнымъ
По драгоцѣннымъ
Камнямъ въ шумящія
Рѣки сливаются
И разстилаются
Въ тихо-стоящія
Долу озера;
Нѣгу вдыхая,
Пташекъ тамъ хоры
Рѣзвою стаей
То поднимаются,
То опускаются
Сѣсть на пловучихъ
Среди зыбучихъ
Волнъ островахъ,
Въ конхъ обители
Мирные жители
Въ стройныхъ кругахъ
Долго пируютъ,
Пляшутъ, ликуютъ,
Послѣ жъ мѣшаются
И разсыпаются:
Всякъ надъ горами
Иль надъ водами
Весело мчится;
Всякой стремится
Къ жизни, въ тотъ дивный
Выспренній міръ,
Гдѣ безпрерывны

Щастье и миръ.

Фаустъ между тѣмъ заснулъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Уснулъ, дружокъ? ну, дѣти, славно —
Вы убаюкали его весьма исправно,
Я за концертъ у васъ въ долгу.
Спи! съ чортомъ совладать еще ты, знать, не въ силахъ!
Держи, мой хоръ малютокъ легкокрылыхъ
Его въ волшебномъ призраковъ кругу;
А мы, чтобъ чары снять съ порога,
На помощь крысу призовемъ.
Да вотъ, и звать не нужно много —
Одна скребетъ ужъ подъ столомъ.

Тебѣ владыка крысъ, мышей,
Лягушекъ, мухъ, клоповъ и вшей,
Велитъ изъ норки вылѣзть смѣло
И грызть порогъ такъ точно, какъ
Елеемъ[42] онъ положитъ знакъ.
Ты здѣсь ужъ? Ну, теперь за дѣло —
Бери скорѣе на зубокъ
Вотъ этотъ, крайній уголокъ.
Совсѣмъ? благодарю дружокъ!

уходитъ.

ФАУСТЪ *пробуждается*

Опять обманъ! Я пробудился —
И міръ Духовъ какъ не бывалъ!
Выходитъ, что мнѣ чортъ приснился,
А пудель между тѣмъ бѣжалъ.

Кабинетъ Фауста.

ФАУСТЪ; МЕФИСТОФИЛЬ *стучится въ дверь.*

ФАУСТЪ

Стучатся — экая досада!
Войди; ну, кто тамъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Я.

ФАУСТЪ

Войди.

МЕФИСТОФИЛЬ

Нѣтъ, три раза скажи.

ФАУСТЪ

Войди же!

МЕФИСТОФИЛЬ

Такъ и надо —
Мы, кажется поладимъ. Погляди:
Чтобъ ты скорѣй развеселился,
По барски я принарядился
И вотъ, являюсь молодцомъ —
Кафтанчикъ алый съ галуномъ,

Перо на шляпѣ, плащь шелковый
И шпага хватски у бедра.
Повѣрь, что и тебѣ пора
Надѣть такія же обновы,
Чтобъ на свободѣ испытать,
Что значитъ жить да поживать.

ФАУСТЪ

Напрасно! жизни тѣснота и холодъ
Все будутъ жать меня, студить мнѣ сердца жаръ. [43]
Чтобъ все играть — я слишкомъ старъ;
Чтобъ не имѣть желаній — слишкомъ молодъ;
А что доставить можетъ свѣтъ?
«Нуждайся въ томъ, умѣй жить безъ другаго!» [44]
Вотъ общій для людей привѣтъ,
Вотъ пѣснь, которую все снова
Отъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ
Намъ жизни каждый часъ поетъ!
Настанетъ день — его я съ трепетомъ встрѣчаю;
Я слезы лить готовъ — я знаю,
Что онъ пройдетъ, пройдетъ, ни одного
Не совершивъ желанья моего!
Что всѣ надежды наслажденій
Онъ дерзкою насмѣшкой истребитъ,
И повседневности уродствомъ исказитъ
Изящный міръ моихъ видѣній!
Когда жъ наступитъ ночь, въ тоскѣ на ложе сна
Я падаю; но и на ложѣ
Тревога та жъ, мученье то же:
Не спитъ душа, мятежныхъ грезъ полна.
Богъ, обитающій въ груди моей нещастной

Могучь тамъ, въ сердца глубинѣ;
Но, силъ моихъ владыка самовластный,
Безсиленъ онъ надъ всемъ, что не во мнѣ.
Такъ бытіе мнѣ въ тягость, постоянно -
Противна жизнь и смерть желанна.

МЕФИСТОФИЛЬ

Охъ, смерть не можетъ быть желанною вполнѣ!

ФАУСТЪ

Блаженъ, кому она окровавленный
Вѣнецъ побѣды на чело кладетъ,
Кого по пляскѣ изступленной
На персяхъ милой застаетъ!
Зачѣмъ, когда мнѣ мощный духъ предсталъ,
Въ восторгѣ мертвый я не палъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Однако жъ въ комъ-то духу не достало
Кой-что испить въ извѣстную мнѣ ночь!

ФАУСТЪ

Ты, кажется, подслушивать охочь?

МЕФИСТОФИЛЬ

Я знаю хоть не все, однако жъ и не мало.

ФАУСТЪ

О, если, воскресивъ привѣтно
Въ душѣ младенческій восторгъ,
Меня звукъ сладостно-завѣтный
Изъ бури грозной и исторгъ,
Я проклинаю все, что властно
Мечтами насъ очаровать
И нашу душу къ сей нещастной
Земной юдоли приковать!

Будь проклято само-почтенье
Себѣ творимое умомъ,
И чувствъ смѣшное ослѣпленье,
Всегда обманутыхъ во всемъ;
Будь проклято, что намъ обширной
Извѣстностью и славой льститъ,
Что наслажденья жизни мирной
Въ семьѣ, въ имѣніи сулитъ;
Будь проклятъ Маммонъ, насъ влекущій
На смѣлыя дѣла алчбой,
Или изнѣженныхъ душой
На ложе праздности кладущій!
Будь прокляты любовь, вино,
Все, что желанно, что отрадно; 45
Терпѣнье жъ пошлое — стократно
Да будетъ проклято оно!

ХОРЪ ДУХОВЪ *невидимо*

О горе, горе!
Его ты разрушилъ,
Прекрасный міръ
Могучей рукою,
И палъ онъ во прахъ,
Исполиномъ разбитый;
И мы уносимъ
Въ ничтожство обломки,
Горюя
О погибшемъ изяществѣ.
Пышнѣе былаго
Возсоздай его снова,
Земнородный могучій,

Возсоздай въ своемъ сердцѣ ;
И въ новый путь жизни
Иди съ свѣтлой душою
И свѣтлымъ умомъ ,
И новую пѣснь мы
Тебѣ воспоемъ .

МЕФИСТОФИЛЬ

Послушай , какъ малютки
Мои поютъ
И старчески-премудрый
Совѣтъ даютъ :
Манятъ тебя изъ кельи
Гдѣ столько лѣтъ
Твой умъ и мысль мертвѣли ,
На бѣлый свѣтъ .
Ужель тебѣ лелѣять цѣлый вѣкъ
Какъ коршунъ жизнь твою терзающее горе ?
И средь послѣднихъ изъ людей ты вскорѣ
Почувствуешъ , что самъ ты человѣкъ !
Съ послѣдними однако же тебя я
Не сталъ бы и сводить :
Конечно , я особа не большая ,
Но все жъ! подумай , если въ свѣтѣ жить
Ты хочешъ за одно со мной ,
Я хоть сейчасъ же твой —
Товарищь , то есть , твой , покуда ;
Когда жъ найдешъ потомъ ,
Что я служу не худо ,
Я сдѣлаюсь тебѣ во всемъ
Слугою и рабомъ .

ФАУСТЪ

А что съ меня за это ты возьмешъ ?

МЕФИСТОФИЛЬ

О , до расплаты ты не скоро доживешъ .

ФАУСТЪ.

Нѣтъ , милый ! дьяволъ егоистъ :
Не ради имени Христова
Творитъ добро онъ для другаго !
Условимся , чтобъ щетъ былъ чистъ ,
А то бѣда вѣдь при слугѣ такомъ !

МЕФИСТОФИЛЬ

Я буду рабски въ жизни этой
Тебѣ прислуживать во всемъ ;
Когда же *тамъ* другъ друга мы найдемъ ,
Ты мнѣ заплатишъ тою же монетой .

ФАУСТЪ

Разрушь мнѣ этотъ міръ , а тотъ
Пускай потомъ какъ хочетъ , возстаетъ .
На сей землѣ мои родятся наслажденья ;
Подъ этимъ солнцемъ я сношу мученья ;
И только ихъ бы не сносить ,
А тамъ пусть будетъ , что должно и можетъ быть .
Да , мнѣ нѣтъ дѣла никакого
Знать , вѣдома ль вражда тамъ и любовь сердцамъ
И будетъ ли въ томъ мірѣ снова
Различье между *здѣсь* и *тамъ* . [46]

МЕФИСТОФИЛЬ

О , если такъ , зачѣмъ же не рѣшиться ?
Отважься ! нашъ братъ не скупится :

Я дамъ тебѣ, чего во вѣкъ
Еще не видывалъ на свѣтѣ человѣкъ.

ФАУСТЪ

И что же дашъ ты? бѣсу ль знать
Духъ человѣка? бѣсу ль постигать
Его возвышенныя страсти?
Но, правда, у тебя во власти
Есть пища, коею никто не будетъ сытъ;
Есть злато, что какъ ртуть межъ пальцами бѣжитъ;
Есть и игра, въ которой всякъ
Проигриваетъ навѣрнякъ;
И женщины, въ обьятіяхъ дружка
Обѣтъ дающія другимъ изподтишка;
И слава, что блеснетъ и въ тотъ же мигъ темнѣетъ.
Пожалуй, укажи мнѣ плодъ,
Что прежде, чѣмъ сорвутъ его, гніетъ,
И дерево, что вновь вседневно зеленѣетъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Изволь, безъ трудности у насъ
Отыщется добро такое;
Но можетъ быть настанетъ часъ,
Что мы и лучшимъ чѣмъ потѣшимся въ покоѣ.

ФАУСТЪ

О, чуть на ложе лѣни я паду,
Чуть для души покой найду,
Чуть отъ твоихъ бѣсовскихъ обольщеній,
Самодовольный сердцемъ и умомъ,
Забудусь въ нѣгѣ наслажденій —
Пусть день тотъ будетъ мнѣ послѣднимъ днемъ!
Что держишь ли закладъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Держу!

ФАУСТЪ

Давай же! и когда мгновенью я скажу:
«Не улетай, ты такъ прекрасно!»
Я самъ тогда погибнуть буду радъ;
Тогда влеки меня въ свой адъ,
И тамъ владѣй мной самовластно! [47]
Тогда пусть для меня пробьетъ
Година смертно-роковая;
Пусть станетъ стрѣлка часовая
И кончитъ время свой полетъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Смотри, чтобъ послѣ жаль чего не стало! [48]

ФАУСТЪ

Нѣтъ, я обдумалъ все, что надлежало.
Вѣдь мнѣ рабомъ быть суждено;
Не всё ли жъ для меня равно,
Твоимъ быть, или чьимъ попало?

МЕФИСТОФИЛЬ

Такъ нынѣче же явлюсь въ служительскомъ нарядѣ
Я на ученый пиръ. [49] Теперь еще одно:
Черкни мнѣ строчки двѣ — оно
Все лучше, жизни или смерти ради.

ФАУСТЪ

Писать? Педантъ! знать ты не испыталъ,
Что значитъ человѣкъ и слово человѣка!
Кажись, довольно, что отъ нынѣ я до вѣка
Себя обѣтомъ внутренне связалъ;
Не то — вѣдь въ свѣтѣ все непостоянно, [50]

Такъ записъ ли меня остепенитъ?
Но этотъ предразсудокъ странный
Глубоко въ наше сердце врытъ!
Не есть ли честность лучшая порука?
Кто честенъ, жизнью тотъ искупитъ свой обѣтъ; [51]
Однако же — бумаги листъ, вотъ бука,
Предъ коимъ гнетъ колѣна свѣтъ!
А что въ листѣ? слова въ перѣ же умираютъ,
И такъ сургучь, чернила насъ пугаютъ!
Ну, чѣмъ писать мнѣ и на чемъ?
На мраморѣ, мѣди, пергаментѣ, бумагѣ?
Рѣзцомъ, иглою иль перомъ?
Я все на выборъ отдаю сутягѣ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Ну, стоитъ ли объ этомъ такъ красно
Въ ораторствѣ распространяться?
Ты только кровью долженъ подписаться —
На чемъ попало, все равно.

ФАУСТЪ

Пожалуй, ежели такъ надо,
То я не прочь отъ глупаго обряда.

МЕФИСТОФИЛЬ

Кровь есть особенность. [52]

ФАУСТЪ

Чуръ только не бояться,
Что измѣню я слову своему!
Мои всѣ силы именно къ тому,
Въ чемъ обязуюсь я, стремятся.
Я слишкомъ высоко глядѣлъ,
Я долженъ стать вравнѣ съ тобою.

Высокій Духъ меня презрѣлъ ;
Природы нѣдра предо мною
Затворены ; порвалась мыслей нить
И ужъ давно тошнитъ меня отъ знанья .
Такъ станемъ же кипучія желанья
Въ утѣхахъ чувственныхъ тушить !
Всѣ чудеса волшебныхъ обаяній
Себѣ на помощь призовемъ [53]
И погрузимся , потечемъ
Въ потокѣ дней , въ волнахъ дѣяній !
Пусть тамъ веселье за тоской ,
За щастіемъ невзгода , наступаетъ
Какой угодно чередой :
Дѣятеленъ лишъ тотъ , кто отдыха не знаетъ .

МЕФИСТОФИЛЬ

О , ты ни мало не стѣсненъ :
Ото всего , со всѣхъ сторонъ ,
Отъ каждой мимолетной встрѣчи ,
Что радуетъ , то и бери —
Да , не жеманься же , смотри .

ФАУСТЪ

Что радуетъ ! тутъ нѣтъ объ радостяхъ и рѣчи !
Я жажду бурь , тревогъ , горчайшихъ изъ отрадъ —
Любви враждебной , сладостныхъ досадъ : [54]
Хочу , отъ страсти къ знанью исцѣленный ,
Всѣмъ горестямъ открыть путь къ сердцу моему ;
Все испытать поперемѣнно ,
Что человѣчеству присуждено всему —
Его блаженствомъ и страданіемъ упиться ,
Обьять весь кругъ , его обьемлемый умомъ

И духъ разширя свой на весь его обьемъ,
Съ нимъ вмѣстѣ въ часъ его кончины сокрушиться.

МЕФИСТОФИЛЬ

О, вѣрь тому, кто тысячи годовъ
Надъ этой пищей не жалѣлъ зубовъ: [55]
Отъ колыбели и до гроба
Сварить ее ничья не возмогла утроба!
Вѣрь существу какъ я: она
Тому лишъ въ снѣдь годна,
Кто въ вѣчномъ свѣтѣ! мы жъ съ тобой:
Я — въ мракѣ; ты — въ смѣшеньи свѣта съ тьмой.

ФАУСТЪ

Но я хочу.

МЕФИСТОФИЛЬ

Что жъ, это дѣльно!
Да худо вотъ что: жизнь тѣсна,
Твоя жъ затѣя безпредѣльна [56] —
Оставь ее; а нѣтъ, то чтобъ успѣть сполна,
Проси какого ни-на-есть поэта,
Пусть со всего онъ свѣта
Отличныхъ качествъ дань возьметъ
И разомъ ихъ тебѣ пошлетъ —
Дастъ львиную отважность,
Дастъ съ серны быстротой
И южный крови зной
И мыслей сѣверную важность;
Научитъ тайнѣ согласить
Правдивость съ страстію къ обманамъ;
Укажетъ даже, какъ должно любить
И страстно и согласно съ даннымъ планомъ.

Тогда, какъ чудо въ кругѣ бытія,
Конечно микрокозмомъ я
Назвалъ бы ваше высокостепенство. [57]

ФАУСТЪ

Что жъ я такое, ежели вполнѣ
Здѣсь человѣческое мнѣ
Недостижимо совершенство? [58]

МЕФИСТОФИЛЬ

Почтеннѣйшій! ты, просто — ты!
Надѣнь парикъ съ несмѣтными кудрями,
Имѣй ходули подъ ногами —
Ты все не болѣе, какъ ты.

ФАУСТЪ

Дѣйствительно, теперь мнѣ ясно,
Что умственныхъ сокровищъ я напрасно
Въ себѣ такъ много сгромоздилъ —
Отъ нихъ въ душѣ не прибываетъ силъ:
Я все ни на волосъ не выше
И къ безконечности не ближе.

МЕФИСТОФИЛЬ

Ты видишъ дѣло въ простотѣ своей,
Какъ вообще на взглядъ оно сдается;
Попробуй-ка, пока еще живется,
Объ этомъ разсудить умнѣй:
Тьфу, пропасть! руки, ноги — все, отъ рожи
До прочаго — ну, да, оно твое;
Но все, что служитъ мнѣ на пользу — и оно же
Безспорно вѣдь мое!
Когда я шесть коней имѣю,
Не я ль ихъ силами владѣю?

Я мчусь, какъ будто далъ мнѣ Богъ
Двѣ дюжины проворныхъ ногъ:
О чемъ же думать тутъ? ступай
Скорѣе въ свѣтъ и чувствамъ волю дай.
Кто трудности вездѣ находитъ,
Тотъ на осла похожъ, котораго злой духъ
Кругомъ на голомъ мѣстѣ водитъ,
А по бокамъ цвѣтетъ зеленый лугъ!

ФАУСТЪ

Съ чего же мы начнемъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Скорѣе
Отсюда надобно бѣжать.
Что здѣсь за жизнь? что можетъ быть скучнѣе,
Какъ самому себѣ и парнямъ наскучать?
Оставимъ этотъ трудъ сосѣду дорогому.
Что толку молотить солому?
Вѣдь лучшаго, что знаешъ самъ,
Не смѣешъ ты сказать ученикамъ.
Чу! вотъ одинъ изъ нихъ идетъ.

ФАУСТЪ

Теперь его мнѣ невозможно видѣть.

МЕФИСТОФИЛЬ

Нельзя жъ отказомъ бѣдняка обидѣть —
Онъ ужъ и то давненько ждетъ.
Давай-ка свой нарядъ ученый —
Онъ будетъ очень мнѣ къ лицу;
Я въ четверть часика смышленый
Во всемъ отвѣтъ дамъ молодцу,

А ты ступай да въ путь, смотри, готовъ будь разомъ.

Надѣваетъ докторскую шапку и плащь.

Фаустъ уходитъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Да, презирай познаніе и разумъ,
Первѣйшіе для смертнаго дары;
Крѣпись въ неправдѣ, да съ меня бери
Примѣръ въ строптивости грѣховной —
Ты будешъ мой и безусловно! —
Его, я вижу, дерзкій духъ
Все дальше, все впередъ стремится;
Земнымъ же щастьемъ насладиться
Глупцу всегдашній недосугъ!
Я къ пошлостямъ его и къ шумной,
Разгульной жизни увлеку,
Чтобъ онъ метался какъ безумный
Все видя только на скаку,
Чтобъ пищу находя всегда передъ собою,
Съ тѣмъ большей мукою алкалъ,
Чтобъ даже дьяволу не поклонясь душою
Онъ гибели не миновалъ.

УЧЕНИКЪ *входитъ*

Я здѣсь недавно, и скорѣй всего
Увидѣть поспѣшилъ того,
О комъ равно и старъ и младъ
Съ благоговѣньемъ говорятъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Благодарю за вѣжливость и честь.
Я человѣкъ, какихъ не мало есть.
Что, вы у насъ устроились во всемъ?

УЧЕНИКЪ

Ахъ, будьте мнѣ наставникомъ-отцомъ!
Я молодъ и люблю работу,
Имѣю деньги, силы и охоту,
И мать уговорилъ сюда меня пустить —
Хочу чѣмъ дѣльнымъ голову набить.

МЕФИСТОФИЛЬ

Здѣсь именно и мѣсто для того!

УЧЕНИКЪ

А я такъ радъ бѣжать отселѣ.
Не нравится мнѣ, въ самомъ дѣлѣ,
Что здѣсь такъ мрачно и мертво:
Вокругъ все стѣны; по дворамъ
Ни деревцо не зеленѣетъ;
А въ залахъ, на скамейкахъ — тамъ
Мой взоръ и слухъ и умъ тупѣетъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Привыкнете — нельзя жъ тотчасъ!
Дитя не скоро въ первый разъ
Грудь матери въ уста беретъ,
А послѣ какъ ее сосетъ!
Такъ будете и вы охотнѣй съ каждымъ днемъ
Питаться мудрости млекомъ.

УЧЕНИКЪ

Я радъ къ сосцамъ ея прильнуть;
Но гдѣ и какъ найти къ нимъ путь?

МЕФИСТОФИЛЬ

Посмотримъ; но сперва скажите:
Въ какой вы факультетъ хотите?

УЧЕНИКЪ

Я бы желалъ какъ можно больше знать:
Весьма бы радъ былъ постигать
Все что на свѣтѣ есть — пройти
Науки и въ природу углубиться.

МЕФИСТОФИЛЬ

Здѣсь именно къ тому вы на прямомъ пути!
Прилѣжно только надобно учиться.

УЧЕНИКЪ

Я радъ стараться всей душой;
Но все жъ не помѣшаетъ это
По праздникамъ, когда настанетъ лѣто,
И позабавиться порой.

МЕФИСТОФИЛЬ

Не тратьте дней — они летятъ такъ скоро!
Но гдѣ порядокъ, тамъ и время споро;
И такъ совѣтую, безъ всякихъ дальнихъ думъ,
Начать съ collegium logicum.
Тамъ строго умъ вашъ промуштруютъ
И въ тѣсные сапожки зашнуруютъ,
Чтобъ по дорогѣ мыслей въ ладъ
Ступалъ онъ мѣрными шагами,
А не изволилъ наугадъ
Юлить окольными тропами.
Потомъ докажутъ, что во всемъ,
Гдѣ столько же легко вамъ дѣйствовать умомъ,
Какъ пить и кушать, съ сей поры
Потребны темпы: разъ, два, три.
Хоть съ мыслями, при ихъ образованьи
Бываетъ то же, что при тканьи,

Гдѣ ткачь чуть двинетъ челнокомъ ,
Чуть ступитъ и метнетъ бердомъ ,
Вдругъ , непостижно , въ тысячахъ нитей
Родятся тысячи связей ;
Но философъ придетъ и станетъ доводить ,
Что такъ оно и должно быть :
«Понеже первое есть тако ,
«Не можетъ и второе быть инако ;
«Не будь же перваго , тогда
«Не быть бы и второму никогда .»
Все ясно ; школьники какъ разъ все разгадали [59] —)N5
Ткачами только черезъ то не стали !
Изслѣдуя живой предметъ
Во первыхъ гонятъ духъ его изъ тѣла ;
Безъ духа жъ — части есть ; одной бездѣлки нѣтъ :
Духовная ихъ связь ужъ улетѣла .
И вотъ что въ химіи зовется , какъ на грѣхъ ,
Encheiresin naturae — стыдъ и смѣхъ ! [60]

УЧЕНИКЪ

Мнѣ это какъ-то все не ясно .

МЕФИСТОФИЛЬ

Покажется яснѣй , какъ скоро все поклассно
Научитесь распредѣлять
И виды формулъ упрощать .

УЧЕНИКЪ

Ну , право жъ , умъ зашелъ за разумъ —
Кажись , что въ головѣ сто мельницъ мѣлитъ разомъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Потомъ вы приметесь тотчасъ
За метафизику . Тамъ пріобучатъ васъ

Глубокомудро разсуждать
О всемъ, чего нельзя понять;
Хоть что мѣстится въ умъ, хоть нѣтъ,
На все дадутъ рѣшительный отвѣтъ. [61]
Но полъгода сперва вамъ нужно, чтобъ по малу
Порядокъ изучить во всемъ;
И такъ пять разъ вседневно въ залу
Являйтесь ровно со звонкомъ;
Предъ лекціей старайтесь неопложно
Параграфъ чередной прочесть,
Чтобъ послѣ явственнѣй увидѣть, что въ немъ точно
Не больше значится, какъ то, что въ книгѣ есть;
Однакожъ лекціи въ тетрадь
Какъ святость надобно писать.

УЧЕНИКЪ

Могу вамъ поручиться смѣло,
Что за письмомъ не станетъ дѣло:
Я знаю, что мнѣ разъ попало подъ перо,
То просто ужъ мое добро. [62]

МЕФИСТОФИЛЬ

Но изберите жъ факультетъ.

УЧЕНИКЪ

Къ Правамъ во мнѣ охоты какъ-то нѣтъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Я вамъ за то и не пеняю,
Затѣмъ, что сущность дѣла знаю.
Законы и Права, мой другъ,
Наслѣдуются, какъ наслѣдственный недугъ:
Край краю, родъ другому роду
Передаетъ ихъ цѣликомъ,

Такъ что все умное, полезное народу
Становится вполнѣ безсмыслицей и зломъ. [63]
О правѣ же, рожденномъ съ нами въ свѣтъ —
О немъ то и помину нѣтъ.

УЧЕНИКЪ

О, вы въ меня къ Правамъ вселили отвращенье —
Вы, право, истинный мудрецъ!
Не въ *философію* ль залѣзть мнѣ наконецъ? [64]

МЕФИСТОФИЛЬ

Боюсь ввести васъ въ заблужденье!
Наука славная; но въ ней
Такъ трудно ложныхъ избѣжать путей,
Такъ сходно зло съ добромъ на видъ, [65]
Что отъ лекарства ядъ едва ль кто отличитъ.
Вѣрнѣйшая стезя тутъ такова:
Избравши ментора, его ужъ и держитесь
И въ томъ, что скажетъ онъ, какъ въ истинѣ кляпитесь;
Да и во всемъ, учась, спускайтесь на слова.
Тогда навѣрно будетъ вамъ
Открытъ увѣренности храмъ.

УЧЕНИКЪ

Но вѣдь и мысль въ словахъ должна же быть.

МЕФИСТОФИЛЬ

Да, только слишкомъ тутъ не надобно мудрить,
Затѣмъ, что именно гдѣ мысли нѣтъ, тамъ слово
Какъ разъ на выручку готово.
Словами защищать любую можно тему,
Изъ словъ соорудить систему,

Слова щитать за существо — [66]
Отъ слова не урвешъ никакъ и ничего.

УЧЕНИКЪ

Простите, я вамъ надоѣлъ;
Но ужъ начавши, я бъ хотѣлъ
Разумное словечко нынѣ
Услышать и объ медицинѣ.
Три года пережить легко,
А поле знаній широко;
Но если путь извѣстенъ къ цѣли,
То и пойдешъ кой-какъ шагать.

МЕФИСТОФИЛЬ *встороиу*

Сухіе толки мнѣ ужъ надоѣли,
Пора чертовщину начать.

вслухъ

О, въ медицины духъ легко войти.
Тамъ изучаютъ все поклассно и породно, [67]
Чтобъ наконецъ оставить все идти,
Какъ Господу угодно!
Что жъ толку въ глубь науки лѣзть?
Учась, всякъ только то, что можно, изучаетъ;
Но кто искусно случай уловляетъ,
Тому и честь.
Вы очень не дурны собой;
За смѣлостію тожъ не станетъ дѣло;
А чуть вы довѣрять себѣ начнете смѣло,
Довѣритъ вамъ и всякъ другой.
Тутъ женщины важнѣй, чѣмъ всѣ мущины —
Съ умѣніемъ вы въ нихъ найдете кладъ:
Лечите только ихъ отъ всякія причины

Все на одинъ и тотъ же ладъ , [68]
И если вы на видъ не совершенный плутъ ,
Отъ васъ онѣ съ ума сойдутъ .
Пусть громкій титулъ съ самаго начала
Подастъ имъ мысль , что вы искусны , какъ никто ;
А тамъ вы сразу приметесь за то , [69]
Чего достичь инымъ полъвѣка мало :
Нѣжнѣе пульсъ начнете пожимать ,
И пламенно взглянувши , ловко
Рѣшитесь стройный станъ обнять —
Для справки , не тѣсна ль шнуровка .

УЧЕНИКЪ

Вотъ это ужъ яснѣй : тутъ видишъ вдругъ
И гдѣ и какъ !

МЕФИСТОФИЛЬ

Суха теорія , мой другъ ,
А древо жизни зеленью одѣто .

УЧЕНИКЪ

Я право , какъ во снѣ — такъ мудрено все это !
Позволите ль еще разъ къ вамъ придти
И въ вашу мудрость дальше углубиться ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Чѣмъ можно , радъ вамъ прислужиться .

УЧЕНИКЪ

Я и теперь такъ не могу уйти :
Вотъ мой альбомъ — не откажите ,
Въ знакъ милости меня хоть строчкою почтите .

МЕФИСТОФИЛЬ

Весьма охотно .

пишетъ и возвращаетъ альбомъ .

УЧЕНИКЪ *читаетъ*

Eritis sicut Deus, scientes bonum et malum.

почтительно кланяется и уходитъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Попробуй, сдѣлай какъ совѣтуетъ змѣя —
Куда-то попадетъ превыспренность [70] твоя!

ФАУСТЪ *входитъ*

Куда жъ мы пустимся?

МЕФИСТОФИЛЬ

Какъ хочешъ. Мой совѣтъ:
Сначала въ меньшій, послѣ въ большій свѣтъ.
Съ какою пользой, какъ пріятно
Ты будешъ время проводить!

ФАУСТЪ

Едва ль: наука въ свѣтѣ жить
Мнѣ домосѣду непонятна. [71]
И прежде я ее не зналъ,
Тѣмъ болѣе теперь. Съ привычками моими
Я буду такъ застѣнчивъ, вялъ,
И такъ ничтоженъ предъ другими!

МЕФИСТОФИЛЬ

Ни мало, только будь смѣлѣй —
Кто смѣлъ, въ томъ вмигъ умѣнье жить найдется.

ФАУСТЪ

Но какъ же ѣхать намъ придется?
Гдѣ взять и слугъ и лошадей?

МЕФИСТОФИЛЬ

Не бойся — плащь мой самолетъ
Куда захочешъ, понесетъ;
Устройся только, чтобъ дорогой

Поклажи не имѣлъ ты много.
Горючаго я газу сей же часъ
Немножко потружусь составить
И на легкѣ онъ вмигъ подниметъ къ небу насъ.
Ну, съ новой жизнію имѣю честь поздравить!

Погребъ Ауербаха, въ Лейпцигѣ.

Пирушка.

ФРОШЪ

Не пьютъ, молчатъ! такихъ тетерь
И видѣть, такъ возьметъ истома:
Всегда, какъ порохъ; а теперь
Какъ перемокшая солома!

БРАНДЕРЪ

А кто причина? самъ ты взялъ:
Хоть глупость намъ, хоть свинство бы удралъ!

ФРОШЪ *выливаетъ ему на голову стаканъ вина*

Изволь, носи здоровъ!

БРАНДЕРЪ

Ахъ ты, свинья! [72]

ФРОШЪ

Вѣдь ты жъ затѣялъ, а не я!

ЗИБЕЛЬ

Кто споритъ, тѣхъ за двери! пейте

И пойте, горла не жалѣйте!
Го, го!

АЛЬТМАЙЕРЪ

Пропали наши души:
Ей, паклей — онъ мнѣ ломитъ уши!

ЗИБЕЛЬ

У баса вся и сила въ томъ,
Чтобъ раздавался онъ какъ громъ.

ФРОШЪ

Да, вонъ, кто станетъ обижаться!
Го, го!

АЛЬТМАЙЕРЪ

Го, го!

ФРОШЪ

Ну, полно вамъ спѣваться!

поетъ

Скажите, долго ль будетъ духъ
Въ имперіи держаться римской?

БРАНДЕРЪ

Вздоръ! пѣсня гадкая! Избавь-ка насъ отъ ней,
Да Господа благодари скорѣй
Что римскія не ты имперіи кураторъ.
По крайней мѣрѣ мнѣ пріятно, что я въ ней
Не канцлеръ и не императоръ.
Но безъ главы нельзя же быть —
Мы папу изберемъ по правиламъ конклава;
Вы знаете, какъ должно жить,
Чтобы имѣть на папство право!

ФРОШЪ *поетъ*

Неси, мой звонкій соловей,

Привѣтъ красавицѣ моей.

ЗИБЕЛЬ

Привѣтъ ей? вздоръ, не быть тому!

ФРОШЪ

Привѣтъ! я такъ хочу и быть по моему!

поетъ

Настежъ дверь вечеркомъ —
Повидайся съ дружкомъ;
Дверь запри до зари.

ЗИБЕЛЬ

Да, пой, хвали ее! смотри,
Какъ я потомъ смѣяться стану:
Обманутъ я былъ; жди и ты обману!
Пусть чортъ ей пѣсенки поетъ,
На перекресткѣ съ ней гуляя;
Пускай козелъ, на Блоксбергъ поспѣшая,
Ей «доброй ночи» проблеетъ;
А молодца она живаго
Теперь не стоитъ никакого!
Весь ей привѣтъ и весь поклонъ —
Изъ рамъ въ окошкахъ стеклы вонъ!

БРАНДЕРЪ *бьетъ по столу кулакомъ*

Молчать и слушаться! Извѣстно вамъ, друзья,
Что жить на свѣтѣ я умѣю!
Народъ влюбленный вы, а я
Про это пѣсенку имѣю
И на ночь васъ потѣшу ею.
Смотрите жъ, дружно, не зѣвать —
Послѣдній стихъ мнѣ подпѣвать!

поетъ

Въ подвалъ разъ крыса жить пошла,
Какъ на спокойный хуторъ,
Все ѣла жиръ тамъ и была
Толста, какъ докторъ Лютеръ.
Ей поваръ яду далъ, и вотъ
У крысы заболѣлъ животъ,
Какъ отъ любовной страсти. [73]

ХОРЪ

Какъ отъ любовной страсти.

БРАНДЕРЪ

Бѣдняжка бѣгаетъ и пьетъ
Водицу въ каждой лужѣ,
И все скребетъ, и все грызетъ,
И все бѣдняжкѣ хуже!
Вотъ, стала прыгать, и не въ мочь
Пришло ей наконецъ, точь въ точь
Какъ отъ любовной страсти!

ХОРЪ

Какъ отъ любовной страсти.

БРАНДЕРЪ

Тоска среди бѣла-дня вдругъ
Ее на кухню гонитъ;
Тамъ крыса пала и отъ мукъ
Дрожитъ, пыхтитъ, да стонетъ;
А поваръ съ смѣхомъ говоритъ:
Ай, славно, кумушка! п — ,
Какъ отъ любовной страсти!

ХОРЪ

Какъ отъ любовной страсти.

ЗИБЕЛЬ

Глупцы! неужто вамъ не стыдно!
Что жъ вы нашли смѣшнаго тутъ,
Что бѣднымъ крысамъ ядъ даютъ?

БРАНДЕРЪ

А ты ихъ жалуешъ, какъ видно?

АЛЬТМАЙЕРЪ

Сталъ мягкосердъ, плѣшивый слонъ!
Вотъ до чего сродство доводитъ:
Въ распухшей крысѣ ясно онъ
Свое подобіе находитъ!

входятъ **ФАУСТЪ** *и* **МЕФИСТОФИЛЬ**.

МЕФИСТОФИЛЬ

Тебя во первыхъ, мимоходомъ,
Съ разгульнымъ я сведу народомъ,
Чтобъ показать, какъ въ свѣтѣ жить легко.
Здѣсь пиръ да пиръ! не мѣтя высоко,
Умомъ бѣднякъ, но съ доброй волей,
Вертится всякъ въ кружкѣ своемъ,
Какъ кошка за своимъ хвостомъ.
И если головной нѣтъ боли,
Да въ долгъ хозяинъ пить даетъ,
То нѣтъ ни горя ни заботъ.

БРАНДЕРЪ

Пріѣзжіе! ручаюсь смѣло,
Что здѣсь они не долѣе, какъ съ часъ:
Манера, платье — все не какъ у насъ.

ФРОШЪ

И точно! наши — то ли дѣло!
Нашъ Лейпцигъ-городокъ —

Парижа уголокъ.

ЗИБЕЛЬ

Что, Фрошъ: какіе бъ это были люди?

ФРОШЪ

Постой, за рюмкою вина
Они мнѣ выложатъ сполна
Свои секреты какъ на блюдѣ. [74]
Должно быть, что не изъ простыхъ —
Глядятъ спѣсиво, съ недовольной рожей.

БРАНДЕРЪ

По мнѣ они такъ на бродягъ похожи.

АЛЬТМАЙЕРЪ

Кто вѣсть!

ФРОШЪ

Смотри, какъ я приструю ихъ.

МЕФИСТОФИЛЬ *къ Фаусту*

Всегда неузнанъ чортъ людьми, [75]
Хоть онъ ихъ за воротъ возьми!

ФАУСТЪ

Мое почтеніе.

ЗИБЕЛЬ

И наше.

тихо, съискоса взглянувъ на Мефистофиля

Ого, онъ храмлетъ хоть куда!

МЕФИСТОФИЛЬ

Нельзя ль и намъ присѣсть сюда?
Хорошихъ винъ здѣсь нѣтъ, такъ хоть бесѣдой вашей
Позвольте то вознаградить.

АЛЬТМАЙЕРЪ

На васъ, знать, трудно угодить.

ФРОШЪ

Что, поздо вы изъ Риппаха? чай, славно
Герръ-Гансъ уподчивалъ тамъ васъ? [76]

МЕФИСТОФИЛЬ

Мы не видались въ этотъ разъ,
Но говорили съ нимъ недавно:
Онъ много о своихъ намъ братцахъ толковалъ
кланяется Фрошу
И по поклону имъ послалъ.

АЛЬТМАЙЕРЪ *тихо*

А что, братъ? что взялъ?

ЗИБЕЛЬ

Вотъ пострѣлъ!

ФРОШЪ

Дай сроку — я съ нимъ разщитаюсь!

МЕФИСТОФИЛЬ

Здѣсь, ежели не ошибаюсь,
Какъ шли мы, цѣлый хоръ гремѣлъ.
Подъ сводомъ только бъ силъ достало,
А то раздолье голосамъ.

ФРОШЪ

Да вы не виртуозъ ли самъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Охоты много, но искуства мало.

АЛЬТМАЙЕРЪ

Такъ спойте жъ пѣсенку.

МЕФИСТОФИЛЬ

О, хоть и не одну.

ЗИБЕЛЬ

Да поновѣе что нибудь не льзя ли!

МЕФИСТОФИЛЬ

О, тѣмъ не привыкать ни къ пѣснямъ, ни къ вину,
Которые, какъ мы, въ Испаніи бывали.

поетъ

Жила-была старуха;
У ней была блоха; [77]

ФРОШЪ

А, слышите? блоха! вотъ славно!
Блоха! да это презабавно!

МЕФИСТОФИЛЬ *поетъ*

Жила-была старуха;
У ней была блоха;
И ей блоха милѣе,
Чѣмъ дочь или сноха.
Съ товарами старуха
Зоветъ купцовъ и швей:
«Подайте, что получше,
Для блошечки моей.»

БРАНДЕРЪ

Смотрите жъ, чуть купецъ обманетъ въ крошкѣ,
То денегъ не давать купцу;
Да тожъ и швейкамъ, если блошкѣ
Наряды будутъ не къ лицу.

МЕФИСТОФИЛЬ *поетъ*

И вотъ, блоха нарядней,
Чѣмъ кто-нибудь другой:
У дочекъ платъ бумажный,
У блошки парчевой.

Блоха всемъ править въ домѣ,
Все ставитъ на своемъ;
И видя то, отвсюду
Полѣзли блохи въ домъ.

И вотъ, семейку блохи
Кусаютъ, какъ хотятъ;
Бѣдняжки дѣтки, внуки
Чуть только не кричатъ:
Имъ воли нѣтъ чесаться,
Не то что блохъ давить;
А блохъ, когда кусаютъ,
Кому не любо бить

ХОРЪ *подхватываетъ*

Да, блохъ, когда кусаютъ,
Кому не любо бить!

ФРОШЪ

Прекрасно — дѣльно и смѣшно!

ЗИБЕЛЬ

У насъ пусть блохи берегутся!

БРАНДЕРЪ

А то подъ ноготь попадутся!

АЛЬТМАЙЕРЪ

Да здравствуетъ свобода и вино!

МЕФИСТОФИЛЬ

Мы въ честь свободы выпили бъ давно,
Да вина-то несносныя у васъ.

ЗИБЕЛЬ

А вы здѣсь что? вашъ вкусъ намъ не указъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Боюсь, хозяинъ разсердится,
А то бъ могли мы, какъ друзья,
Своимъ запасомъ съ вами подѣлиться.

ЗИБЕЛЬ

Не бойсь, за это отвѣчаю я.

ФРОШЪ

Что жъ, дайте — мы вамъ въ честь и разопьемъ
находку;
Но не извольте позабыть,
Что объ винѣ нельзя судить
Не дополна наливши глотку.

АЛЬТМАЙЕРЪ *тихо*

Для нихъ, знать, Рейнъ былъ по пути.

МЕФИСТОФИЛЬ

Достаньте мнѣ буравчикъ.

БРАНДЕРЪ

Что вы?
У васъ не бочки жъ на распой готовы!

АЛЬТМАЙЕРЪ

Вотъ въ этомъ коробѣ все можете найти.

МЕФИСТОФИЛЬ *беретъ буравъ; къ Фрошу*

Ну, вамъ чего?

ФРОШЪ

Какъ, что такое?
Такъ вы не одного съ собою привезли?

МЕФИСТОФИЛЬ

Да, всякой выбирай любое.

АЛЬТМАЙЕРЪ *къ Фрошу*

Охъ, ты! ужъ слюньки потекли!

ФРОШЪ

Ужъ если выбирать, по старой я привычкѣ
Рейнвейну попрошу — роднаго, своего!

МЕФИСТОФИЛЬ *провертываетъ дыру въ краю стола, противъ Фроша.*

Найдите-ка мнѣ воску на затычки.

АЛЬТМАЙЕРЪ

Онъ фокусникъ, не слушайтесь его.

МЕФИСТОФИЛЬ *къ Брандеру*

А вамъ?

БРАНДЕРЪ

Шампанскаго, да ужъ похолоднѣе,
И чтобы искрилось сильнѣе.

МЕФИСТОФИЛЬ *провертываетъ дыру; другіе затыкаютъ.*

БРАНДЕРЪ

Въ чужомъ не рѣдко всякой нужду видитъ —
Не намъ же вѣдь однимъ хорошее дано!
Правдивый Нѣмецъ, смерть, Французовъ ненавидитъ,
А любитъ пить Французское вино.

ЗИБЕЛЬ *къ Мефистофилю*

Я кислаго, признаться, не вкушаю,
А больше къ сладкому привыкъ.

МЕФИСТОФИЛЬ *буравитъ*

Такъ не угодно ли Токаю?

АЛЬТМАЙЕРЪ

Эхъ, господа, скажите напрямикъ:
Дурачите вы насъ! А это вѣдь не ладно!

МЕФИСТОФИЛЬ

Помилуйте, такихъ гостей

Дурачить было бы накладно.
Ну что жъ, скажите поскорѣй,
Въ какомъ вы вкусъ находите особый?

АЛЬТМАЙЕРЪ

Во всякомъ, только потекло бы!

всѣ дыры просверлены и заткнуты.

МЕФИСТОФИЛЬ *съ странными тѣлодвиженіями*

Какъ рога есть на козѣ,
Такъ есть грозды на лозѣ.
Столъ и лозы — древо то же;
Пусть же брызнетъ столъ виномъ!
Разберемъ природу строже —
Чудеса ей ни по чемъ!
Ну, пробки вонъ! прошу вкушать!

вынимаютъ затычки; каждому льется въ стаканъ желаемое вино.

ВСѢ ЧЕТВЕРО

Какой источникъ! что за благодать!

МЕФИСТОФИЛЬ

Смотрите жъ, чуръ не проливать!

всѣ пьютъ стаканъ за стакановъ.

ВСѢ *поютъ*

Намъ людоѣдски хорошо,
Какъ свинушкамъ въ помояхъ! [78]

МЕФИСТОФИЛЬ *къ Фаусту*

Что, славное свободы торжество?

ФАУСТЪ

Пойдемъ — ужъ это не забавно.

МЕФИСТОФИЛЬ

Нѣтъ, поглядимъ сперва, какъ явно
Тутъ обнаружится скотство.

Зибель по неосторожности проливаетъ вино на полъ; оно превращается въ пламя.

ЗИБЕЛЬ

Горю! здѣсь адъ! здѣсь колдовство!

МЕФИСТОФИЛЬ

Смирись моя знакомая стихія!
Не адъ, его задатки кой-какіе!

ЗИБЕЛЬ

Такъ вотъ что! мы жъ проучимъ васъ какъ разъ!
Еще не знаете вы насъ!

ФРОШЪ

Въ другой разъ лихо зададимъ вамъ гонку!

АЛЬТМАЙЕРЪ *тихо*

Не лучше ли имъ дать убраться потихоньку?

ЗИБЕЛЬ

Да что такое? какъ ты, впрямъ,
Здѣсь смѣешъ фокусничать намъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Молчи ты, бочка!

ЗИБЕЛЬ

Самъ ты колъ!
Какъ будто дураковъ нашелъ —
Еще грубить, мошенникъ, смѣетъ!

БРАНДЕРЪ

Своихъ боковъ, знать, не жалѣетъ!

Альтмайеръ вынимаетъ затычку; изъ стола брызжетъ пламя.

АЛЬТМАЙЕРЪ

Горю, горю!

ЗИБЕЛЬ

Ахъ, чародѣй!

Сюда, ребята, не робѣй!

бросаются на Мефистофиля съ ножами.

МЕФИСТОФИЛЬ *торжественно*

Покажись вамъ на мигъ,

Что въ мѣстахъ вы иныхъ —

Будьте здѣсь, вильте ихъ!

всѣ отскакиваютъ и глядятъ другъ на друга съ изумленіемъ.

АЛЬТМАЙЕРЪ

Ахъ, гдѣ я? что за чудный садъ!

ФРОШЪ

Ахъ, виноградники!

ЗИБЕЛЬ

Не сплю ль я? Виноградъ!

БРАНДЕРЪ

Да самый зрѣлый, да какой!

И кисти ровно подъ рукой.

беретъ Зибеля за носъ; другіе дѣлаютъ то же другъ съ другомъ и заносятъ ножи.

МЕФИСТОФИЛЬ *торжественно*

Пади съ ихъ глазъ, волшебная завѣса!

Ну, что, смѣшна ли шутка бѣса?

исчезаетъ съ Фаустомъ. Всѣ отскакиваютъ другъ отъ друга.

ЗИБЕЛЬ

Какъ, что такое?

АЛЬТМАЙЕРЪ

Да пусти!

ФРОШЪ

Какъ, это былъ твой носъ?

БРАНДЕРЪ *къ Зибелю*

А это твой?

АЛЬТМАЙЕРЪ

Ахти!

Вотъ стукнуло — всѣ жилки задрожали!
Подайте стулъ мнѣ — право, упаду.

ФРОШЪ

Аль вправду насъ околдовали?

ЗИБЕЛЬ

Ну, если я мошенника найду,
То не уйти ему живому!

АЛЬТМАЙЕРЪ

Куды! — я видѣлъ — молодецъ —
Верхомъ на бочкѣ — вылетѣлъ изъ дому.
Охъ, тяжко — ноги, какъ свинецъ!
обращаясь къ столу
А что, вину-то знать, конецъ?

ЗИБЕЛЬ

Все было — чары, вражескія сѣти.

ФРОШЪ

Не ужто не вино я пилъ?

БРАНДЕРЪ

Но виноградъ, кажись, здѣсь былъ?

АЛЬТМАЙЕРЪ

Ну, говори жъ теперь, что нѣтъ чудесъ на свѣтѣ!

Кухня вѣдьмы.

Надъ огнемъ стоитъ большой котелъ на низенькомъ очагѣ. Въ поднимающихся надъ котломъ парахъ мелькаютъ разные образы. ***МОРСКАЯ КОШКА*** *сидитъ у котла, не даетъ ему сплывать и снимаетъ пѣну. Возлѣ ней* ***МОРСКОЙ КОТЪ*** *сидитъ съ котятами и грѣется. На потолкѣ и по стѣнамъ развѣшена разная вѣдьмина утварь весьма страннаго вида.*

ФАУСТЪ *и* ***МЕФИСТОФИЛЬ***

ФАУСТЪ

Какая пошлость и уродство!
И здѣсь, въ вертепѣ сумазбродства,
Ты хочешъ исцѣлить меня
Лекарствомъ вѣдьмы изступленной,
Какъ будто тридцать лѣтъ мгновенно
Мнѣ свалитъ съ плечь ея стряпня?
Плоха надежда, ежели все то,
Что знаешъ ты, въ такомъ же будетъ родѣ!

Но развѣ до сихъ поръ никто
Бальзама жизни не открылъ въ природѣ ? [79]

МЕФИСТОФИЛЬ

Вотъ, это снова умныя слова.
Помолодѣть метода есть простая;
Но это книга ужъ другая,
И въ книгѣ странная глава.

ФАУСТЪ

Какая жъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Тутъ ни медиковъ не надо,
Ни денегъ, ни волшебнаго обряда:
Ступай въ деревню, да примись за плугъ;
Работай топоромъ, косою;
Вмѣсти весь умъ свой въ тѣсный кругъ;
Питайся пищею простою;
Съ скотомъ живи какъ скотъ и не щитай за грѣхъ
Самъ удобрять свое для жатвы поле —
Вотъ средство лучшее изъ всѣхъ
Помолодѣть полсотней лѣтъ и болѣ.

ФАУСТЪ

Я непривыченъ въ сельской тишинѣ
Съ косой и заступомъ возиться.
Нѣтъ, жизнь такая не по мнѣ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Безъ вѣдьмы, стало быть, нельзя же обойтиться.

ФАУСТЪ

Зачѣмъ же вѣдьма? развѣ безъ нея
Сварить не можешъ ты питье?

МЕФИСТОФИЛЬ

Прекрасная забава! я готовъ
Скорѣй построить тысячу мостовъ.
Тутъ нужно не одно умѣнье,
Но и отмѣнное терпѣнье:
Чтобъ крѣпкой взваръ, какъ слѣдуетъ, имѣть,
Надъ нимъ пришлось бы годы попотѣть!
Да что! и говорить наскучитъ
О всемъ, что нужно къ этимъ чудесамъ;
Хотя имъ вѣдьму чортъ же учитъ,
Однакъ ихъ чортъ не можетъ дѣлать самъ.

глядя на звѣрей

Какая здѣсь прекрасная прислуга:
Вотъ самчикъ, вотъ его подруга!

къ звѣрямъ

Хозяйки видно дома нѣтъ?

ЗВѢРИ

Звана на обѣдъ:
Метлу осѣдлала,
Въ трубу ускакала.

МЕФИСТОФИЛЬ

А долго ль станетъ тамъ гулять?

ЗВѢРИ

Пока мы будемъ лапы нагрѣвать.

МЕФИСТОФИЛЬ *къ Фаусту*

Ну, что объ этомъ скажешъ ты народѣ?

ФАУСТЪ

Нельзя быть гаже и глупѣй.

МЕФИСТОФИЛЬ

А для меня бесѣда въ этомъ родѣ

Всего пріятнѣй и милѣй.

къ звѣрямъ

Скажите-ка, уроды, мнѣ:
Что возитесь вы при огнѣ?

ЗВѢРИ

Готовимъ супъ для бѣдныхъ изъ костей.

МЕФИСТОФИЛЬ

Не мало жъ будетъ къ вамъ гостей.

КОТЪ *ласкаясь къ Мефистофилю*

Ты вѣрно игрокъ?
Я бъ выиграть могъ —
Сыграемъ, сыграемъ скорѣе.
Мой умъ простоватъ;
Но будь я богатъ,
Я былъ бы гораздо умнѣе.

МЕФИСТОФИЛЬ

Себя бы эта тварь щастливою почла,
Когда бъ хоть въ лото поиграть могла.

котята между тѣмъ играли съ большимъ шаромъ и катятъ его къ Мефистофилю

КОТЪ

Вотъ шаръ земной.
Всегдашній чредой
Онъ то кверху, то книзу несется;
Но пустъ онъ внутри,
Того и смотри,
Что вмигъ, какъ стекло, разобьется.
Покуда онъ цѣлъ

И блеститъ , какъ блестѣлъ ,
Намъ все еще кой-какъ живется ;
А какъ ты , мой сынокъ ,
Дашъ съ дуру толчокъ ,
То плохо и намъ тутъ придется :
Онъ изъ глины — распавшись кусками ,
Какъ разъ пришибетъ черепками . [80]

МЕФИСТОФИЛЬ *указываетъ на висящее рѣшето*

Скажите , на что
У васъ рѣшето ?

КОТЪ *снимаетъ рѣшето*

Оно вора тотчасъ намъ укажетъ .

заставляетъ кошку глядѣть въ рѣшето

Погляди въ рѣшето :
Видишъ вора ? а что ,
Небойсь , хоть и видитъ , не скажетъ !

МЕФИСТОФИЛЬ

А на что вамъ горшокъ ?

КОТЪ И КОШКА

Какъ , на что намъ горшокъ ?
Видно глупъ ты , дружокъ —
И горшокъ и котелъ тебѣ чудо !

МЕФИСТОФИЛЬ

Что за дерзкая спесь!

КОТЪ

Сядь-ка лучше вотъ здѣсь ,
Да съ метлой позабавься покуда .

заставляетъ Мефистофиля сѣсть и даетъ ему въ руки метлу .

ФАУСТЪ *передъ большимъ стѣнным зеркаломъ, то приближаясь къ нему, то отступая.*

Что въ этомъ зеркалѣ? какой
Тамъ призракъ видится небесный?
Дай мнѣ, любовь, полетъ быстрѣйшій свой,
Перенеси меня къ прелестной!
Но ахъ, едва я робкою стопой
Приближусъ къ ней, едва оставлю мѣсто это,
Вдругъ все какъ будто облакомъ одѣто!
Вотъ женщины высокій идеалъ!
Возможно ль женщинѣ быть столько совершенной?
Блаженства ли здѣсь образъ воплощенный,
Простертъ на ложѣ, мнѣ предсталъ,
Иль точно на землѣ есть существо такое?

МЕФИСТОФИЛЬ

О, шестидневнаго созданія вѣнецъ
Не можетъ же быть наконецъ
Чудовище какое! [81]
Любуйся, досыта глазѣй;
Я вжившѣ для тебя подобную отрою,
И щастливъ тотъ, кому назначено судьбою
Назвать ее невѣстою своей.

Фаустъ продолжаетъ смотрѣть въ зеркало; Мефистофиль развалившется въ креслахъ и играетъ метлою.

МЕФИСТОФИЛЬ

Я здѣсь имѣю видъ преважнаго лица:
Вотъ жезлъ мой — жаль, что нѣтъ вѣнца. [81]

Кошки, которыя между тѣмъ играли и кувыркались, приносятъ Мефистофилю вѣнецъ, но по неосторожности разламываютъ его на двѣ части; потомъ прыгаютъ съ половинками вѣнца и кричатъ:

КОШКИ

Ахъ, будь молодецъ,
Склеи намъ вѣнецъ —
Вѣдь надо жъ ему разломиться!
Мы слышимъ, глядимъ,
И вздоръ говоримъ,
И рѣомы плетемъ, какъ случится.

ФАУСТЪ *все передъ зеркаломъ*

Нещастный — я теряю смыслъ и умъ!

МЕФИСТОФИЛЬ *указывая на звѣрей*

Да ужъ и у меня въ мозгу изрядный шумъ.

ЗВѢРИ

Когда жъ наугадъ
Придется что въ ладъ,
То и мысли тамъ могутъ найтиться.

МЕФИСТОФИЛЬ

Признаться надобно, что это
Преоткровенные поэты!

ФАУСТЪ *передъ зеркаломъ*

Мнѣ жжетъ въ груди — сильнѣе и сильнѣй!
Я не могу — уйдемъ скорѣй!

Котелъ, оставленный кошкою, начинаетъ сплывать; возстаетъ сильное пламя и

бьетъ въ трубу. ВѢДЬМА съ крикомъ влетаетъ сквозь пламя.

ВѢДЬМА

Ай ай, ай ай!
Мѣшай, мѣшай!
Довѣрь вамъ, скоты —
Дождешся бѣды!

усматриваетъ Фауста и Мефистофиля.

А это что?
А вы здѣсь кто?
Зачѣмъ пришли?
И какъ вошли?
Чтобъ лютый бѣсъ
Вамъ въ душу влѣзъ!

черпаетъ уполовникомъ въ котлъ и брызжетъ пламя во всѣ стороны. Звѣри визжатъ.

МЕФИСТОФИЛЬ *бьетъ метловищемъ горшки и стклянки*

Въ куски, въ куски
И въ черепки —
Все въ кашу изобью!
Я такъ шучу —
Я тактъ стучу
Подъ пѣсенку твою!

вѣдьма отступаетъ въ ужасѣ и ярости.

МЕФИСТОФИЛЬ

Ну что, узнала ль, животина,
Ты своего судью и господина?
Не хочется, а то бы вмигъ

Избилъ я въ прахъ тебя и чучелъ всѣхъ твоихъ!
Что, развѣ у меня пера здѣсь не нашито?
Иль красный мой камзолъ ужъ не въ чести?
Или лице мое закрыто?
Иль имя долженъ я свое произнести?

ВѢДЬМА

Винюсь, простите мнѣ! но какъ же васъ узнать?
Вы безъ копыта ужъ изволите гулять,
И пара вашихъ вороновъ пропала!

МЕФИСТОФИЛЬ

На этотъ разъ ужъ прощено.
Конечно, ты весьма давно
Меня въ гостяхъ здѣсь не видала;
Ктому жъ и чорта, какъ людей,
Преобразило просвѣщенье:
Всего — хвоста, роговъ, когтей —
Лишилось сѣверныхъ пародовъ привидѣнье!
Нога осталась конская со мной;
Но показать ее нельзя же всенародно,
И такъ, подобно молодежи модной,
Я щеголяю съ накладной икрой.

ВѢДЬМА *пляшетъ*

Рѣхнуться я отъ радости должна:
Опять онъ здѣсь, господчикъ-сатана!

МЕФИСТОФИЛЬ

Прошу не придавать мнѣ имени такого.

ВѢДЬМА

Да? что жъ нашли вы въ немъ дурнаго?

МЕФИСТОФИЛЬ

О, люди ужъ давно его

Причислить къ басиямъ постарались!
Но въ свѣтѣ жить не легче оттого:
Лукавый упраздненъ — лукавые остались!
Прошу меня барономъ-фономъ звать:
Я знатенъ, какъ и прочая вся знать —
Породы древней, не простой;
И гербъ имѣю — посмотри, какой!

дѣлаетъ неблагопристойную ужимку.

ВѢДЬМА

Ха, ха! вотъ славно подшутилъ —
Знать все таковъ же, какъ и былъ!

МЕФИСТОФИЛЬ *къ Фаусту*

Изъ этаго ты можешъ заключить,
Какъ надо съ вѣдьмами шутить!

ВѢДЬМА

Но что жъ вамъ, господа, угодно?

МЕФИСТОФИЛЬ

Стаканъ извѣстнаго питья,
Да постарѣй — стряпня твоя
Крѣпчаетъ ежегодно.

ВѢДЬМА

Извольте, и такое есть:
О, такъ старо, что ужъ и пахнуть перестало!
Я для себя бутылку сберегала,
Но можно и друзьямъ поднесть.

Тихо Мефистофилю

Однако жъ если онъ спроста глотнетъ,
Онъ часу вѣдь не проживетъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Не бойся, для такихъ, какъ этотъ нашъ дружокъ,

Что ни свари, все будетъ въ прокъ!
Черти же кругъ, проври свой вздоръ скорѣй
И дополна стаканъ налей.

Вѣдьма чертитъ, кривляясь, кругъ и ставитъ въ него разную уродливую утварь. Начинаютъ звучать стклянки и кострюли, отъ чего происходитъ престранная музыка. Вѣдьма приноситъ большую книгу, устанавливаетъ въ кругу кошекъ, которыя держатъ факелы и служатъ ей столикомъ; потомъ знаками зоветъ въ кругъ Фауста.

ФАУСТЪ къ *Мефистофилю*

Скажи, чего старуха хочетъ?
Пускай другихъ она морочитъ,
А мнѣ весь этотъ пошлый вздоръ
Ужъ опротивѣлъ съ давнихъ поръ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Все это только такъ, на смѣхъ —
Прости ей глупое жеманство:
И вѣдьмѣ, какъ врачу, чтобъ въ дѣлѣ былъ успѣхъ,
Необходимо шарлатанство.

вводитъ Фауста въ кругъ.

ВѢДЬМА *читаетъ высокопарно*

Пойми и смотри.
Единицу сперва
Удесятери;
Потомъ брось два,
Сочти вдругъ три
И богатъ тѣмъ будь;

Четыре забудь ;
Пять сдѣлай семью ,
А шесть восмью ,
Вотъ и все ! а затѣмъ
Станетъ девять однимъ ,
А десять ни чѣмъ .
И вотъ что мы зовемъ одиножды-однимъ .

ФАУСТЪ

Никакъ она въ горячкѣ бредить стала ?

МЕФИСТОФИЛЬ

О , это только что начало ,
А дальше въ книгѣ — пусть-ка кто поймет ъ !
Я долго смыслу въ ней искалъ средь мрака ;
Но явственныхъ противорѣчій сбродъ
Для умныхъ и глупцовъ таинственъ одинако .
Продѣлка эта не нова ;
На свѣтѣ числа — важныя слова !
Посредствомъ ихъ для всѣхъ вѣковъ и странъ
За истину шелъ въ ходъ обманъ : [82]
Глупцы врутъ вздоръ ; никто имъ не мѣшаетъ —
Кто станетъ споръ о вздорахъ заводить ?
Народъ же слушаетъ слова и полагаетъ ,
Что мысли въ нихъ не можетъ вѣдь не быть .

ВѢДЬМА *продолжаетъ*

Какъ тяжкій грѣхъ
Сокрыта отъ всѣхъ
Высокая сила познанья ;
Иному жъ она
Бываетъ дана
Безъ заботъ и хлопотъ и исканья.

ФАУСТЪ

Да что за чушь она несетъ?
За чѣмъ глушитъ насъ пошлымъ вздоромъ?
Мнѣ, право, кажется, что хоромъ
Сто тысячь сумасшедшихъ вретъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Довольно, мудрая сивилла!
Достань бутыль, да наливай
Стаканъ полнѣй, по самый край —
Не повредитъ дружку напитка сила:
Онъ кое-въ чемъ весьма далекъ
И не одинъ ужъ проглотилъ глотокъ.

Вѣдьма наливаетъ стаканъ съ многими обрядами; Фаустъ подноситъ его ко рту; надъ питьемъ появляется слабое пламя.

МЕФИСТОФИЛЬ

Да ну жъ, скорѣе, разомъ пей —
На сердцѣ будетъ веселѣй.
Эхъ, худо: съ чортомъ радъ дружиться,
А труситъ, пламени боится!

Вѣдьма разрѣшаетъ кругъ; Фаустъ выходитъ.

ВѢДЬМА

Во здравіе!

МЕФИСТОФИЛЬ

Теперь все дѣло въ томъ,
Чтобъ ты въ движеньи былъ — пойдемъ.

къ вѣдьмѣ

Прощай и если чѣмъ служить могу,
Скажи на шабашѣ — я у тебя въ долгу.

ВѢДЬМА

Я дамъ вамъ пѣсенку: споете,
Такъ дѣйствіе питья удвоеннымъ найдете.

МЕФИСТОФИЛЬ

Идемъ — ты долженъ пропотѣть сильнѣй,
Чтобы напитокъ могъ скорѣй
Проникнуть всѣ составы тѣла.
Потомъ извѣдаешь, что значитъ жить безъ дѣла;
И какъ порядкомъ разгорится кровь,
Почувствуешь въ чемъ состоитъ любовь.

ФАУСТЪ

Постой, дай въ зеркало взглянуть еще хоть разъ:
Какъ хороша — не свелъ бы вѣчно глазъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Нѣтъ, что въ ней толку! скоро ты
Найдешъ живой образчикъ красоты.

встороиу

Отъ нашего питья тебѣ, мудрецъ почтенный,
Любая женщина покажется Еленой. [83]

Улица.

***МАРГАРИТА** проходитъ; **ФАУСТЪ** подбѣгаетъ къ ней.*

ФАУСТЪ

Угодно ль милой барышнѣ домой
Пройтиться подъ руку со мной? [84]

МАРГАРИТА

Я барышней и милой не зовусь,
Домой же и одна дойти не побоюсь.
увертывается и убѣгаетъ.

ФАУСТЪ

Вотъ чудо-хороша — другой
Я вжизнь не видывалъ такой!
Какъ недоступна и скромна
И кажется, при томъ, умна!
Какія щечки и уста —
Ихъ не забыть мнѣ никогда!
А какъ плѣнительно, какъ мило
Плутовка глазки опустила!

А этотъ гнѣвъ къ ней такъ идетъ,
Что хоть кого съ ума сведетъ.

входитъ Мефистофиль

ФАУСТЪ

Ей, познакомь меня съ красавицей.

МЕФИСТОФИЛЬ

Съ какою?

ФАУСТЪ

Вотъ съ этой, что прошла туда.

МЕФИСТОФИЛЬ

Э, полно! съ этою бѣда —
Совсѣмъ не нашего покрою!
Попробуй-ка въ душѣ прочесть —
Ни грѣшныхъ помысловъ, ни страсти:
Я надъ такими не имѣю власти. [85]

ФАУСТЪ

Вздоръ — ей ужъ лѣтъ пятнадцать есть.

МЕФИСТОФИЛЬ

Ого, ужъ ты, какъ умникъ модный,
Не ставишъ добродѣтель въ грошъ,
И мыслишъ, что всегда сорвешъ
Такой цвѣтокъ, какой угодно;
Но иногда и хочешъ, да нельзя.

ФАУСТЪ

Послушай ты, мудрецъ! нельзя ли
Меня избавить отъ морали
И помнить вотъ что: если я
До полночи у ней не побываю,
Тебя я въ полночь прогоняю.

МЕФИСТОФИЛЬ

Опомнись, что ты! дай хоть срокъ!
Сегодня! двухъ недѣль тутъ мало,
Чтобы удобный улучить часокъ!

ФАУСТЪ

Когда бъ хоть на два дня терпѣнья мнѣ достало,
Я и безъ чортовыхъ бы силъ
Такую крошку искусилъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Ай да хвастнулъ — чуть чуть не какъ Французъ! [86]
Скажи однако: неужели
Достигнуть въ два прижка до цѣли
Тебѣ пріятно? странный вкусъ!
Не лучше ль прежде потомиться,
Понѣжничать, за шагомъ шагъ
Вести ее до крайнихъ благъ,
И, словомъ, сдѣлать, какъ въ романахъ говорится?

ФАУСТЪ

Зачѣмъ, когда и такъ охота есть?

МЕФИСТОФИЛЬ

Но я безъ шутокъ и безъ спору
Сказать тебѣ имѣю честь,
Что съ ней нельзя поладить скоро:
Тутъ въ приступахъ не быть пути —
На хитрость надобно пойти.

ФАУСТЪ.

Ну, хоть потѣшь меня немножко —
Въ ея покойчикъ проведи;
Достань платокъ съ ея груди,
Или подвязку съ милой ножки.

МЕФИСТОФИЛЬ

Чтобъ доказать, что день ото́ дня
Усерднѣй другу я служу,
Въ ея покой я провожу
Тебя, пожалуй, хоть сегодня.

ФАУСТЪ

И я съ ней буду —

МЕФИСТОФИЛЬ

Нѣтъ дружокъ;
Она уйдетъ къ одной сосѣдкѣ на часокъ,
А ты спокойно, безопасно,
Въ надеждѣ лучшаго, безъ ней
Подышешъ атмосферой страстной.

ФАУСТЪ

Пойдемъ же.

МЕФИСТОФИЛЬ

Не теперь, позднѣй.

ФАУСТЪ

Да приготовь подарокъ ей.

уходитъ

МЕФИСТОФИЛЬ

Ужъ тотчасъ и дарить — хорошее начало!
Я знаю мѣстъ такихъ не мало,
Гдѣ клались клады встарину —
Пойду-ка, да казной тряхну.

Вечеръ.

Чисто убранная комнатка. ***МАРГАРИТА*** *заплетаетъ косу.*

МАРГАРИТА

Весьма бы я желала знать,
Кто это говорилъ со мной:
Не дуренъ, нѣчего сказать,
И родомъ вѣрно не простой —
Да, это видно изъ всего,
А болѣе изъ смѣлости его.

уходитъ; вскорѣ за тѣмъ входятъ ***ФАУСТЪ*** *и* ***МЕФИСТОФИЛЬ.***

МЕФИСТОФИЛЬ

Войди, но тише, осторожно.

ФАУСТЪ *помолчавъ*

Оставь меня здѣсь одного.

МЕФИСТОФИЛЬ *взглянувши вокругъ себя*

Такую чистоту найти не всюду можно.

уходитъ

ФАУСТЪ *осматривается*

Какъ здѣсь умѣстенъ сумракъ сей
Съ своимъ слабѣющимъ мерцаньемъ!
Проникни сердце мнѣ всей силою своей,
Любовь, живущая надеждой и страданьемъ!
Какъ дышетъ здѣсь во всемъ покой,
Блеститъ опрятность и порядокъ!
Какое въ хижинѣ довольствіе! какой
Средь бѣдности, всего достатокъ!

бросается въ старинныя кресла, стоящія у кровати.

Прими меня, патріальхальный тронъ,
На коемъ съ дѣдовскихъ временъ
Семейства старшины въ весельи и въ печали
Среди дѣтей и внуковъ засѣдали!
Быть можетъ здѣсь же и ея уста
За даръ сочельничный почтительно лобзали
У дѣда руку, въ дѣтскіе года!
Здѣсь ею полно все; здѣсь вѣютъ надо мною
Того благаго генія крилѣ,
Того наставника, что самъ ея рукою
Красиво стелетъ скатерть на столѣ
И даже ей песокъ узоритъ подъ ногою.
Ея рука! о, всякій край
Съ ея рукою будетъ рай!

раскрываетъ постельный занавѣсъ

А здѣсь!
Я трепещу отъ нѣги, я смиренно
Часы здѣсь проспѣть готовъ!
Здѣсь ангелъ-дѣва средь игривыхъ сновъ

Преображалась постепенно ;
Здѣсь , жизни молодой полна ,
Дитёй покоилась она ,
И возрастала , и крѣпилась ,
И пышной розой распустилась .

А я — откуда здѣсь , зачѣмъ ? —
Я такъ растроганъ , самъ не знаю чѣмъ —
Чего ищу здѣсь ? что такъ сжало грудь мою ?
Нещастный , я себя не узнаю !

Не самый ли здѣсь воздухъ очарованъ ?
Я только былъ желаніемъ взволнованъ ,
И вотъ , въ душѣ любви восторги и тоска :
Ужель мы каждаго игрушка вѣтерка ?

И если бы вошла она сюда ,
Какъ бы сгаралъ я отъ стыда ,
Какъ бы , надменный , вдругъ смирился ,
Какъ бы у ногъ ея влачился !

МЕФИСТОФИЛЬ *вбѣгаетъ*

Скорѣй — идетъ !

ФАУСТЪ

Иду и ужъ сюда
Не возвращусь я никогда .

МЕФИСТОФИЛЬ

Смотри-ка , для твоей дѣвицы
Готовы чудныя вещицы .
Поставь шкатулку въ шкапъ ; найдетъ —
Отъ радости не взвидитъ свѣту !

Такой подарокъ и не эту,
Умнѣйшую съ ума сведетъ;
Она жъ дитя — ее подавну.

ФАУСТЪ

Я не могу рѣшиться.

МЕФИСТОФИЛЬ

Славно!
Не для себя ль ты прочишъ кладъ?
О, если такъ, я очень радъ:
Желаю страсти вашей щастья,
Меня жъ избавьте тутъ отъ всякаго участья!
Но ты не скупъ; такъ знай же честь!
Я хлопочу, что силы есть —
Да ну же, смѣло —
Чтобы скорѣй привесть
Къ концу съ красоткой дѣло,
А ты стоишъ съ такимъ лицомъ,
Какъ будто ждутъ тебя студенты въ залѣ,
Какъ будто Физика передъ тобой живцомъ
И Метафизика предстали!

ставитъ шкатулку и запираетъ шкапъ; потомъ съ Фаустомъ уходитъ. Приходитъ Маргарита, съ лампадой.

МАРГАРИТА

Здѣсь какъ-то душно, тяжело,

отпираетъ окно

А на дворѣ вѣдь не весьма тепло.
Сама не знаю, что со мной такое —
Скорѣй бы матушка пришла —
Боюсь, дрожу; но это все пустое —

Я завсегда трусихою была.

начинаетъ раздѣваться

и поетъ

Жилъ Царь съ своей подругой;
Подруга умерла,
И умирая кубокъ
Царю златой дала.

Изъ кубка дорогаго
Царь пилъ на всѣхъ пирахъ,
И съ каждымъ разомъ слезы
Сверкали на глазахъ.

Предъ смертью щетъ онъ сдѣлалъ
Всѣмъ городамъ своимъ;
Отдалъ сынамъ все царство,
Но кубка не далъ имъ.

И въ отчемъ замкѣ, въ море
Глядящемся со скалъ
Средь рыцарей онъ пиръ свой
Послѣдній пировалъ;

И кончивъ пиръ, онъ кубокъ
Еще разъ осушилъ,
И осушивъ, съ утеса
Въ пучину водъ пустилъ.

И въ волны, гдѣ палъ кубокъ,
Уставилъ грустно взоръ,

И вдругъ глаза затмились —
И не пилъ онъ съ тѣхъ поръ.

отпираетъ шкапъ, чтобъ уложить платье и усматриваетъ шкатулку

Какъ эта къ намъ шкатулочка зашла?
Кажись, что шкапъ я заперла.
Какъ странно? что же бы въ ней было?
Никакъ, покуда я ходила,
Принесъ кто матушкѣ въ закладъ?
Дай, отопру — вотъ, есть замочикъ,
А вотъ и съ ключикомъ снурочикъ.

отпираетъ

Ахъ, Богъ мой, что за вещи! кладъ,
Какихъ я съ роду не видала!
Да лучше этаго для бала
И Баронессѣ не надѣть!
Чье бъ это было? — что за камни! —
Какая цѣпь! къ лицу ль она мнѣ? —

наряжается и глядится въ зеркало

Ахъ, мнѣ хоть серги бы имѣть —
Вотъ, въ нихъ я та же, да не та!
Что молодость? что красота?
Посмотрятъ люди, а потомъ
И мимо — развѣ что словцомъ
Почтятъ изъ жалости привѣтнымъ;
А къ золоту бѣжитъ,
Надъ золотомъ дрожитъ
Все въ свѣтѣ! тяжело намъ, бѣднымъ!

Гуляньe.

ФАУСТЪ расхаживаетъ въ задумчивости; къ нему подбѣгаетъ **МЕФИСТОФИЛЬ.**

МЕФИСТОФИЛЬ

Клянусь отринутой любовью, адомъ, всемъ —
Поклялся бъ хуже, да не знаю, чѣмъ!

ФАУСТЪ

Что сдѣлалось? ты какъ шальной!
Вотъ рожа — отъ роду не видывалъ такой!

МЕФИСТОФИЛЬ

Съ досады чорту бъ я отдался,
Когда бы не былъ чортомъ самъ!

ФАУСТЪ

Никакъ ты вправду помѣшался?
Тебѣ ли такъ бѣситься? смѣхъ и срамъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Представь: подарокъ, что мы Гретхенъ дали, [87]
Теперь ужъ — поминай, какъ звали!
Шкатулку увидала мать

И испугалась не на шутку —
Она имѣетъ носъ пречуткой,
Умѣетъ запахъ различать
И знаетъ съ самаго начала,
Чиста ли вещь иль не чиста;
Такъ и съ шкатулкой — вдругъ узнала,
Что данъ подарокъ не спроста,
Послѣдствій убоялась вредныхъ
И вздумала: снесемъ находку въ кружку бѣдныхъ!
Неправое стяжанье — прахъ;
За это жъ мы найдемъ награду въ небесахъ.
А Гретхенъ думаетъ: кчему бы
Смотрѣть коню дарному въ зубы?
Навѣрно не безбожникъ тотъ,
Кто намъ такія вещи шлетъ.
Вотъ, мать къ директору; а онъ, хитрецъ лукавый,
Такому случаю и радъ —
Подмѣтилъ, что не дуренъ кладъ,
И говоритъ: вы, дѣти правы —
За жертву бѣднымъ награждаетъ Богъ;
Желудку кружки все подъ силу —
Не разъ онъ такъ жралъ, что Господь помилуй,
А обожраться все не могъ!
Да, только кружка ѣстъ въ покоѣ
Добро неправо нажитое.

ФАУСТЪ

Не только кружка, но и всякъ,
Кто властію богачь, а совѣстью бѣднякъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Потомъ цѣпочки и сережки,

Какъ дрянь какую, позабралъ;
Спасиба даже не сказалъ,
Какъ за орѣховъ горсть, да и расправилъ ножки!
А мать его же — вотъ, умна —
Благодарить была должна!

ФАУСТЪ

А Гретхенъ что?

МЕФИСТОФИЛЬ

Груститъ, сама не знаетъ
Что дѣлаетъ, чего желаетъ;
О кладѣ мыслитъ въ день сто разъ;
О томъ же, кѣмъ онъ присланъ, вдвое.

ФАУСТЪ

Мнѣ жаль бѣдняжечки — тотчасъ
Достань ей что нибудь другое;
Вѣдь тотъ былъ не большой руки.

МЕФИСТОФИЛЬ

Для васъ, какъ вижу, это пустяки!

ФАУСТЪ

Уладь же дѣло! половчѣе
Къ ея сосѣдкѣ подвернись,
Подарка нощи скорѣе —
Да ну жъ, тетеря, шевелись!

МЕФИСТОФИЛЬ

Извольте, отличусь на славу.

Фаустъ уходитъ.

Бѣда съ такимъ влюбленнымъ чудакомъ:
Онъ цѣлый свѣтъ своей красавицѣ въ забаву
Готовъ потѣшнымъ сжечь огнемъ.

Домъ сосѣдки.

МАРТА *одна*

Мой мужъ — Господь ему судья —
Не честно поступилъ со мной:
Шмыгнулъ на волюшку, а я
Хоть по міру иди съ сумой!
А я ль его чѣмъ оскорбила?
Я ль не отъ всей души любила?

плачетъ

Быть можетъ, умеръ! какъ его забыть! . . .
Какъ и свидѣтельство о смерти получить!

МАРГАРИТА *входитъ*

Ахъ, Марта!

МАРТА

Что, моя родная?

МАРГАРИТА

На силу духъ перевожу!
Представь: въ шкапу у насъ, гляжу,
Опять шкатулочка такая
Какъ прежде, а вещицы въ ней
Еще дороже и милѣй.

МАРТА

Смотри же — матери ни слова;

А то опять уйдетъ обнова.

МАРГАРИТА *открываетъ шкатулку*

Ахъ, полюбуйся, подивись!

МАРТА *надѣваетъ на нее вещи*

Охъ ты, щастливое созданье!

МАРГАРИТА

Да что жъ! вѣдь въ нихъ ни на гулянье,
Ни въ церковь я не нарядись!

МАРТА

Ко мнѣ почаще приходи. Сперва
Надѣнешъ ихъ хоть здѣсь, покуда,
Да передъ зеркаломъ походишъ часикъ, два —
И это будетъ ужъ не худо;
А тамъ, при случаѣ, по праздникамъ, начнешъ
Выказывать и въ люди по немножку,
То цѣпь, то пряжку, то сережку;
А мать замѣтитъ — что нибудь соврешъ.

МАРГАРИТА

Но ктобъ могъ ящички принесть?
Навѣрно тутъ недоброе что есть!

стучатся въ дверь

МАРГАРИТА

Не матушка ль? Ахъ, Богъ мой — погодите —

МАРТА *смотритъ въ окно*

Чужой какой-то господинъ. Войдите.

входитъ Мефистофиль

МЕФИСТОФИЛЬ

Прошу покорнѣйше простить,
Что безъ чиновъ вхожу такъ смѣло;

почтительно отступаетъ передъ Маргаритой

Я думалъ — у меня есть къ Мартѣ Швертлейнъ дѣло.

МАРТА

Я Марта; чѣмъ могу служить?

МЕФИСТОФИЛЬ *тихо къ Мартѣ*

Поговорить хотѣлъ я съ вами;
Но вѣдь не льзя жъ при знатной дамѣ!
Теперь я знаю, гдѣ вашъ домъ —
Зайду къ вамъ лучше вечеркомъ.

МАРТА

Вотъ, славно, Гретхенъ: гость нашъ прямо
Тебя зоветъ ужъ знатной дамой!

МАРГАРИТА

Ахъ, нѣтъ! куды намъ мѣтить въ знать!
Вамъ можетъ быть угодно полагать —
Но это все на мнѣ чужое!

МЕФИСТОФИЛЬ

О, не одно убранство дорогое,
А видъ, осанка, выраженье глазъ —
Какъ радъ я, что могу остаться и при васъ!

МАРТА

Что жъ вы намъ скажете? аль вѣсточку какую?

МЕФИСТОФИЛЬ

Не ставьте мнѣ въ вину, что хоть бы не хотѣлъ,
А долженъ вѣсть сказать дурную:
Супругъ вашъ умеръ и — вамъ кланяться велѣлъ.

МАРТА

Бѣдняжка, умеръ: какъ я сожалѣю...
Онъ умеръ! о Творецъ!! я млѣю!!!

МАРГАРИТА

О, не отчаявайтесь такъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Хоть выслушайте, гдѣ скончался онъ и какъ.

МАРГАРИТА

Я никого бъ любить весь вѣкъ свой не желала —
Меня бъ потеря въ гробъ вогнала.

МЕФИСТОФИЛЬ

Есть радостямъ, за то есть и печалямъ срокъ.

МАРТА

Ну разскажите жъ, что онъ, мой дружокъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Отдавъ послѣдній долгъ природѣ,
Онъ въ Падуѣ, въ землѣ святой
На вѣчный легъ теперь покой
Въ Свято-Антоньевскомъ приходѣ.

МАРТА

А есть у васъ ко мнѣ что отъ него?

МЕФИСТОФИЛЬ

Есть, просьба: чтобъ вы милостивы были,
Три сотни панихидъ по немъ бы отслужили;
А больше, право, ничего.

МАРТА

Какъ? ни бездѣлицы, какую
На память для семьи всякъ нищій бережетъ;
Которой и въ годину злую,
И съ голоду не продаетъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Что жъ дѣлать! Очень жаль, конечно;
Но онъ не мотъ былъ; а при томъ, сердечный,
Такъ сильно каялся! да, а еще сильнѣй
Тужилъ о горькой участи своей.

МАРГАРИТА

Зачѣмъ, помыслишъ, люди такъ нещастны!
Я помолюсь, чтобы призрѣлъ его Творецъ.

МЕФИСТОФИЛЬ *къ Маргаритѣ*

Вы такъ добры и такъ прекрасны,
Что стоили бъ тотчасъ же подъ вѣнецъ.

МАРГАРИТА

Ахъ, нѣтъ, еще мнѣ не годится.

МЕФИСТОФИЛЬ

Не мужа надо, такъ пока
Хоть бы сердечнаго дружка —
Кто съ ангеломъ такимъ не радъ бы былъ сдружиться!

МАРГАРИТА

Ахъ, что вы! такъ не водится у насъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Да, но случается жъ подъчасъ!

МАРТА

Но продолжайте жъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Я былъ до конца при немъ.
Онъ умеръ нищенски, валяясь на гниломъ
Пуку соломы, но скончался
Какъ христіянинъ — да, во всѣхъ грѣхахъ сознался.
Онъ говорилъ: я самъ себя кляну —
Я бросилъ домъ, хозяйство и жену;
Подумать страшно! ахъ когда бъ свалила
Съ души мнѣ грѣхъ своимъ прощеніемъ она!

МАРТА *со слезами*

Бѣдняжка — я давно его простила!

МЕФИСТОФИЛЬ *продолжая*

Но — видитъ Богъ — ея въ томъ главная вина!

МАРТА *скоро*

Вотъ это ужъ солгалъ! какъ, при смерти врать вздоры!

МЕФИСТОФИЛЬ *прикланиваясь*

Теперь мнѣ ясно, что онъ бредилъ, хворый:
Теперь я лично васъ узналъ.
Я, говорилъ онъ, жилъ не безтолково:
Сперва дѣтей, потомъ хлѣбъ дѣтямъ добывалъ —
Охъ, хлѣбъ, во всякомъ смыслѣ слова —
А самъ куска спокойно съѣсть не могъ!

МАРТА

А вѣрность и любовь, а всѣ мои заслуги
Забылъ? знать память отнялъ Богъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Ну нѣтъ, онъ зналъ какой лишился въ васъ супруги
И говорилъ: изъ Мальты уходя,
О дѣтяхъ и женѣ я помолился Богу;
За то, немного погодя,
Господь мнѣ и послалъ подмогу:
Корабль султанскій на войнѣ
Съ казной мы взяли въ жаркомъ дѣлѣ;
Тутъ денегъ, и другимъ и мнѣ,
Досталось много при раздѣлѣ.

МАРТА

Нѣтъ, право? гдѣ жъ онъ могъ бы ихъ дѣвать?

МЕФИСТОФИЛЬ

Пустилъ, знать, по свѣту гулять.
Его, бездомнаго, въ Неаполѣ призрѣла

Какая-то красотка, и съумѣла
По добротѣ души своей
Осыпать милостьми такими,
Что молодецъ по гробъ носился съ ними.

МАРТА

Ахъ плутъ, грабитель собственныхъ дѣтей!
И въ нищетѣ, покуда сгинулъ,
Безпутной жизни не покинулъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Куды! за то теперь онъ и въ гробу!
Но стоитъ ли бранить судьбу?
Годъ траура — не вѣкъ; а въ годъ вы, надосугѣ,
Подумать можете и о второмъ супругѣ. [88]

МАРТА

Оно, конечно, такъ; но все жъ,
Какъ вспомнишъ, жаль покойника: не сколько
Такихъ на свѣтѣ — скоро ли найдешъ!
Прямой былъ, милый простачина; только
Любилъ баклуши бить, да отъ жены гулять,
Да пить, да въ карточки играть.

МЕФИСТОФИЛЬ

О, славное жъ житье съ нимъ было —
Особенно, когда и вамъ
Грѣшковъ не меньше съ рукъ сходило!
Повѣрьте — на такихъ условіяхъ я самъ
Готовъ на пальчикъ вамъ надѣть обнову.

МАРТА

О, вы изволите шутить!

МЕФИСТОФИЛЬ *встороиу*

Эге, пора мнѣ лыжи навострить:

Она и чорту придерется къ слову!

къ Маргаритѣ, вслухъ

Ну, а у васъ на сердцѣ каково?

МАРГАРИТА

На сердцѣ? я не понимаю.

МЕФИСТОФИЛЬ *всторону*

Невинное ты существо!

вслухъ

Щастливо оставаться вамъ желаю.

МАРГАРИТА

Прощайте.

МАРТА

Ахъ, скажите, отъ кого
Свидѣтельство бъ достать могла я:
Какъ умеръ мужъ мой, гдѣ, при комъ?
Порядокъ надобенъ во всемъ;
Пусть и въ газетахъ бы сказали, что вдова я.

МЕФИСТОФИЛЬ

О, голосъ двухъ свидѣтелей вездѣ
Докажетъ истину неложно:
Со мной пріятель ѣздитъ — можно
Явиться и ему въ судѣ.
Привесть его?

МАРТА

Прошу васъ, непремѣнно.

МЕФИСТОФИЛЬ

А барышня здѣсь будетъ? онъ
Хорошъ собою, видѣлъ свѣтъ, уменъ
И вѣжливъ съ дамами отмѣнно.

МАРГАРИТА

Мнѣ было бъ стыдно предъ лицемъ такимъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

О, не было бъ ни предъ царемъ самимъ!

МАРТА

И такъ сегодня вечеркомъ
За домомъ мы въ саду васъ ждемъ.

Улица.

ФАУСТЪ и МЕФИСТОФИЛЬ, встрѣчаются.

ФАУСТЪ

Ну, что? уладилъ? смастерилъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Ого, какой задорный пылъ!
Не бойся, птичкѣ не уйти отъ сѣтки — [89]
Сегодня, на починъ, свиданье у сосѣдки.
Вотъ женщина — кажись, она
Для этого нарочно рождена!

ФАУСТЪ

Тѣмъ лучше.

МЕФИСТОФИЛЬ

Но и къ намъ есть просьба небольшая.

ФАУСТЪ

Что жъ, намъ услуга, а отъ насъ другая!

МЕФИСТОФИЛЬ

Свидѣтельство подпишемъ мы съ тобой,
Что мужъ ея благоволилъ скончаться
И въ Падуѣ улегся на покой.

ФАУСТЪ

Помилуй — стало, прогуляться
Сперва прикажешъ намъ туда?

МЕФИСТОФИЛЬ

Sancta simplicitas! [90] вотъ стоило бъ труда!
И не справляясь подписаться можно.

ФАУСТЪ

Нѣтъ, выдумай умнѣй; а это, просто, вздоръ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Охъ, честная душа! съ которыхъ поръ
Боишся ты свидѣтельствовать ложно?
Не ты ли, съ дерзостнымъ челомъ,
Все, Бога и міры, и то, что въ нихъ витаетъ,
И человѣка, какъ онъ дѣйствуетъ умомъ,
Какъ чувствуетъ и размышляетъ,
Рѣшительно опредѣлялъ?
А въ самой сущности вѣдь дѣла
Объ этомъ всемъ ты такъ же мало зналъ,
Какъ и о томъ, что Марта овдовѣла.

ФАУСТЪ

Ты былъ и будешъ ввѣкъ софистомъ и лжецомъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Да, если бъ только я не вѣдалъ кой-о-чемъ!
Вотъ кто-то станетъ къ бѣдной Гретхенъ льститься,
Ее морочить такъ и сякъ,
Въ горячей страсти къ ней божиться?

ФАУСТЪ

Я, и отъ всей души.

МЕФИСТОФИЛЬ

Положимъ, что и такъ;

А дальше? рѣчь зайдетъ, конечно,
О вѣрности, любви чистѣйшей, вѣчной —
И это будетъ отъ души идти?

ФАУСТЪ

Да, отъ души! когда, въ минуту ощущенья,
Для новыхъ чувствъ я и для ихъ волненья
Ищу именъ, и не могу найти;
Когда потомъ все въ мірѣ пробѣгаю,
Сильнѣйшія изъ сильныхъ словъ хватаю,
И огнь, которымъ такъ горю,
Зову безмѣрнымъ, безконечнымъ,
Неизмѣнимымъ, вѣчнымъ —
Уже ли ложь я говорю?

МЕФИСТОФИЛЬ

Все я же правъ.

ФАУСТЪ

Не заставляй
Меня напрасно горло драть, и знай:
Кто хочетъ правъ быть, да имѣетъ
Во рту языкъ, тотъ правъ быть и съумѣетъ.
Идемъ, болтать мнѣ надоѣло;
Ты правъ — тѣмъ больше, что не бросить же мнѣ
дѣла!

Садъ Марты.

***ФАУСТЪ** прогуливается подъ руку съ **МАРГАРИТОЙ**, а **МЕФИСТОФИЛЬ** съ **МАРТОЙ**.*

МАРГАРИТА

Да, да, вы шутите, я знаю,
Учтивостью меня хотите пристыдить:
Кто ѣздитъ гостемъ по чужому краю,
Тотъ ко всему умѣетъ снисходить;
А вправду можно ль, чтобы васъ хоть мало
Мое болтанье занимало!

ФАУСТЪ

О, взглядъ одинъ, одинъ ужъ голосъ твой
Мнѣ занимательнѣй всей мудрости земной.

цѣлуетъ ея руку.

МАРГАРИТА

Не безпокойтесь! что вамъ за охота
Такую руку цѣловать!
Смотрите, какъ дурна! а все труды, работа —
Да, матушка мнѣ не даетъ гулять!

идутъ далѣе.

МАРТА

И вы все такъ должны скитаться?

МЕФИСТОФИЛЬ

Что дѣлать! званіе и долгъ того хотятъ:
Хоть грустно съ кѣмъ когда разстаться,
А ѣдешъ, ежели велятъ.

МАРТА

Покуда кровь кипитъ, конечно
Не тяжело носить дорожную суму;
Но время красное не вѣчно,
А въ старости брести ко гробу одному,
Повѣрьте, скучно хоть кому.

МЕФИСТОФИЛЬ

Да, вижу съ ужасомъ я этому примѣры.

МАРТА

Такъ лучше жъ вовремя противу зла взять мѣры.

идутъ.

МАРГАРИТА

Да, и изъ памяти, какъ съ глазъ!
Вамъ вѣжливость въ привычку; но у васъ
За то не мало и друзей
Не намъ чета, а поумнѣй.

ФАУСТЪ

Повѣрь мнѣ: то, что свѣтъ умомъ провозглашаетъ,
Есть, часто, глупость и тщеславія мечта!

МАРГАРИТА

Какъ?

ФАУСТЪ

Ахъ, зачѣмъ невинность, простота,
Себя, святой цѣны своей не знаетъ!

Зачѣмъ смиренье, лучшій даръ, какой
Намъ щедрая природа ниспослала —

МАРГАРИТА *прерываетъ его*

Лишъ обо мнѣ бы вы подумали порой;
Объ васъ же думать мнѣ есть времени не мало!

ФАУСТЪ

Ты часто дома? и одна?

МАРГАРИТА

Ахъ, да. Хозяйство наше небольшое,
Но все жъ и въ немъ заботливость нужна.
Служанки нѣтъ; вотъ я одно, другое,
Должна и сдѣлать и прибрать, [91]
И поздо лечь и рано встать.
А чуть не такъ что — матушка сердится.
У ней ужъ нравъ такой;
А то бъ не стали мы тѣсниться,
Могли бъ поважничать скорѣй, чѣмъ кто другой:
Имѣемъ по отцѣ достаточекъ не скудный,
Здѣсь домъ, а за́ городомъ садъ.
Теперь однако мнѣ не очень трудно —
Сперва пошелъ въ солдаты братъ,
А тамъ сестрица умерла.
Я съ нею много нужды приняла,
Но съ радостью бъ взялась опять за тожъ —
Такъ милъ ребенокъ мнѣ казался и хорошъ.

ФАУСТЪ

О, ангелъ, если былъ онъ на тебя похожъ.

МАРГАРИТА

А какъ-было съ малюткой я сдружилась!
Она по смерти батюшки родилась;

А матушка слегла тогда же и едва
Осталась, бѣдная, жива;
Такъ гдѣ же было ей, больной,
Кормить дитя самой!
Вотъ я и занялась сестрицей;
Ее вспоила молочкомъ парнымъ,
Да теплою водицей;
Дитя какъ будто сдѣлалось моимъ,
Со мной играло и жило
И на рукахъ монхъ расло.

ФАУСТЪ

О, это для тебя чистѣйшимъ щастьемъ было!

МАРГАРИТА

Но и до слезъ нерѣдко доходило.
Бывало, лягу спать, а возлѣ — колыбель;
Случись дитяти шевельнуться,
И я должна проснуться:
Корми его, клади къ себѣ въ постель,
А какъ расплачется, вставай
Да съ нимъ по комнатѣ гуляй;
А тамъ, чуть свѣтъ, бѣлье мыть надо,
Бѣжать на рынокъ, гнать коровку въ стадо!
Ахъ эдакъ, нынѣче какъ вчера,
Трудясь отъ утра до утра,
Сгруснется нѣ хотя порой;
За то пріятны пища и покой!

идутъ.

МАРТА

Отъ этого намъ женщинамъ и худо —
Не быть въ холостякѣ пути!

МЕФИСТОФИЛЬ

Холостяку исправиться, не чудо —
Лишъ могъ бы онъ на васъ похожую найти.

МАРТА

Скажите: ничего у васъ нѣтъ на примѣтѣ?
Свободны вы? не влюблены?

МЕФИСТОФИЛЬ

Ахъ, правду говорятъ: нѣтъ ничего на свѣтѣ
Дороже дорогой жены.

МАРТА

Однакожъ — васъ ни что еще не искусило?

МЕФИСТОФИЛЬ

Мнѣ часто въ обществахъ весьма пріятно было.

МАРТА

Да, да; но вправду вы предпринимали ль что?

МЕФИСТОФИЛЬ

Шутить въ такихъ дѣлахъ не долженъ смѣть никто.

МАРТА

Ахъ, Богъ мой, вы меня совсѣмъ
Не понимаете!

МЕФИСТОФИЛЬ

Какъ жаль! но между тѣмъ
Я понимаю совершенно,
Что вы — добры отмѣнно.

идутъ.

ФАУСТЪ

И ты меня узнала, ангелъ мой,
Какъ скоро Марта дверь намъ отворила?

МАРГАРИТА

А какъ же! я глаза тотчасъ же опустила.

ФАУСТЪ

И ты прощаешъ, что съ тобой
Я дерзко поступилъ намедни,
Какъ ты домой шла отъ обѣдни?

МАРГАРИТА

Мнѣ стало грустно; и во снѣ
Я не встрѣчала случая такого.
Здѣсь про меня не говорятъ дурнаго;
Не ужто жъ, я подумала, во мнѣ
Онъ свиду что нибудь нечестное находитъ,
Что такъ ужъ сразу и подходитъ!
Но признаюсь, не знаю что тотчасъ
Мнѣ стало въ сердцѣ говорить за васъ,
И очень на себя сердита я была,
За то, что быть на васъ сердитѣй не могла.

ФАУСТЪ

Душа моя!

МАРГАРИТА

Постойте.

срываетъ астру и ощипываетъ ее листокъ за листкомъ

ФАУСТЪ

Наряжаться?

МАРГАРИТА

Нѣтъ.

ФАУСТЪ

Что же?

МАРГАРИТА

Не скажу — вы станете смѣяться.

продолжаетъ щипать и шепчетъ что-то про себя.

ФАУСТЪ

Что, что?

МАРГАРИТА *вполголоса*

Не любитъ, любитъ,

ФАУСТЪ

Ты милый ангелъ мой!

МАРГАРИТА *громче*

Не любитъ, любитъ,

Не любитъ,

отрывая послѣдній листокъ, съ живой радостію

Любитъ, любитъ!

ФАУСТЪ

О другъ мой, пусть отвѣтъ цвѣтка
Судьбы глаголомъ станется! Да, любитъ!
Понятно ли тебѣ, что значитъ: любитъ?

схватываетъ ее за руки

МАРГАРИТА

Мнѣ страшно!

ФАУСТЪ

Нѣтъ, не трепещи!
Пусть скажетъ взоръ мой,
Пусть выразитъ пожатіе руки,
То, что въ словахъ невыразимо —
Союзъ высокій душъ,
Блаженство безъ конца —
Конецъ его смертельнымъ былъ бы горемъ —
Нѣтъ, безъ конца, всегдашнее блаженство!

Маргарита жметъ ему руки, увертывается и убѣгаетъ. Фаустъ задумы-

вается на минуту; потомъ идетъ за нею.

МАРТА

Ужъ поздно.

МЕФИСТОФИЛЬ

Да, пора домой сбираться.

МАРТА

Я васъ просила бъ долѣе остаться,
Но здѣсь у насъ народъ презлой:
Помыслишъ, что никто не занятъ ни дѣлами,
Ни домомъ, ни семьей —
Всякъ на сосѣдей пялится глазами;
Все ради осудить, придраться ко всему.
Гдѣ жъ наши?

МЕФИСТОФИЛЬ

А вотъ тамъ — рѣзвятся словно дѣти. [92]

МАРТА

Она, кажись, весьма понравилась ему.

МЕФИСТОФИЛЬ

И онъ ей тоже. Такъ всегда ведется въ свѣтѣ.

Бесѣдка въ саду.

Маргарита вбѣгаетъ, прячется за дверь, прикладываетъ къ устамъ пальцы и смотритъ въ щель.

МАРГАРИТА

А, вотъ онъ!

ФАУСТЪ *входитъ*

Прятаться? постой, тебя найду я!
Ага!

цѣлуетъ ее

МАРГАРИТА

Ахъ, ото всей души тебя люблю я!

цѣлуетъ его. Мефистофиль стучится въ дверь.

ФАУСТЪ *съ досадою*

Ну, кто тамъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Свой.

ФАУСТЪ

Оселъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Идти пора.

МАРТА *входитъ*

Да, время.

ФАУСТЪ

Можно ль хоть провесть васъ до двора?

МАРГАРИТА

Нѣтъ, матушка бъ меня — прощайте.

ФАУСТЪ

Ужъ прощанья?

Прощайте же.

МАРТА

Адье!

МАРГАРИТА

До скораго свиданья.

Фаустъ и Мефистофиль уходятъ; Марта провожаетъ ихъ.

МАРГАРИТА *одна*

Чего не можетъ, Боже мой,
Придумать человѣкъ такой!
Заговоритъ — я отъ стыда
Сгорю, да и отвѣчу: да!
Я глупое дитя — не знаю,
Чѣмъ я такимъ его прельщаю.

Пещера въ лѣсу.

ФАУСТЪ *одинъ*

Могучій Духъ! ты далъ мнѣ, далъ мнѣ все,
О чемъ просилъ я — ты ко мнѣ не тщетно
Склонилъ свой ликъ во пламени: далъ въ царство
Весь этотъ міръ прекрасный; далъ способность
Природу чувствовать, природой наслаждаться.
Не равнодушно только ей дивиться
Ты позволяешъ, но глубоко въ грудь ей
Проникнуть взоромъ, какъ бы въ сердце друга.
Ты предо мной ведешъ ряды живущихъ
И научаешъ въ воздухѣ, въ водахъ
И тихихъ рощахъ находить собратовъ;
Когда въ лѣсу реветъ и свищетъ буря,
И дубъ могучій, падая стремглавъ,
Дробитъ стволы и вѣтви древъ сосѣднихъ,
И звучно вторятъ ихъ паденью холмы,
Ты шлешъ меня въ уютную пещеру,
Мнѣ указуешъ самаго меня тамъ,
Моей души мнѣ открываешъ тайны;
Когда жъ, потомъ, привѣтливо на небѣ
Взойдетъ луна, ко мнѣ съ лѣсовъ, съ утесовъ

Слетаютъ тѣни населявшихъ міръ
Въ протекшіе вѣка, и освѣжаютъ
Отъ созерцаній напряженный умъ.

Но, ахъ, теперь я познаю, что нѣтъ
Для человѣка совершенства. Съ нѣгой
Возносящей меня къ богамъ, ты далъ мнѣ
И спутника; и онъ ужъ мнѣ необходимъ,
Хотя, холодно-дерзкій, унижаетъ
Меня въ моихъ же онъ глазахъ, ничтожитъ
Однимъ дхновеньемъ всѣ твои дары.
Дѣятельно онъ къ ней — къ той красотѣ —
Мнѣ въ сердцѣ дикій разжигаетъ пламень!
Такъ отъ желанья мчусь я къ наслажденью,
А въ наслажденіи тоскую по желанью.

входитъ ***МЕФИСТОФИЛЬ***

МЕФИСТОФИЛЬ

Ну что, неужто никогда
Не надоѣстъ тебѣ житье такое?
Попытка, я согласенъ, не бѣда,
Но надо жъ наконецъ придумать что другое.

ФАУСТЪ

Ты бъ лучше самъ другимъ занялся чѣмъ нибудь
И не смущалъ меня въ счастливую минутку.

МЕФИСТОФИЛЬ

Пожалуй; только не забудь,
Что это мнѣ сказать не смѣешъ ты не въ шутку.
А впрочемъ въ чудакѣ такомъ
Потери было бы мнѣ мало:
Хлопочешъ, только бъ силъ достало;

А что по немъ, что не по немъ —
Не разгадать ни чьимъ умомъ.

ФАУСТЪ

Каковъ? никакъ за то, что мнѣ надоѣдаетъ,
Онъ благодарности желаетъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

А безъ меня ты какъ бы жилъ?
Вѣдь я жъ тебя надолго исцѣлилъ
Отъ каверзовъ воображенья!
Да что! когда бъ не я, давно бъ
Тебя ужъ положили въ гробъ!
Скажи, что толку влажные каменья
И мохъ гнилой, ни дать ни взять
Какъ жаба тощая, сосать,
Или сидѣть самодовольно,
Какъ старый филинъ, въ щеляхъ скалъ?
Прекрасный вкусъ! никакъ отсталъ
Ты не совсѣмъ отъ жизни школьной?

ФАУСТЪ

Тебѣ ли, бѣдный чортъ, понять,
Сколь много новыхъ силъ мнѣ въ душу здѣсь струится!
О, если бы ты могъ мое блаженство знать,
Ты имъ, какъ истый бѣсъ, мнѣ бъ не далъ насладиться.

МЕФИСТОФИЛЬ

Блаженство неземное, вправъ!
Въ горахъ росу пить по ночамъ,
Съ землей и небомъ страстно обниматься,
Щитать себя чуть чуть не божествомъ,
Въ земныя нѣдра мыслью углубляться,
Весь міръ вдругъ въ сердцѣ заключать своемъ,

Избыткомъ силъ гордясь, невѣсть чѣмъ наслаждаться,
Забывши бренность перелить
Съ любовію себя во все созданье,
И напослѣдокъ созерцанье —
съ неприличнымъ тѣлодвиженіемъ
Не хочется сказать чѣмъ — заключить!

ФАУСТЪ

Безстыдникъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Вотъ, готовъ сердиться!
Да, вы краснѣете отъ всякаго словца:
Стыдливый слухъ вашъ имени боится,
А къ самой вещи льнутъ стыдливыя сердца! [93]
Но дѣло вотъ въ чемъ: я все прочу,
Авось тебя кой-чѣмъ пріятно поморочу;
Тебѣ же все не надолго — опять
Ты ужъ дичаешъ и худѣешъ,
И право, если такъ намѣренъ продолжать,
Рѣхнешся, иль отъ горя околѣешъ.
Опомнись! милочкѣ твоей
Безъ друга скучно нестерпимо:
Ты сдѣлался необходимой
Мечтой и мыслію для ней;
Твоя любовь мгновенно забурлила,
Какъ горный отъ дождей потокъ,
И вдругъ ей сердце затопила —
И вдругъ изсякнулъ ручеекъ.
Мнѣ кажется, чѣмъ здѣсь уединенно
Въ дичи среди лѣсовъ царить,
Умнѣе бъ было несравненно

Любовь бѣдняжки наградить.
Она отъ горя изнываетъ,
Глядитъ въ окошко, какъ порой
Несутся облака надъ городской стѣной,
И «будь я пташкой» напѣваетъ
По цѣлымъ днямъ, по полъночамъ;
Тоскуетъ; волю давъ слезамъ
Утихнетъ, и опять вздыхаетъ,
Опять по прежнему грустна —
И все по уши влюблена!

ФАУСТЪ

Змѣя, змѣя!

МЕФИСТОФИЛЬ *встороиу*

Пожалуй, лишъ бы я
Тебя поддѣть могъ, какъ змѣя!

ФАУСТЪ

Прочь съ глазъ моихъ, хитрецъ безчестный!
Не говори мнѣ о прелестной;
Въ крови и безъ того бунтующей моей
Не распаляй любви къ ней новымъ жаромъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Ну что жъ? ей кажется, что ты бѣжалъ отъ ней;
И, право, кажется не даромъ.

ФАУСТЪ

Ахъ, сердце близко къ ней мое
Всегда, повсюду: даже въ сей пустынѣ
Я ревновать готовъ ее
Къ лобзаемой отъ устъ ея святынѣ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Она того и стоитъ. Я не разъ

Смотрѣлъ, бывало, съ завистью на васъ.

ФАУСТЪ

Прочь, искуситель!

МЕФИСТОФИЛЬ

Да, бранись, а мнѣ смѣшно.
Мущины созданы для женщинъ, и обратно;
Природѣ жъ помогать — оно
Вѣдь и почетно и пріятно. [94]
Ступай же — ты сталъ, право, чудакомъ:
Къ любимой дѣвушкѣ я въ домъ,
А не во гробъ тебя толкаю.

ФАУСТЪ

О, я въ обьятіяхъ ея блаженство пью!
Дай на ея груди согрѣть мнѣ грудь мою!
Уже ль я ей не сострадаю?
Не я ль бѣглецъ тотъ, сопостатъ
Безъ цѣли бытія, что въ дерзости нелѣпой,
Какъ по утесамъ бьющій водопадъ,
Стремился къ безднѣ жадно и свирѣпо?
И возлѣ, ангелъ красоты,
Щастлива въ хижинѣ укромной,
Была она, и жизни скромной
Ей не смущали гордыя мечты.
И я — о Боже! недовольно,
Что на пути объ ребра скалъ
Я скалы разшибалъ —
Я долженъ былъ, отверженецъ крамольный,
Ее, ея покой подрыть!
Да! долженъ же былъ адъ сей жертвой насладиться!
Бѣсъ, помоги мнѣ муку сократить:

Пусть неизбѣжное скорѣе совершится —
Пусть гибну я, ея подавленный судьбой;
Пусть гибнетъ и она со мной!

МЕФИСТОФИЛЬ

Какъ все опять въ тебѣ кипитъ и бродитъ!
Поди, утѣшъ ее, глупецъ:
Гдѣ, дурочка, она спасенья не находитъ,
Тамъ ужъ и ты отчаялся вконецъ!
Да здравствуетъ, кто смѣлъ и твердъ:
Ты ужъ успѣлъ обчортиться изрядно;
А крайне глупо вѣдь и видѣть непріятно,
Когда начнетъ отчаяваться чортъ!

Комната Гретхенъ (*Маргариты*).

ГРЕТХЕНЪ *одна, за самопрялкой*

Исчезъ мой покой;
Грусть сердце гнететъ —
Ахъ, ввѣкъ ужъ покоя
Оно не найдетъ!

Гдѣ нѣтъ со мною
Дружка моего,
Тамъ свѣтъ не ясенъ,
Тамъ все мертво.

Въ головѣ моей бѣдной
Идетъ все кругомъ,
Все смѣшано въ бѣдномъ
Умѣ моемъ. [95]

Исчезъ мой покой;
Грусть сердце гнететъ —
Ахъ, ввѣкъ ужъ покоя
Оно не найдетъ!

Ожидая лишъ друга
Въ окно я гляжу ;
Ему лишъ на встрѣчу
За дверь выхожу .

Его гордая поступь ,
Осанистый видъ ,
Улыбки прелесть
И взоровъ магнитъ ;

Его волшебный
Слова даръ ,
И его поцѣлуя
Страстный жаръ ! . . . [96]

Исчезъ мой покой ;
Грусть сердце гнететъ —
Ахъ , ввѣкъ ужъ покоя
Оно не найдетъ !

Къ нему летитъ
Душа моя ;
Обняла бы его ,
Не пустила бы я;
Его бъ цѣловала ,
Сколько могла ;
Цѣлуя бы , душу
Творцу отдала .

Садъ Марты.

ФАУСТЪ и ГРЕТХЕНЪ.

ГРЕТХЕНЪ

Ты обѣщаешъ, Генрихъ?

ФАУСТЪ

Все, что властенъ.

ГРЕТХЕНЪ

А объ религіи подумаешъ? ты къ ней,
Со всею добротой своей,
Не очень, кажется, пристрастенъ!

ФАУСТЪ

Оставимъ это! ты мнѣ дорога;
За друга я готовъ на смерть, на всѣ мученья;
Въ религіи жъ вводить въ сомнѣнье
Не сталъ бы даже и врага.

ГРЕТХЕНЪ

Но надо исполнять обряды
И твердо вѣровать.

ФАУСТЪ

Да? надо?

ГРЕТХЕНЪ

Ахъ, если бъ я могла тебя уговорить!
Ты хоть Святыя Тайны сталъ бы чтить!

ФАУСТЪ

Чтить? я ихъ чту.

ГРЕТХЕНЪ

Но къ нимъ не прибѣгаешь —
Говѣть не хочешь, въ церкви не бываешь.
Ты въ Бога вѣруешь?

ФАУСТЪ

Кто можетъ, ангелъ мой,
Сказать, что вѣруетъ онъ въ Бога?
Спроси у мудрыхъ — словъ наскажутъ много,
А смыслъ ихъ ты почтешь насмѣшкой надъ тобой.

ГРЕТХЕНЪ

Такъ ты не вѣруешь въ Него?

ФАУСТЪ

О, не толкуй во зло отвѣта моего!
Кто смѣетъ Вышняго назвать
И исповѣдуя, сказать:
Я вѣрую въ Него?
Кто Необъятаго пойметъ,
Иль не понявъ, сказать дерзнетъ:
Не вѣрую въ Него?
Всего зиждитель,
Всего хранитель,
Не Онъ ли держитъ и всевѣсть
Себя и насъ и все, что есть?
Не распростерто ль небо тамъ, горѣ?
Не стелется ль земля здѣсь, долу?

Не всходятъ ли вседневно,
Блеща привѣтно, звѣзды?
И не гляжу ль тебѣ я окомъ въ око?
И все — все не тѣснится ль
Тебѣ и въ мысль и въ сердце,
Не дѣется ль въ всегдашней тайнѣ
Незримо, зримо вкругъ тебя?
Наполни жъ чувствомъ симъ свою всю душу
И въ немъ блаженствуя сполна,
Зови его какъ хочешъ — [97]
Я имени ему
Не вѣдаю! Вся сила въ ощущеньи;
Природа жъ — звукъ и дымъ,
Темнящій огнь небесный.

ГРЕТХЕНЪ

Да, въ этомъ есть и умъ и складъ.
Пасторы намъ почти что тоже говорятъ,
Хоть не такими же словами.

ФАУСТЪ

О, все что есть подъ небесами,
Что существуетъ и живетъ,
Творца, какъ вѣдаетъ, зоветъ
На языкѣ своемъ! я — тоже.

ГРЕТХЕНЪ

Какъ слушаешъ, оно на что нибудь похоже;
Но то не хорошо, другъ мой,
Что христіянинъ ты плохой.

ФАУСТЪ

Душа моя!

ГРЕТХЕНЪ

Грущу я часто и о томъ,
Что ты все въ обществѣ такомъ.

ФАУСТЪ

Какъ это?

ГРЕТХЕНЪ

Твой товарищь мнѣ
Противенъ въ сердца глубинѣ.
Что за лицо? я не видала
Еще на свѣтѣ ничего,
Что бы меня такъ отвращало.

ФАУСТЪ

Не бойся, душечка, его.

ГРЕТХЕНЪ

Мнѣ грустно, какъ его завижу.
Я никого не ненавижу;
Но столько жъ, какъ тебя люблю,
Его боюсь и не терплю.
Ктому жъ — прости мнѣ Богъ обиду —
Онъ плутомъ кажется по виду!

ФАУСТЪ

Безъ чудаковъ такихъ нельзя же быть.

ГРЕТХЕНЪ

Но Богъ избави съ ними жить!
Войдетъ — насмѣшливо косится
На всѣхъ и все, какъ будто злится
На цѣлый свѣтъ;
Кажись, на лбу написано, что нѣтъ
Въ немъ ни къ чему любви, ни въ чемъ участья,
Что ни одной душѣ онъ не желаетъ щастья! [98]

Мнѣ жизнь съ тобой такъ хороша ,
Такъ радостна и такъ привольна !
А если онъ тутъ , тотчасъ сердцу больно !

ФАУСТЪ *встрону*

Святая , вѣщая душа !

ГРЕТХЕНЪ

При немъ я стражду , какъ подъ тяжкимъ игомъ
И даже кажется , что мигомъ
Тебя перестаю любить ;
А что всего труднѣй сносить —
Молиться не могу , ни явственно ни скрытно !
Ты тоже ль чувствуешъ ?

ФАУСТЪ

Въ тебѣ , мой ангелъ, видно
Есть антипатія къ нему .

ГРЕТХЕНЪ

Теперь прощай .

ФАУСТЪ

Уже ль мнѣ никогда съ тобою
Минутки быть нельзя спокойно одному ,
Грудь съ грудью и душа съ душою ?

ГРЕТХЕНЪ

Ахъ , если бъ я одна спала !
Я и сегодня бъ дверь не запереть могла ;
Но сонъ у матушки плохой ;
А ежели она застанетъ насъ съ тобой ,
То хоть на мѣстѣ я умри .

ФАУСТЪ

Не бойся , другъ мой . Посмотри ,
Вотъ стклянночка : отсюда влей

Въ питье три капельки для ней —
Увидишъ, какъ уснетъ прекрасно.

ГРЕТХЕНЪ

Я для тебя на все согласна.
Вѣдь тутъ не можетъ быть вреда?

ФАУСТЪ

О, вреднаго бъ я не далъ никогда.

ГРЕТХЕНЪ

Едва тебя завижу, вдругъ
Я становлюсь твоей покорна волѣ.
Я столько для тебя ужъ сдѣлала, мой другъ,
Что нѣчего почти мнѣ дѣлать болѣ.

уходитъ.

МЕФИСТОФИЛЬ *входитъ*

Ушла? мартышка!

ФАУСТЪ

Что, злой Духъ,
Опять подслушивалъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

И слышалъ очень ясно,
Какъ поучали васъ. Прекрасно,
Надѣюсь, что послужитъ въ прокъ!
У дѣвушекъ ращетъ примѣренъ —
Желая знать, что думаетъ дружокъ,
Онѣ смекаютъ такъ: кто вѣруетъ, тотъ вѣренъ.

ФАУСТЪ

Уже ль не видишъ извергъ, ты,
Что этотъ ангелъ чистоты,
Полнъ вѣрою святой,
Находитъ щастье въ вѣрѣ лишь одной

И ангельски страдаетъ,
Предчувствуя, что другъ на вѣки погибаетъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Охъ ты, мечтатель выспренне-плотской!
Тебя дѣвчонка за носъ водитъ!

ФАУСТЪ.

Охъ ты, исчадіе огня съ кромѣшной тьмой!

МЕФИСТОФИЛЬ

А дѣвка славно смыслъ наружности находитъ!
При мнѣ она, какъ не своя;
По рожицѣ моихъ открыла тайну мнѣній
И чувствуетъ, что вѣрно геній,
А можетъ быть и дьяволъ я!
И такъ, сегодня —

ФАУСТЪ

А тебѣ что нужды?

МЕФИСТОФИЛЬ

И мы вѣдь въ этомъ радости не чужды.

У колодца.

***ГРЕТХЕНЪ** и **ЛИЗХЕНЪ** съ кружками.*

ЛИЗХЕНЪ

Ты слышала объ Варѣ?

ГРЕТХЕНЪ

Нѣтъ;
Откуда мнѣ — я домосѣдъ.

ЛИЗХЕНЪ

Да, дѣло вѣрное: и эта
Вострушка наконецъ поддѣта.
Вотъ-те и спѣсь!

ГРЕТХЕНЪ

А что?

ЛИЗХЕНЪ

А то, что ужъ она
Въ себѣ двоихъ кормить должна.

ГРЕТХЕНЪ

Ахъ!

ЛИЗХЕНЪ

Но дѣломъ! и съ коихъ поръ

У ней ведутся съ парнемъ шашни!
Бывало, рано и вечоръ
Онъ съ нею, какъ домашній;
Идетъ съ ней въ садъ и въ хороводъ;
Винца, сластей ей поднесетъ;
Она жъ должна у всѣхъ быть впереди —
Всякъ только на нее, красавицу, гляди!
А что творила? страхъ сказать —
Подарки не стыдилась брать!
Все къ другу вѣшалась на шею;
Такъ другъ и подшутилъ надъ нею!

ГРЕТХЕНЪ

Бѣдняжка!

ЛИЗХЕНЪ

Вотъ, еще жалѣешъ! —
Сидишъ, бывало, вечеркомъ
Оставить матери не смѣешъ;
Они же вѣрно гдѣ нибудь вдвоемъ
Въ свиданьи нѣжутся любовномъ.
Тогда не скучно было ей;
За то придетъ пора — краснѣй
И кайся въ платьицѣ грѣховномъ. [99]

ГРЕТХЕНЪ

Но вѣрно онъ ее возьметъ.

ЛИЗХЕНЪ

Да, глупъ онъ! молодецъ найдетъ
Подружку и не ей чета.
Да онъ же ужъ и скрылся!

ГРЕТХЕНЪ

Да?

Не честно жъ это!

ЛИЗХЕНЪ

А когда бы
И взялъ, ей все не избѣжать стыда:
Вѣнокъ съ головки сорвала бы
Ей молодежъ; а мы, ей ей,
Насыплемъ сѣчки у дверей!

уходитъ.

ГРЕТХЕНЪ *идучи домой*

Ахъ, какъ могла я быть столь строгой!
Къ подружкамъ, грѣшнымъ хоть немного!
Бывало, знаешъ, есть пятно
На той-то, отъ того ль, другаго ль —
Чернишъ, хоть ужъ и такъ черно,
И разчернить не можешъ вдоволь,
Сама жъ гордишся чистотой;
И вотъ, сама! . . . но Боже мой,
За чѣмъ же все, что въ грѣхъ вводило,
Такъ было хорошо и мило!

Церковная ограда.

Въ углубленіи стѣны образъ Скорбящей Богоматери; предъ нимъ кружки съ цвѣтами.

ГРЕТХЕНЪ *ставитъ въ кружку свѣжіе цвѣты.*

Воззри безъ гнѣва,
Многоскорбная Дѣва,
На горесть сердца моего!

Мечемъ пронзенна,
Глядишь смиренно
На смерть Ты сына своего;

Къ Творцу вздыхаешъ
И возсылаешъ
Мольбы ко благости Его.

Кто знаетъ,
Какъ таетъ
Отъ мукъ душа моя!
То, къ чему она стремится,

Чѣмъ трепещетъ, въ чемъ винится,
Видимъ только Ты да я.

Съ людьми ли я — о Боже,
Все тожъ, все тожъ, все тоже
Кипитъ и ноетъ въ ней;
Одна ль — всегда тоскуя,
Все лью, все лью, все лью я
Потоки изъ очей.

Слезами я сегодня
Цвѣтникъ свой полила,
Когда въ немъ раннимъ утромъ
Тебѣ цвѣты брала;

Въ слезахъ ужъ на постели
Сидѣла я давно,
Когда, взошедши, солнце
Блеснуло мнѣ въ окно.

Спаси меня и сохрани!
Безъ гнѣва,
Многоскорбная Дѣва,
Ко мнѣ свой свѣтлый ликъ склони!

Ночь.

Улица передъ домомъ Маргариты.

ВАЛЕНТИНЪ *(солдатъ, братъ Маргариты)*

Въ пирахъ, бывало, каждый разъ,
Когда товарищи подчасъ
Начнутъ про дѣвицъ говорить,
И лучшихъ выхвалять, и пить
Здоровье той или другой,
Я думаю себѣ: постой!
И гордо, слушая, молчу,
Да подбоченясь, усъ кручу,
И вдругъ стаканъ свой подниму
И молвлю: всякъ по своему;
Но кто изъ васъ укажетъ мнѣ,
Какую въ здѣшней сторонѣ
Не то, чтобъ съ Гретхенъ поровнять,
А хоть бы въ служки ей отдать? —
И вотъ, подымутъ шумъ и гвалъ
И гаркнутъ: правду онъ сказалъ —
Кто противъ Гретхенъ, тѣхъ за дверь!
И всѣ за Гретхенъ! — [101] А теперь

Хоть лѣзь на стѣну, хоть въ досадѣ
На темѣ рви пуки волосъ —
У всякаго укоръ во взглядѣ
И всякой поднимаетъ носъ:
Стыдись, какъ воръ, намековъ тайныхъ,
Потѣй отъ шуточекъ случайныхъ;
И хоть сомну кого я въ комъ,
А все не назову лжецомъ!

Кто это крадется? ихъ двое!
Не онъ ли? точно! нѣтъ, пустое —
Теперь же друга проучу,
Живаго съ мѣста не спущу!

подходятъ **ФАУСТЪ** *и* **МЕФИСТОФИЛЬ**.

ФАУСТЪ *указывая на церковь*

Смотри, какъ тамъ блеститъ во впадинѣ оконной
Алтарная лампада, все слабѣй;
Какъ мракъ, вокругъ окна сгущенный,
Тѣснится ближе къ ней.
Ахъ, такъ же мрачно и въ душѣ моей.

МЕФИСТОФИЛЬ

А мнѣ теперь, какъ кошечкѣ влюбленной,
По улицѣ предъ фонаремъ
Скользящей вдоль стѣны тайкомъ —
Немножко похотно, немножко воровато,
И умилительно зѣло:
Всѣ жилки чуютъ, что почти пришло [103]
Вальпургской ночи времячко! тогда-то
Мы попируемъ: тамъ не захандришь,
И знаешь, для чего не спишь!

ФАУСТЪ

А что, вотъ этотъ, что блеститъ тамъ, кладъ,
Идетъ впередъ или назадъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Впередъ; есть вѣрныя примѣты,
Что скоро вынимать пора.
Я заглянулъ туда вчера —
Все очень старыя монеты.

ФАУСТЪ

А нѣтъ ли тамъ для милочки моей
Серегъ, цѣпочекъ, иль перстней?

МЕФИСТОФИЛЬ

И въ этомъ родѣ что-то было видно —
Жемчужная, казалось, нить.

ФАУСТЪ

Я очень радъ, а то мнѣ стыдно —
Идешъ, а нѣчего дарить.

МЕФИСТОФИЛЬ

Чудакъ! ты бъ шелъ съ тѣмъ бо́льшимъ жаромъ,
Что не за денежки, а даромъ! —
Ну, чтобъ вѣрнѣй ее поддѣть,
Мнѣ хочется напѣвомъ томнымъ,
Теперь, при звѣздъ мерцаньи скромномъ,
Ей пѣсню нравственную спѣть.

играетъ на гитарѣ и поетъ

Зачѣмъ передъ днемъ, [103]
Катринхенъ, тайкомъ,
Ты къ милому въ домъ
Идешъ, весела и нарядна?
Эй, будетъ бѣда:

Войдешъ ты, млада,
Дѣвицей туда;
Пойдешъ не дѣвицей обратно!

А чуть твой не впрокъ
Ужъ сорванъ цвѣтокъ,
Тебя твой дружокъ
Оставитъ съ печальнымъ сердечкомъ!
Такъ лучше жъ цвѣтка
Не трогать, пока
Съ рукой ты дружка
Обмѣнишся брачнымъ колечкомъ.

ВАЛЕНТИНЪ *подходитъ ближе*

Какую здѣсь манишъ ты дуру,
Проклятый крысоловъ? къ чертямъ
Сперва дурацкую бандуру,
А послѣ и пѣвца къ чертямъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Гитара въ дребезгахъ — ну, вотъ-те и играй!

ВАЛЕНТИНЪ

Теперь и голова того же ожидай!

МЕФИСТОФИЛЬ *къ Фаусту*

Ну, докторъ, не зѣвать —
Сюда, въ мою сторонку!
Вытаскивай шпажонку,
Коли, я стану отбивать.

ВАЛЕНТИНЪ

Отбей-ка этотъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Почему жъ не такъ!

ВАЛЕНТИНЪ

Или вотъ этотъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Навѣрнякъ.

ВАЛЕНТИНЪ

Никакъ онъ дьяволъ! что за чудо —
Рука какъ налита свинцомъ!

МЕФИСТОФИЛЬ *къ Фаусту*

Коли!

ВАЛЕНТИНЪ *падаетъ*

Ахъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Славно! ну, теперь мы и уйдемъ —
Пойдетъ тревога, будетъ худо:
Съ полиціей я лажу завсегда,
Но уголовнаго не жалую суда.

уходитъ съ Фаустомъ.

МАРТА *въ окнѣ*

Сюда, на улицу!

ГРЕТХЕНЪ *въ окнѣ*

Огня!

МАРТА

Вотъ здѣсь былъ шумъ и стукотня.

НАРОДЪ *собирается*

Одинъ убитъ знать — не встаетъ съ земли.

МАРТА *сходитъ внизъ*

А гдѣ жъ другіе-то? ушли?

ГРЕТХЕНЪ *сходитъ внизъ*

Убитъ, я слышу: кто такой?

НАРОДЪ

Твой братъ.

ГРЕТХЕНЪ

О Боже всеблагой!

ВАЛЕНТИНЪ

Я умираю — что таиться!
Ахъ, это скоро говорится,
А сдѣлалось еще скорѣй.
Не войте, слушайте смирнѣй.

его обступаютъ.

Ты молода еще, сестра,
Да и умомъ-то не хитра —
Жить хочешъ на авось!
Скажу тебѣ, какъ дѣло есть:
Когда ты позабыла честь,
То ужъ и стыдъ-то брось!

ГРЕТХЕНЪ

О Боже! братецъ! какъ снесу я —

ВАЛЕНТИНЪ

Не призывай ты Бога всуе!
Прошедшаго не воротить,
А будетъ то, что должно быть:
Ты начала тайкомъ, съ однимъ;
Потомъ попробуешъ съ другимъ;
А какъ пять шесть ихъ перечтешъ,
То и ко всякому пойдешъ.

Сначала, какъ родится грѣхъ,
Его скрываютъ ото всѣхъ,
Ему на уши и на очи

Бросаютъ покрывало ночи —
Его бы всякъ убить желалъ;
Потомъ, пришедши въ возрастъ зрѣлый,
И днемъ нагой онъ ходитъ смѣло,
Хоть вовсе не красивѣй сталъ.
Чего? чѣмъ ликъ его мерзѣе,
Тѣмъ онъ безстыднѣй и наглѣе!

Ахъ, скоро времена придутъ,
Когда всѣ граждане честные
Тебя, какъ язвы моровыя,
При встрѣчѣ убѣгать начнутъ,
И съ каждымъ на тебя ихъ взглядомъ
Ты будешъ сердцемъ изнывать!
Тогда не станешъ щеголять
При пляскѣ праздничнымъ нарядомъ,
Иль красоваться впереди,
Златой цѣпочкой, у обѣдни —
Средь нищихъ сгинешъ и среди
Калекъ! и если въ день послѣдній
Господь проститъ душѣ твоей —
Будь проклята среди людей!

МАРТА

Эхъ, пожалѣй своей души —
Хоть въ часъ кончины не грѣши!

ВАЛЕНТИНЪ *указывая на Марту*

Когда бъ я только этой твари
Добраться могъ до тощей хари,
То вѣрно бъ Царь небесныхъ силъ
Мнѣ всѣ грѣхи мои простилъ!

ГРЕТХЕНЪ

О Боже мой! о братецъ милый —

ВАЛЕНТИНЪ

Не плачь, я говорю, и вѣрь,
Что мнѣ стократъ тяжелѣ было
Твое безчестье, а теперь
Безстрашно, какъ солдатъ, мою
Я Богу душу отдаю.

умираетъ.

Церковь.

Звуки органа; пѣніе.

***ГРЕТХЕНЪ** среди народа; за нею **ЗЛОЙ ДУХЪ**.*

ЗЛОЙ ДУХЪ

Не таково тебѣ бывало, Гретхенъ,
Когда ты сюда приходила
Съ невинной душой,
По книжкѣ на обумъ
Лепетала молитвы,
Полъ-сердцемъ предана Творцу,
Полъ-сердцемъ играмъ дѣтскимъ!
Что, Гретхенъ,
Съ твоей головой?
Въ душѣ твоей
Какое преступленье?
Не молишся ли ты о матери, во снѣ,
Твоей виной, прешедшей къ долгимъ мукамъ?
Чьей кровію дымится твой порогъ?
А у тебя подъ сердцемъ
Не дышитъ ли ужъ что-то, не даетъ ли

Своимъ существованьемъ
Ужасной вѣсти ?

ГРЕТХЕНЪ

О горе , горе !
Куда уйти отъ мыслей
Противъ меня
Отвсюду возстающихъ !

ХОРЪ

Dies irae , dies illa
Solvet saeclum in favilla

звукъ органа .

ЗЛОЙ ДУХЪ

Насталъ часъ кары !
Звучитъ труба ,
Вскрываются гробы ,
И ты ,
Возсозданна снова
На лютую муку ,
Изъ праха могилы
Стеная , встаешъ !

ГРЕТХЕНЪ .

Ахъ , какъ бы уйти !
Органа звукъ
Тѣснитъ дыханье ;
Священныя пѣсни
Рвутъ сердце !

ХОРЪ

Judex ergo cum sedebit ,
Quidquid latet adparebit ,
Nil inultum remanebit .

ГРЕТХЕНЪ

Душно!
Какъ меня стѣны сжимаютъ!
Какъ давятъ
Своды!
Я задыхаюсь!

ЗЛОЙ ДУХЪ

Скрывайся: срама и грѣха
Не скроешъ!
Что, душно, темно?
Горе тебѣ!

ХОРЪ

Quid sum miser tunc dicturus,
Quem patronum rogaturus,
Cum vix justus sit sicurus.

ЗЛОЙ ДУХЪ

Отъ тебя отвращаютъ
Угодники ликъ свой:
Противно имъ, чистымъ,
Подать тебѣ руку!
Горе!

ХОРЪ

Quid sum miser tunc dicturus . . .

ГРЕТХЕНЪ

Помогите! [106]

падаетъ безъ чувствъ.

Вальпургская ночь.

ШАБАШЪ ВѢДЬМЪ.

Дикое мѣсто въ Гарцовыхъ горахъ.

ФАУСТЪ, МЕФИСТОФИЛЬ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Что, и тебѣ, чай, надобна метла?
Себѣ бы я желалъ исправнаго козла;
А такъ идти намъ долго доведется.

ФАУСТЪ

Ну нѣтъ, пока еще идется,
Довольно мнѣ и этого жезла.
Что толку сокращать дорогу?
То въ глубинѣ долинъ брести,
То вдоль потока лѣзть на скалы понемногу —
Все это весело въ пути.
Въ березкахъ вѣетъ ужъ весна;
Весна ужъ дѣйствуетъ надъ елью и сосною;
Не ужто жъ чувствовать ее не будемъ мы?

МЕФИСТОФИЛЬ

По крайней мѣрѣ я — ни мало:
Мнѣ точно какъ среди зимы;
Да и снѣжку бъ найти въ дорогѣ не мѣшало!
Какъ тамъ печально, погляди,
Краюшка-мѣсяцъ всходитъ, запоздалый;
Какъ дурно свѣтитъ! ну, того и жди,
Что стукнешъ лбомъ во что попало!
А, вотъ блудящій огонекъ —
Я позову его въ подмогу.
Ей ты, поди сюда дружокъ:
Чѣмъ попусту горѣть, свѣти-ка намъ въ дорогу!

БЛУДЯЩІЙ ОГОНЬ

Для вашей чести я готовъ
Не дѣлать боковыхъ скачковъ;
А то мой путь не очень прямъ бываетъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Каковъ? онъ людямъ подражаетъ!
Пошелъ, во имя чорта! да прошу
Прямѣе, а не то, вѣдь разомъ потушу!

БЛУДЯЩІЙ ОГОНЬ

Вы, видно, здѣсь хозяинъ въ домѣ
И съ вами нѣчего шутить;
Но не извольте позабыть,
Что здѣсь сегодня какъ въ содомѣ,
И если васъ ведетъ блудящій огонекъ,
Не ждите, чтобъ въ пути былъ прокъ.

ФАУСТЪ, МЕФИСТОФИЛЬ И БЛУДЯЩІЙ ОГОНЬ

попеременно, напѣвая

Мнится, въ области мечтаній,

Въ край волшебныхъ обаяній
Мы внезапно залетѣли.
Провожай насъ прямо къ цѣли —
До таинственной вершины.

Посмотри, какъ вдоль стремнины
Мимо насъ деревья рыщутъ;
Какъ киваютъ головами,
Какъ храпятъ на насъ и свищутъ
Скалы длинными носами!

Низвергаясь въ долъ глубокій,
По каменьямъ бьютъ потоки;
Что за шорохъ? слышу звуки —
Пѣснь любви въ часы разлуки,
Сладкій гласъ временъ блаженныхъ,
Дней желанныхъ, незабвенныхъ!
Вотъ и эхо, какъ бывалыхъ
Лѣтъ глаголъ, имъ вторитъ въ скалахъ!

Вотъ другое: крики, зовы!
Всѣ не спятъ знать, всѣ въ тревогѣ,
Враны, филины и совы;
Толстобрюхи, длинноноги,
Жабы скачутъ межъ кустами;
Изъ земли и скалъ змѣями
Корни древъ, чернѣя, вьются —
То чуть зримо подъ ногами,
Какъ силки, въ пескѣ плетутся,
То висятъ, кажись живые,

Какъ полипы водяные,
Передъ путникомъ; несмѣтны,
По травѣ, по мхамъ мелкая,
Рѣютъ мыши многоцвѣтны;
Свѣтляковъ летучихъ стая
Вдругъ то здѣсь, то тамъ мелькаетъ —
Только съ толку насъ сбиваетъ.

II

Что, впередъ мы подаемся,
Иль на мѣстѣ остаемся?
Все кругомъ пошло, все стало
Шевелиться: лѣсъ и скалы
Корчутъ рожи, а огни —
Какъ умножились они!

МЕФИСТОФИЛЬ

За меня держись: здѣсь худо —
Самый верхъ горы; отсюда
Посмотри, какъ въ нѣдрахъ скалъ
Царь-Маммона заблисталъ.

ФАУСТЪ

Какъ странно нѣчто подъ горой
Зарей сомнительной мерцаетъ,
И какъ глубоко проникаетъ
Въ укромы бездны! чередой
Летитъ какъ паръ, лежитъ браздами,
Свѣтящимъ прахомъ возстаетъ,
И вдругъ разстелется нитями,
И водометомъ вверхъ забьетъ!
Тамъ въ сотняхъ жилъ грядой широкой
Сіяетъ пышно вдалекѣ,

А здѣсь чуть зримо, одиноко
Въ стѣсненномъ свѣтитъ уголкѣ,
Иль мещетъ искры изъ пучины,
Какъ ярко-золотистый соръ.
Но вотъ, отъ дола до вершины
Зажглась стѣна кремнистыхъ горъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Не правда ль, освѣтилъ красиво
Маммона къ празднику свой домъ!
Ты щастливъ, что взглянулъ на диво —
Я чую ужъ гостей содомъ!

ФАУСТЪ

Какъ вдругъ ужасно вихорь застоналъ!
Какими онъ меня ударами разитъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Держись сильнѣй за ребра скалъ,
А то какъ разъ съ утеса внизъ умчитъ.

Мрачность ночную сугубитъ туманъ;
Слышишъ, какъ воетъ въ лѣсу ураганъ?
Какъ онъ встревожилъ вранововъ и совъ,
Какъ онъ столбы разшибаетъ
Вѣчно-зеленыхъ дворцовъ,
Корни изъ нѣдра земли вырываетъ,
Мощные стебли валитъ,
Вѣтви мятетъ и дробитъ!
Въ страшномъ паденьи древа полетѣли
Съ шумомъ и ревомъ во прахъ;
Вихорь же свищетъ и воетъ во рвахъ,
Въ нѣдрахъ обломками полныхъ ущелій.

Слышишъ: говоръ, крикъ и стонъ
Тамъ и здѣсь вдругъ раздаются —
На гору со всѣхъ сторонъ
Гости шумные несутся.

ВѢДЬМЫ *хоромъ*

На Брокенъ мы летимъ толпою;
Въ травѣ хлѣбъ зеленъ, желтъ во снопу!
Смотрите, Уріанъ собою
Вѣнчаетъ главную толпу;
Летятъ чрезъ холмы, черезъ долъ —
П — колдунья, б — козелъ.

ГОЛОСЪ

Вотъ, Баубо старая, стрѣлой
На поросятницѣ несется матерой!

ХОРЪ

Впередъ старуху! подобаетъ
По праву ей большая честь:
Кто поросятницу сѣдлаетъ,
За тѣмъ мчись всякой, кто здѣсь есть.

ГОЛОСЪ

А ты сюда какимъ путемъ махнула?

ГОЛОСЪ

Чрезъ Ильзенштейнъ. Я тамъ въ гнѣздо къ совѣ
взглянула;
Она жъ мнѣ глазки сдѣлала, да какъ!

ГОЛОСЪ

Чтобъ шею ты себѣ свернула!
Охота жъ дурѣ мчаться такъ!

ГОЛОСЪ

Она меня дорогою задѣла;

Смотри — ссадила кожу съ тѣла !

ВѢДЬМЫ *хоромъ*

Дорога , кажется , для всѣхъ насъ не мала ,
А что за тѣснота — ни двинуться , ни стать !
Тамъ колютъ вилы , тутъ царапаетъ метла ;
Вотъ сжали въ комъ дитя , вотъ придавили мать !

КОЛДУНЫ — *полухоръ*

Нашъ братъ улиткою бреди ,
А бабы вѣчно впереди :
Когда на злое путь ведетъ ,
Имъ сто шаговъ дано впередъ .

ВѢДЬМЫ — *полухоръ*

Положимъ , такъ ; но вотъ въ чемъ дѣло :
Что мы во сто шаговъ пройдемъ ,
Мущина то , натужась смѣло ,
Перемахнетъ однимъ прижкомъ .

ГОЛОСЪ *вверху*

И вы изъ трещинъ къ намъ сюда !

ГОЛОСЪ *внизу*

Желали бъ очень , но бѣда :
Опрятны мы и чистоплотны ,
Однакожъ завсегда безплодны .

ОБА ПОЛУХОРА

Нѣтъ вѣтру ; звѣзды убѣгаютъ
И тучи мѣсяцъ закрываютъ ;
А хоръ во тьмѣ гремитъ и плещетъ
И огневыя искры мещетъ .

ГОЛОСЪ *внизу*

Постойте ! бѣшеный народъ !

ГОЛОСЪ *вверху*

Кто тамъ изъ трещины зоветъ?

ГОЛОСЪ *внизу*

Возьмите и меня съ собой!
Я триста лѣтъ ужъ, какъ бреду,
А все съ дружиною родной
На верхъ горы не попаду.

ОБА ПОЛУХОРА

Теперь насъ все везетъ — метла,
Жердь, вилы и спина козла:
Кто нынѣче съ нами не взлетитъ,
Внизу тотъ вѣчно просидитъ.

ПОЛУВѢДЬМА

Какъ ни спѣши, какъ ни иди,
Все остаюсь я назади!
Бѣда: нѣтъ силъ въ дому сидѣть,
За вѣдьмами жъ нельзя поспѣть!

ВѢДЬМЫ

Натертыя бальзамомъ, мы легки;
Для насъ корыта — челноки,
А тряпки — паруса. Пропалъ,
Кто вверхъ и нынѣче не попалъ!

ОБА ПОЛУХОРА

Взвивайтесь летомъ на вершину;
Потомъ всякъ на землю ступай,
И всю нагорную равнину,
Гдѣ какъ попалъ кто, занимай.

опускаются на землю.

МЕФИСТОФИЛЬ

Тьфу! всюду говоръ, шумъ, возня,

Визгъ, хохотъ, крики, толкотня,
Огонь и дымъ и смрадъ — прямой
Разгулъ для сволочи шальной!
Ко мнѣ прижмись, а то умчатъ невѣсть куда.
Но гдѣ ты?

ФАУСТЪ *въ отдаленіи*

Здѣсь.

МЕФИСТОФИЛЬ

Эге! ужъ занесенъ туда!
Знать по хозяйски мнѣ пришлось распорядиться!
Съ дороги! Я здѣсь! ну, правѣй, лѣвѣй! —
Дай руку, Фаустъ; не лучше ль поскорѣй
Изъ тѣсноты намъ удалиться?
Здѣсь слишкомъ шумно, даже для меня!
Мнѣ какъ-то хочется туда: между кустами
Престранный блескъ разносится струями —
Посмотримъ, кто тамъ у огня.

ФАУСТЪ

Пожалуй, всюду я иду съ тобою, Духъ
Противурѣчія! да и умно, признаться:
Пришли на шабашъ, чтобъ самдругъ
Уединенію предаться!

МЕФИСТОФИЛЬ

Смотри-ка, сколько разныхъ огоньковъ!
Здѣсь общество весельчаковъ;
Мы не одни же, хоть гостей и мало.

ФАУСТЪ

Я лучше бы бродилъ по высотамъ —
Тамъ задымилось, запылало.
Толпа спѣшитъ на злое! много тамъ

Должно загадокъ разрѣшиться!

МЕФИСТОФИЛЬ

И много новыхъ породится!
Пускай бушуютъ; мы, отъ шума далеки,
Здѣсь въ тишинѣ побудемъ надосугѣ:
Всегда вѣдь въ большемъ свѣта кругѣ
Творятся меньшіе кружки.
Смотри — старухи: какъ закутаны исправно!
А младшія какъ перстъ разоблеклись.
Прошу, учтивѣй съ ними обойдись —
Оно не трудно, а забавно.
А, музыка? охота жъ ей скрипѣть!
Но какъ быть, надобно терпѣть.
Пойдемъ же, что тутъ думать! честно
Тебя представлю я гостямъ —
Понравится, увидишъ самъ.
Не правда ли, что здѣсь не тѣсно?
Конца не видно, лишъ взгляни:
Горятъ десятками огни;
Вокругъ нихъ любятся, ѣдятъ, пьютъ, пляшутъ, врутъ;
Гдѣ можетъ лучше быть, какъ тутъ!

ФАУСТЪ

А какъ намѣренъ въ этотъ ты содомъ
Явиться — чортомъ, или колдуномъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Хоть я инкогнито храню весьма охотно,
Но можно въ праздникъ орденъ свой надѣть.
Подвязки мнѣ еще не удалось имѣть,
За то копыто здѣсь почетно.

Да вотъ, улитка къ намъ идетъ ползкомъ:
Ужъ осязательнымъ глазкомъ
Она прозрѣла, кто во мнѣ таится —
Нельзя тутъ, если бъ и хотѣлось, скрыться.
Ну, живо вдоль огней пойдемъ;
Я буду сватомъ, ты будь женихомъ.

къ старикамъ, сидящимъ у догорѣвшихъ уже огней

Что, пожилые господа,
Вы здѣсь творите? лучше бъ шли туда,
Гдѣ молодежъ пируетъ такъ роскошно —
Однимъ сидѣть и дома можно.

ГЕНЕРАЛЪ

Спасать отечество иди,
А благородности не жди.
Народъ на женщинъ сталъ похожъ:
Кто молодъ, тотъ имъ и хорошъ.

ЕКСЪ-МИНИСТРЪ

Какъ нынѣче криво идутъ къ цѣли!
То ль дѣло прежній путь прямой!
Когда мы власть въ рукахъ имѣли,
Тогда-то впрямъ былъ вѣкъ златой!

PARVENU

И мы, не бѣдняки умомъ,
Не какъ велятъ, какъ хочется, мудрили,
И все упрочить ужъ готовы были,
Какъ вдругъ все стало кверху дномъ.

АВТОРЪ

Теперь, чуть книга дѣльна и умна,
Никто прочесть не хочетъ и начала;

А молодежъ — ахъ, никогда она
Заносчива такъ не бывала!

МЕФИСТОФИЛЬ *вдругъ принимаетъ видъ дряхлаго старика*

Знать свѣтъ ужъ отслужилъ свой срокъ —
Конца ждать должно всеминутно:
Не свѣтелъ дней моихъ потокъ,
Такъ стало быть и все на свѣтѣ мутно!

ВѢДЬМА ТОРГОВКА

Постойте, господа и бары,
Взгляните на мои товары —
Подобной лавки въ мірѣ нѣтъ:
Всего въ ней множество, а не найдешъ предмета,
Который для людей и свѣта
Ужъ не служитъ на гибель или вредъ.
Здѣсь, увѣряю, нѣтъ кинжала,
Который не пробилъ у человѣка грудь;
Нѣтъ ни единаго покала,
Изъ коего не пилъ отраву кто нибудь;
Нѣтъ ни наряда, ни убора,
Который женщинѣ не былъ цѣной позора,
И нѣтъ меча, который тайно, въ тылъ
Врага иль друга не убилъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Не знаешъ, тетка, ты снаровки:
Что видано, ужъ то старо;
Для насъ, что ново, то и благо и добро —
Такъ и давай же намъ обновки!

ФАУСТЪ

Здѣсь можно весь разсудокъ потерять.

Ужъ шабашъ, нѣчего сказать!

МЕФИСТОФИЛЬ

Всѣ лѣзутъ вверхъ! кажись, идешъ свободно,
А движешся, куда толпѣ угодно.

ФАУСТЪ

Кто это?

МЕФИСТОФИЛЬ

Присмотрись къ ней лучше.

ФАУСТЪ

Кто она?

МЕФИСТОФИЛЬ

Лилитъ, первѣйшая жена. [107]
Страшись волосъ прекрасныхъ и густыхъ,
Ея единаго убора:
Кто разъ дотронется до нихъ,
Тотъ отъ прелестницы не увернется скоро.

ФАУСТЪ

Вотъ двѣ сидятъ — старушка съ молодой;
Знать, наплясались, отдыхаютъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Какой тутъ отдыхъ, снова начинаютъ.
Пойдемъ-ка, братъ, и мы съ тобой.

ФАУСТЪ *пляшетъ съ молодой вѣдьмой*

Мнѣ снился сонъ, нельзя милѣй.
Я видѣлъ: яблонь и на ней
Два яблочка. Ахъ, вотъ бы съѣсть,
Подумалъ я, и ну къ нимъ лѣзть!

МОЛОДАЯ

До пары яблокъ вы всегда

Весьма охочи, господа;
Я рада, что такой же плодъ
И у меня въ саду растетъ.

МЕФИСТОФИЛЬ *пляшетъ съ старухой*

Мнѣ снился глупый сонъ вчера;
Я видѣлъ: пѣнь и въ пнѣ —.
Хотя просторна и черна,
А мнѣ понравилась она.

СТАРУХА

Хромому рыцарю за сонъ
Я низкій отдаю поклонъ.
Пускай онъ — — — свой,
Когда не труситъ — —.

ПРОКТОФАНТАЗМИСТЪ

Проклятые! мы ясно доказали,
Что Духъ не можетъ на ногахъ стоять;
Они жъ, прошу покорно, стали
Не хуже нашего плясать!

МОЛОДАЯ ВѢДЬМА

А этотъ здѣсь зачѣмъ на балѣ? вотъ хорошъ!

ФАУСТЪ

О, этого вездѣ найдешь!
Другіе пляшутъ — онъ о пляскѣ судитъ,
И если шагъ какой разобранъ имъ не будетъ,
Тотъ шагъ не ставитъ онъ и въ щетъ;
Терпѣть не можетъ, чтобъ другіе шли впередъ;
За то отъ сердца веселится,
Когда кто, также какъ и онъ,
На мѣстѣ мельницей вертится

И, какъ судьѣ, ему отдастъ потомъ поклонъ.

ПРОКТОФАНТАЗМИСТЪ

Все пляшутъ — право, мочи нѣтъ!
Да сгиньте: мы ужъ просвѣтили свѣтъ!
Мы такъ умны, а сволочь нашихъ правилъ
И знать не хочетъ, все несетъ старинный бредъ.
Давно, кажись, я всѣхъ на умъ наставилъ,
А снова глупо все! ну, право, мочи нѣтъ.

ТА ЖЕ ВѢДЬМА

Да полно! вотъ болтаетъ, какъ старуха!

ПРОКТОФАНТАЗМИСТЪ

Я говорю вамъ, Духи, ясно, вслухъ:
Не признаю я силы духа,
Занѣ безсиленъ собственный мой духъ.

пляска все продолжается по прежнему.

Сегодня мнѣ удачи нѣтъ ни въ чемъ;
Пойду, однако, слѣдомъ за толпами:
Быть можетъ прежде, чѣмъ дойдемъ,
Съ поэтами управлюсь и съ чертями.

МЕФИСТОФИЛЬ

Теперь онъ въ лужу бухнется — таковъ
Его отъ гнѣва облегчаться навыкъ,
И какъ накормитъ — й сотни пьявокъ,
Забудетъ духъ свой и Духовъ.

къ Фаусту, который между тѣмъ пересталь плясать

А гдѣ жъ подружка нѣжная твоя,
Что въ пляскѣ пѣла такъ прекрасно?

ФАУСТЪ

Ахъ, изо рту мышенокъ красный

У ней прыгнулъ среди пѣнья!

МЕФИСТОФИЛЬ

Такъ что же? ты и струсилъ какъ ребенокъ?
Вѣдь красенъ, а не сѣръ мышенокъ!
И какъ ты въ часъ любви замѣтить могъ его?

ФАУСТЪ

Потомъ мой встрѣтилъ взоръ —

МЕФИСТОФИЛЬ

Кого?

ФАУСТЪ

Мефисто, видишъ ты вотъ это, за кустами,
Прелестное дитя? вдали отъ всѣхъ, одна,
Кажись, что по землѣ она
Скользитъ, не двигая ногами;
И какъ блѣдна? я все какъ будто узнаю
Въ ней Гретхенъ добрую мою.

МЕФИСТОФИЛЬ

Э, полно, это чувствъ обманъ,
Волшебство, тѣнь, безъ жизни истуканъ.
Отъ встрѣчи съ нимъ добра не жди:
Недвижный взоръ застудитъ кровь въ груди,
И чуть не камнемъ станетъ человѣкъ —
Ты объ Медузѣ вѣдь не разъ слыхалъ въ свой вѣкъ?

ФАУСТЪ

Да, мертвые глаза! и видно, что съ участьемъ
Никто ихъ вѣждей не закрылъ!
Вотъ грудь, на коей я восторги пилъ!
Вотъ Гретхенъ, бывшая мнѣ радостью и щастьемъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Все чары. Вѣрь, что въ ней

Всякъ видитъ образъ милочки своей .

ФАУСТЪ

Душа томится радостью и горемъ —
Я не могу разстаться съ этимъ взоромъ !
Не странно ли ? на шейкѣ у нее
Обвитъ одинъ снурочикъ алый ,
Не толще , какъ ножа бываетъ остріе —

МЕФИСТОФИЛЬ

Ну , да : она возьметъ , пожалуй ,
И голову подъ мышку — ей
Отсѣкъ вѣдь голову Персей ..
Но полно бредить о пустомъ ;
Пойдемъ на горку — тамъ собранье
Точь въ точь какъ въ Вѣнѣ на гуляньѣ . [108]
А ! это что тамъ ? за холмомъ ,
Смотри , устроенъ , мнѣ сдается ,
Театръ —

SERVIBILIS

Тотчасъ опять начнется ;
Піеса новая , седьмая — вотъ житье !
Здѣсь семь , не меньше , разомъ представляютъ !
Любитель смастерилъ ее ,
И все любители играютъ .
Я изъ любителей и самъ, извольте знать —
Люблю въ срокъ занавѣсъ поднять ;
И такъ , щастливо оставаться !

МЕФИСТОФИЛЬ

Разумно , что вы всѣ сюда ,
На Блоксбергъ вздумали собраться :
Вамъ здѣсь и мѣсто , господа !

СНОВИДѢНІЕ

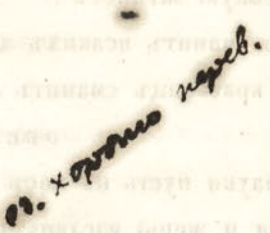
ВЪ ВАЛЬПУРГСКУЮ НОЧЬ

ИЛИ

ЗОЛОТАЯ СВАТЬБА

ОБЕРОНА И ТИТАНІИ. 109

ИНТЕРМЕДІЯ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РЕЖИССЕРЪ

Чада Миддинга ! [110] для васъ
Сегодня нѣтъ работы :
Сценой будутъ въ этотъ разъ
Лишъ горы да болота .

ГЕРОЛЬДЪ

Жилъ полъ-вѣка мужъ съ женой ;
Чего жъ дожился ? сватьбы !
Ему за подвигъ столь большой
Хоть лучшее что дать бы! [111]

ОБЕРОНЪ

Духи , здѣсь ли вы ? пусть всякъ
Примчится и ликуетъ :
Царь съ царицей новый бракъ
Сегодня торжествуетъ .

ПУККЪ

Мчится Пуккъ съ жезломъ своимъ ,
Вертясь , кружа ногою ;
Сотни всякихъ лицъ за нимъ
Слетаются толпою .

АРІЕЛЬ

Пѣсню Аріель, какъ встарь,
Волшебную затянетъ:
Много сманитъ всякихъ харь,
Но и красавицъ сманитъ.

ОБЕРОНЪ

Для науки пусть на насъ
Мужья и жены взглянутъ;
Разлучи двоихъ — тотчасъ
Любить другъ друга станутъ.

ТИТАНІЯ

Если жъ вновь начнутъ войну,
То свѣтъ великъ: ихъ снова —
На одинъ конецъ одну,
А на другой другаго.

ОРКЕСТРЪ — *tutti*, *fortissimo*

Вотъ комарьи хоботки,
Вотъ съ мушьей рожей франты;
Вотъ лягушки и сверчки:
Все это — музыканты.

SOLO

Вотъ и мыльный пузырекъ
Волынкой къ намъ слетаетъ;
Вотъ въ соломку, какъ въ рожокъ,
Гудѣть ужъ начинаетъ!

ДУХЪ ТОЛЬКО ЧТО ОБРАЗУЮЩІЙСЯ

Жабье брюхо, два крыла
И ножечки какъ нити:
Тварь тутъ выйти бъ не могла,
Поэмка жъ можетъ выйти.

ДВОЕ

Что за прыть ! какъ высоки
Прыжки мои ! любуйся —
— Да , ты ловокъ на прыжки ;
Летать же и не суйся .

ЛЮБОПЫТНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

Чудо ! вѣрить ли глазамъ ?
Похоже вѣдь на сказки !
Оберонъ ли это впрямъ ,
Иль все — обманъ и маски?

ОРТОДОКСЪ

Хоть красивъ вашъ Оберонъ,
Безхвостый и безрогій ;
Но вѣдь все же чортъ и онъ ,
Какъ древнихъ Грековъ боги .

СѢВЕРНЫЙ ХУДОЖНИКЪ

Кисть слаба теперь моя ,
Таланту нѣтъ и слѣду ;
Но постойте — скоро я
Въ Италію поѣду .

ПУРИСТЪ

Что творятъ ! бѣда моей
Здѣсь головѣ премудрой !
Столько вѣдьмъ , а изо всей
Гурьбы лишъ двѣ подъ пудрой !

МОЛОДАЯ ВѢДЬМА

Пудра въ старости нужна ,
Да тоже и уборы ;
Я и такъ , какъ рождена ,
Привлечь съумѣю взоры .

СТАРАЯ ВѢДЬМА

Съ вами спорить стыдно намъ!
Про старость вздоры врете,
Сами жъ — то-то будетъ срамъ —
И молоды, сгніете.

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ

Ей, комарьи хоботки,
Чуръ въ голыхъ не впиваться!
Ей, лягушки и сверчки,
Чуръ съ такту не сбиваться!

ФЛЮГЕРЪ *съ одной стороны*

Чудо, что за молодежъ:
У дѣвицъ нравъ престрогой;
Юноши жъ — любой хорошъ,
Всякъ обѣщаетъ много.

ФЛЮГЕРЪ *съ другой стороны*

Да, и если ихъ пожрать
Земля не хочетъ вскорѣ,
Прямо въ адъ я убѣжать
Отсель намѣренъ съ горя.

КСЕНІИ [112]

Вотъ и мы, букашекъ рой
Съ преострыми клешнями —
Пусть нашъ батюшка хромой
Любуется здѣсь нами.

ГЕННИНГСЪ *(журналистъ)*

Какъ жужжатъ себѣ! вполнѣ,
Подумаешъ, радушны!
Скоро скажутъ, что онѣ
Отмѣнно добродушны!

МУЗАГЕТЪ *(журналъ)*

Славно! вѣдьмамъ, колдунамъ
Я радъ какъ бы собратамъ:
Ихъ приличнѣе мнѣ, впрямъ,
Чѣмъ Музъ быть меценатомъ.

БЫВШІЙ ГЕНІЙ СВОЕГО ВѢКА

О, средь умныхъ всякъ умнѣй!
Гуляй здѣсь молодецки:
Блоксбергъ, видишъ, не тѣснѣй,
Какъ и Парнассъ нѣмецкій.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ

Кто онъ? хоть и гордъ на видъ,
А все какъ пудель рыщетъ,
Всюду нюхаетъ, глядитъ?
— Онъ Езуитовъ ищетъ. —

ЖУРАВЛЬ

Хоть чиста, хоть нѣтъ, вода —
Я удить рыбъ стараюсь;
Потому-то, господа,
Я и съ чертями знаюсь.

СВѢТСКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ

У ханжей, гдѣ польза есть,
Тамъ щетъ во всемъ короткій —
Даже здѣсь они завесть
Свои съумѣли сходки!

ПЛЯСУНЪ

Слышны бубны вдалекѣ —
Знать гости вновь нагрянутъ?
— Да, то выпи въ тростникѣ
Всѣ ту же нотку тянутъ.

ТАНЦМЕЙСТЕРЪ

Вотъ рѣхнулись! то и знай,
Что пляшутъ, да вертятся!
Толстъ ли, хромъ ли кто — валяй!
Есть чѣмъ полюбоваться!

ВЕСЕЛЬЧАКЪ

Всякъ изъ нихъ всегда готовъ
Разбить другому рыло;
Нынѣчѣ жъ, какъ Орфей скотовъ,
Ихъ скрыпка помирила.

ДОГМАТИКЪ

Ври тамъ критика, а путь
Я къ правдѣ знаю твердо:
Чортъ вѣдь есть же что-нибудь —
Иль не было бы чорта!

ИДЕАЛИСТЪ

Знать фантазія моя
Изволитъ забываться:
Если все, что есть здѣсь — я,
То глупъ же я, признаться!

РЕАЛИСТЪ

Съ этой сволочью мнѣ страхъ
Какъ тяжело ужиться;
Здѣсь, впервые, на ногахъ
Не твердо мнѣ стоится.

СУПЕРНАТУРАЛИСТЪ

Я здѣсь съ радостью брожу,
Хоть Духи здѣсь и злые:
Видя злыхъ, я вывожу,
Что есть, знать, и благіе.

СКЕПТИКЪ

Видятъ пламя и спѣшатъ
За кладомъ — обольщенье!
Я жъ тому отмѣнно радъ:
Гдѣ чортъ, тамъ и сомнѣнье! [113]

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРЪ

Вы, лягушки и сверчки —
Невѣжды-дилеттанты;
Вотъ комарьи хоботки,
Такъ тѣ ужъ музыканты!

ДОСУЖІЕ

Удальцами насъ зовутъ
И дѣльно — мы преловки:
Если ноги не несутъ,
То пляшемъ на головкѣ.

НЕНАХОДЧИВЫЕ

Были, ахъ, и мы ловки;
Теперь же, въ горѣ нашемъ,
Разплясавши башмаки,
Мы босикомъ ужъ пляшемъ.

БЛУДЯЩІЕ ОГНИ

Хоть родились средь болотъ,
И тамъ мы пребываемъ,
Но сюда явившись, вотъ,
Побольше всѣхъ блистаемъ.

ПАДАЮЩАЯ ЗВѢЗДА

По небу промчалась я
Огнемъ во мракѣ ночи;
Гдѣ жъ теперь вся прыть моя?
Привстать съ земли нѣтъ мочи.

ТЯЖЕЛОВѢСНЫЕ

Ей, съ дороги! врозь, вотъ такъ;
А то здѣсь будетъ тѣсно:
Хоть и Духи мы, однакъ
Народъ мы полновѣсный.

ПУККЪ

Вы зачѣмъ сюда, слоны?
Ну, право, это скука!
Нынѣче всѣ здѣсь быть должны
Не полновѣснѣй Пукка.

АРІЕЛЬ

Если духъ съ природой вамъ
Въ крылахъ не отказали,
Мчитесь по моимъ слѣдамъ
Къ цвѣтущей горной дали.

ОРКЕСТРЪ — *pianissimo*

Вотъ, румянится востокъ,
Виднѣй въ туманѣ стало;
Вотъ, повѣялъ вѣтерокъ
И все — какъ небывало.

КОНЕЦЪ ИНТЕРМЕДІИ.

Пасмурный день.

Поле.

ФАУСТЪ, МЕФИСТОФИЛЬ.

ФАУСТЪ

Въ бѣдствіи! въ отчаяніи! Послѣ долгаго, горестнаго по землѣ странствованія, теперь въ темницѣ! Заключена, какъ преступница, на лютыя муки — нещастное, милое созданіе! — И до того дошло! до того! И ты, подлый демонъ-предатель, ты мнѣ ни слова! Приосанивайся теперь, ворочай своими яростными, бѣсовскими очами! Ругайся надо мною нестерпимымъ твоимъ присутствіемъ! Въ заключеніи, въ неусладимой горести! демонамъ-мстителямъ предана и безчувственному суду человѣческому! А меня между тѣмъ ты тѣшишъ пошлостями, умалчиваешъ о возрастающемъ ея горѣ, оставляешъ ее гибнуть безпомощно!

МЕФИСТОФИЛЬ

Она не первая.

ФАУСТЪ

Извергъ! гнусная собака! — О, возврати ему, выспренній Духъ, возврати ему прежній собачій видъ, въ которомъ онъ, бѣгая передо мною, любилъ взгрызаться въ ноги безвинному путнику, или вѣшаться на хребетъ падающаго! Возврати нечестивцу любимый его образъ, чтобъ онъ снова на чревѣ ползалъ во прахѣ, и я бы ногами попиралъ его, отверженнаго! — Не первая! — Горестная, невыносимая для человѣческой души мысль, что больше нежели одно созданіе впадаетъ въ такую глубину бѣдствія, что смертельныя муки первой не искупили вины всѣхъ остальныхъ предъ очами Всепрощающаго! Страданія этой одной мнѣ раздираютъ сердце, а ты, ты равнодушно осклабляешся, видя какъ гибнутъ тысячи!

МЕФИСТОФИЛЬ

Вотъ, мы опять на границѣ ума, тамъ, гдѣ вы, люди, бредить начинаете. Зачѣмъ же было лѣзть къ намъ въ братство, когда оно тебѣ не подъ силу? Хочешъ летать, а подверженъ головокруженію! Мы ли къ тебѣ навязывались, или ты къ намъ?

ФАУСТЪ

Не скалься такъ на меня алчными своими зубами — мнѣ дѣлается тошно! — Великій, возвышенный Духъ, ты, почтившій меня своимъ присутствіемъ, видящій сердце и душу мою! Зачѣмъ при-

ковывать меня къ нечестивцу, который радуется только злу и веселится о гибели?

МЕФИСТОФИЛЬ

Ну, все ли?

ФАУСТЪ

Спаси ее, или горе тебѣ! злѣйшія тебѣ проклятія на несмѣтные вѣки!

МЕФИСТОФИЛЬ

Я не властенъ разорвать мстителевы оковы, раздвинуть его затворы. — Спаси! — А кто довелъ ее до гибели — я или ты?

ФАУСТЪ *бросаетъ вокругъ себя дикіе взгляды*

МЕФИСТОФИЛЬ

Что, перуновъ ищешъ? Хорошо, что не даны они вамъ, жалкимъ смертнымъ! Поражать безвинно-противурѣчущаго есть для тирановъ обыкновенное средство прогонять свою досаду.

ФАУСТЪ

Веди меня къ ней. Освободимъ ее непремѣнно.

МЕФИСТОФИЛЬ

А собственная твоя опасность? На городѣ еще лежитъ кровавое дѣло руки твоей. Духи-мстители носятся надъ могилой падшаго и поджидаютъ убійцу.

ФАУСТЪ

Ты постарался и объ этомъ? гибель цѣлаго міра на тебя, чудовище! Веди меня, говорю тебѣ, и освободи ее.

МЕФИСТОФИЛЬ

Хорошо. Слушай, вотъ все, что могу я сдѣлать —

не всесиленъ же я! Я отуманю чувства тюремщика, а ты бери ключи и спасай ее человѣческою рукою. Я буду на стражѣ, приготовлю волшебныхъ коней, увезу васъ. Въ этомъ я властенъ.

ФАУСТЪ

Скорѣе же!

Ночь. Открытое поле.

ФАУСТЪ *и* ***МЕФИСТОФИЛЬ*** *несутся на воро-ных*ъ *конях*ъ

ФАУСТЪ

Что эти тамъ снуютъ на лобномъ мѣстѣ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Не знаю — видно что нибудь готовятъ.

ФАУСТЪ

Взлетаютъ, слетаютъ, толпятся, кружатся.

МЕФИСТОФИЛЬ

Колдовство!

ФАУСТЪ

Что-то сѣютъ, надъ чѣмъ-то кадятъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Пускай ихъ! ѣдемъ!

Тюрьма.

***ФАУСТЪ**, съ лампадой и съ связкой ключей подходитъ къ желѣзной двери.*

ФАУСТЪ

Меня обьемлетъ страхъ давно незнанный мною;
Врожденной жалости душа, какъ встарь, полна:
Здѣсь страждетъ бѣдная, безгрѣшною мечтою
Въ кровавый грѣхъ вовлечена! [114]
И встрѣча съ ней тебѣ страшна?
Ты руку помощи ей не спѣшишъ простерть?
Не медли: медленность здѣсь — смерть!

берется за замокъ.

ГОЛОСЪ *поетъ, въ тюрьмѣ*

Распутница-мать
Убила меня;
Отецъ-негодяй
Заѣлъ онъ меня.

Сестрица пришла,
Мой оставъ нашла,
Въ могилу меня закопала [145]
И тотчасъ я пташкою стала,
И вотъ, лечу
Куда хочу.

ФАУСТЪ *отпираетъ дверь*

У ней и въ мысляхъ нѣтъ, что другъ такъ близко
къ ней,
Что слышенъ другу звукъ ея цѣпей.

входитъ въ тюрьму.

ГРЕТХЕНЪ *прячется въ постель*

Идутъ! О Боже, смерть страшна!

ФАУСТЪ *тихо*

Тсъ! я здѣсь, я — ты спасена!

ГРЕТХЕНЪ *падаетъ ему въ ноги*

О, если человѣкъ ты, сжалься надо мной!

ФАУСТЪ

Тсъ, не кричи — проснется часовой!

начинаетъ отпирать цѣпи

ГРЕТХЕНЪ *на колѣняхъ*

Кто могъ тебѣ, палачь, такое
Дать право надо мною?
Ты въ полночь ужъ берешъ меня!
Дай мнѣ пожить, дождись хоть дня —
Вѣдь будетъ время и тогда!

встаетъ

Ахъ, я еще такъ молода,
И вотъ, ужъ смерть, могила!...
И хороша была я — красота

Меня и погубила!
Былъ другъ, но онъ теперь далекъ;
Снятъ съ головы, разбросанъ мой вѣнокъ!
О, не хватай меня съ такою силой,
Не будь жестокъ:
Тебѣ я зла не сдѣлала ни мало —
Тебя ни разу даже не видала!

ФАУСТЪ

О скорбь, превыше всѣхъ скорбей! [116]

ГРЕТХЕНЪ

Теперь твоя власть; но постой минутку,
Позволь мнѣ покормить малютку.
Всю ночку нянчилась я съ ней;
Они жъ ее, на зло мнѣ, взяли,
И на меня же смерть ея всклепали —
И не видать ужъ мнѣ веселыхъ дней!
Меня корятъ и пѣснями — какіе
Они, помыслишъ, злые!
Про то есть сказка; но она
Не обо мнѣ же сложена.

ФАУСТЪ *становится на колѣни*

Твой другъ у ногъ твоихъ опять —
Пришелъ съ тебя оковы снять.

ГРЕТХЕНЪ *падаетъ тоже на колѣни*

Такъ, такъ, съ мольбами
Падемъ передъ Богомъ!
Смотри, подъ нами,
Вотъ тамъ, подъ порогомъ,
Адъ кипитъ!

Ужасенъ, гремитъ
Во гнѣвѣ злой духъ!

ФАУСТЪ *громко*

Гретхенъ, Гретхенъ!

ГРЕТХЕНЪ *внимательно*

Ахъ, голосъ друга? гдѣ же, гдѣ мой другъ?

встаетъ; цѣпи упадаютъ.

Онъ звалъ меня! о, я на волѣ!
Меня здѣсь удержать никто не можетъ болѣ!
Да, я его найду,
Къ нему на грудь паду!
Онъ молвилъ: Гретхенъ! онъ здѣсь былъ!
Средь воя адскихъ силъ,
Среди ихъ хохота и гвала
Я голосъ сладостный узнала!

ФАУСТЪ

Я другъ твой!

ГРЕТХЕНЪ

Ты? о, повтори
Мнѣ это слово!

обнимаетъ его

Онъ! онъ! гдѣ муки? гдѣ тюрьма, оковы?
Ты здѣсь? спасешъ меня? смотри,
Я спасена!
Вотъ улица, гдѣ мы впервой
Другъ друга повстрѣчали;
Вотъ садикъ, гдѣ вечернею порой
Тебя мы съ Мартой поджидали!

ФАУСТЪ *ведетъ ее къ дверямъ*

Пойдемъ.

ГРЕТХЕНЪ

Останься! я всегда
Съ тобою остаюсь охотно!

ФАУСТЪ

Когда
Ты хочешъ быть свободна,
Нельзя намъ времени терять.[117]

ГРЕТХЕНЪ

Какъ? ужъ не можешъ и поцѣловать?
Мой другъ! давно ль со мной простился,
А цѣловать ужъ разучился!
Зачѣмъ теперь мнѣ страшно такъ съ тобой?
А прежде взоръ и голосъ твой
Мнѣ были лучше рая,
И ты почти душилъ меня, лаская!
Ну, поцѣлуй же! нѣтъ? такъ вотъ,
Начну сама я!

цьлуетъ его

Но ахъ, уста твои какъ ледъ!
Безгласны!
Куда жъ твой страстный
Дѣвался пылъ?
Кто охладилъ
Тебя ко мнѣ нещастной?

отворачивается отъ него

ФАУСТЪ

Пойдемъ! опомнись! страстно я тебя
Люблю, любить не перестану;
Послушайся жъ меня, любя!

ГРЕТХЕНЪ *всматривается въ него*

И это ты? ты точно? безъ обману?

ФАУСТЪ

Я, я! пойдемъ.

ГРЕТХЕНЪ

Съ меня ты цѣпи снялъ;
Меня все любишъ и ласкаешъ;
Но какъ же ты гнушаться мной не сталъ?
Подумалъ ли ты, другъ, кого освобождаешь?

ФАУСТЪ

Пойдемъ, чтобъ день насъ не засталъ.

ГРЕТХЕНЪ

Я мать родную умертвила,
Малютку утопила!
Мою малютку и твою —
Твою: вѣдь это ты? я все не узнаю!
Дай руку! да, рука похожа;
Но отчего же
Теперь она
Красна?
Сотри съ ней эту влагу!
Кровь! что ты сдѣлалъ? отойди,
Спрячь шпагу!
Мнѣ страшно, спрячь!

ФАУСТЪ

О другъ мой! не буди
Прошедшаго! меня ты убиваешъ!

ГРЕТХЕНЪ

Нѣтъ,
Тебѣ нельзя покинуть свѣтъ!

Я разскажу , какъ закопать
Тебѣ хоть завтра же должно бы
Въ могилу наши гробы :
На лучшемъ мѣстѣ ляжетъ мать ;
Братъ возлѣ ней , а всторонѣ
Мѣстечко дай и мнѣ ,
Но только не далеко ;
Дитя жъ положишъ къ правому мнѣ боку .
Другой не ляжетъ тамъ никто !
Ахъ , льнуть къ тебѣ , мнѣ было
Такъ сладостно , такъ мило !
Но ужъ теперь не то :
Теперь , кажись , тебѣ я опостыла ,
Должна къ тебѣ навязываться силой ,
Хоть все на взглядъ ты добръ и ласковъ !

ФАУСТЪ

Да ?
Идемъ же , не противься болѣ !

ГРЕТХЕНЪ

Куда ?

ФАУСТЪ

На волю !

ГРЕТХЕНЪ

Да , если я тамъ гробъ найду
И смерть — пожалуй , я иду ;
Но только до могилы ,
Не дальше . Ты идешъ , мой милый ?
Ахъ , если бы могла и я пойти !

ФАУСТЪ

Ты можешъ — только захоти .

ГРЕТХЕНЪ

Нѣтъ, не могу — тамъ будетъ хуже.
Что пользы уходить!
Ахъ, горько милостыней жить,
Да и съ нечистой совѣстью ктому же!
Ахъ, горько у чужихъ вымаливать пріютъ!
И чтожъ? меня вездѣ найдутъ!

ФАУСТЪ

Нѣтъ, я съ тобой.

ГРЕТХЕНЪ

Скорѣй, поспѣшай,
Малютку спасай!
Бѣги же! тропой
Все вдоль ручейка,
Почти до лѣска;
А послѣ туда,
Гдѣ въ воды пруда
Вдается доска.
Скорѣе же! вотъ,
Она еще бьется,
Она взнырнетъ,
Она очнется!
Бѣги, торопись!

ФАУСТЪ

Опомнись, будь смѣлѣе!
Одинъ лишъ шагъ, и мы спаслись.

ГРЕТХЕНЪ

Намъ только бъ горку миновать скорѣе!
На камнѣ тамъ старушка-мать сидитъ —
Меня морозъ по кожѣ подираетъ —

На камнѣ мать сидитъ
И головой шатаетъ ;
Не взглянетъ, не мигнетъ; головка тяжела —
Спитъ крѣпко и ужъ ей не встать, не пробудиться :
Уснула, чтобъ могли мы веселиться !
Щастливая тогда пора была !

ФАУСТЪ

Не слушаетъ ни просьбы, ни совѣта,
Такъ силу я употреблю.

хочетъ взять и унести ее

ГРЕТХЕНЪ

Прочь ! нѣтъ, я силы не стерплю !
Не мучь меня ! за то ли это,
Что для тебя на все была готова я ?

ФАУСТЪ

Ужъ близокъ день ! мой другъ, душа моя !

ГРЕТХЕНЪ

День ? да, послѣдній день ! не такъ его ждала я !
Онъ могъ бы быть мнѣ брачнымъ днемъ !
Не сказывай, что ужъ грѣшна я,
А то не быть мнѣ подъ вѣнкомъ !
Но ужъ узнали,
Вѣнокъ сорвали ! . .
Мы встрѣтимся, а знаешъ, гдѣ ? [118]
Толпа тѣснится, отъ народу
Нѣтъ въ городѣ проходу,
А не слыхать ни шороху нигдѣ ;
Звонятъ ; меня схватили —
Связали — голову на плаху положили —

Ужъ шеѣ каждаго грозитъ
Топоръ, моей грозящій шеѣ,
И все вокругъ молчитъ
Могилы нѣмѣе!

ФАУСТЪ

Зачѣмъ родиться присудилъ мнѣ рокъ! — Ужъ.

МЕФИСТОФИЛЬ *появляется у двери*

Скорѣй! не то, такъ вы пропали!
Да ну же, мало ли болтали!
Ужъ кони чуютъ ранній вѣтерокъ.

ГРЕТХЕНЪ *увидя Мефистофиля*

Ахъ, кто встаетъ тамъ изъ земли?
Онъ, онъ! ушли его, ушли!
Зачѣмъ онъ на святомъ здѣсь мѣстѣ?
За мною?

ФАУСТЪ

Нѣтъ, тебя не выдамъ я.

ГРЕТХЕНЪ *на колѣняхъ*

Тебѣ я предаюсь, небесный Судія!

МЕФИСТОФИЛЬ *къ Фаусту*

Идемъ, а то погибнешъ съ нею вмѣстѣ.

ГРЕТХЕНЪ

Спаси, о Боже! я Твоя!
Вы, сонмы Ангеловъ, придите
И защитите!
Ты, Генрихъ, страшенъ мнѣ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Она

Осуждена.

ГОЛОСЪ *свыше*

Нѣтъ, спасена.[419]

МЕФИСТОФИЛЬ *къ Фаусту*

Сюда, за мною!

исчезаетъ[420] *съ Фаустомъ.*

ГОЛОСЪ *изъ тюрьмы, чуть слышно*

Генрихъ, Генрихъ!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

1. Точнѣе: «Попытаюсь ли въ этотъ разъ *удержать* васъ (т: е: дать явственное и прочное очертаніе зыбкимъ образамъ)? Еще ли чувствую въ себѣ прежнюю страсть къ тому?» Гете писалъ это, будучи, кажется, пятидесяти лѣтъ отъ роду. Въ 6-мъ стихѣ 3-й октавы слѣдовало бы сказать, точнѣе: «Самое одобреніе ихъ пугаетъ мое сердце.»

2. Въ подлинникѣ Lustige person (слово въ слово: весельчакъ, забавникъ) — актеръ играющій роли забавныя, заставляющія смѣяться.

3. Ближе: «Угодить толпѣ я желалъ бы весьма, тѣмъ болѣе, что она *живетъ и жить даетъ*.» Leben und leben lassen — очень хорошо на нѣмецкомъ; русскій же буквальный переводъ выразилъ бы мысль и слабо и не ясно.

4. Ближе: «я знаю, какъ задабриваютъ Духа толпы (публики)».

5. Въ подлинникѣ: «предлагается столь же легко, какъ и изобрѣтается». Можетъ быть «предлагается» значитъ здѣсь «пишется»; кажется однако, что авторъ хотѣлъ намекнуть на игру актеровъ.

6. Въ подлинникѣ сперва сказано: «не забудь, что ты долженъ колоть мягкое дерево» — фигура, которую въ переводѣ выразить не удалось и потому она пропущена.

7. Слово въ слово: «пусть рѣшительность тотчасъ же смѣло схватитъ за̀ косу возможное (т: е: дѣло)».

8. Второй прологъ переведенъ съ нѣкоторыми отступленіями и съ пропускомъ нѣсколькихъ стиховъ. Въ подлинникѣ три Чистые Духа поющіе Гимнъ, названы по именамъ; говорящій съ Мефистофилемъ тоже названъ. На русскомъ нѣкоторымъ рѣчамъ дана, по необходимости, иная форма; мысли же пролога сохранены почти вполнѣ — изъ главныхъ не пропущено ни одной.

9. Въ подлинникѣ эта часть Мефистофилевой рѣчи гораздо сильнѣе выражаетъ характеръ чорта, нежели въ переводѣ.

10. Въ точности: «стремясь (т: е: впередъ)» или «домогаясь (т. е. желаемаго)». Въ подлинникѣ это выражено однимъ словомъ «streben».

11. Эта мысль въ переводѣ развита болѣе, нежели въ подлинникѣ, а предъидущая рѣчь Мефистофиля въ подлинникѣ выражаетъ болѣе самоувѣренности.

12. Здѣсь мысль сохранена, но она выражена въ подлинникѣ гораздо забавнѣе.

13. Bin so klug als wie zuvor. Переводя слово въ слово, слѣдовало бы сказать: «*умень* (я, теперь) столькоже, сколько былъ прежде»; но тутъ идетъ рѣчь не объ *умѣ*, а объ *знаніи*, и слово klug значитъ *знающь*. Подобнымъ образомъ говорится: man kann nicht daraus *klug* werden, т: е: это не поясняетъ дѣла, не доставляетъ о дѣлѣ достаточныхъ свѣденій. Словами: «я всё невѣжда» мысль подлинника выражается безъ всякаго измѣненія въ своей сущности; сильно или слабо? это другой вопросъ.

14. Точнѣе: «что могу учить чему-либо дѣльному, служащему къ улучшенію и обращенію человѣка на путь истинный».

15. Точнѣе: «какія-либо таинства».

16. Нострадамусъ жилъ въ XVI вѣкѣ. Книга его пророчаній издана во Франціи, кажется, въ 1565 году.

17. Разумѣется, что слово *дѣянье* поставлено здѣсь въ смыслѣ *дѣяніе*, во избѣжаніе слова *дѣйствіе*, какъ невольно возбуждающаго собою мысль о *причинѣ*.

18. Чье это изрѣченіе, въ подлинникѣ не сказано — вѣроятно Нострадамово.

19. Слово въ слово: «другъ другу подаютъ златыя ведры». Полагаютъ, что фигура эта заимствована отъ извѣстнаго у нѣмцевъ обычая: становиться при тушеніи пожара въ рядъ и посредствомъ передачи другъ другу ведеръ доставлять воду къ горящему зданію.

20. Ближе: «изъ моей сферы долго вбиралъ въ себя пищу».

21. Въ подлинникѣ: «Увы! я не сношу тебя!»

22. Въ точности: «Такъ работаю я за шумнымъ станкомъ времени и тку Божеству живую одежду.»

23. Подъ словомъ «краснорѣчіе» здѣсь разумѣется только искуство красно говорить, произносить рѣчь (vortrag).

24. Латынское изрѣченіе: «искуство *длинно* (требуетъ, для изученія, долгаго времени), жизнь коротка.» На нѣмецкомъ оно переведено слово въ слово.

25. Источниками (Quellen) называются у нѣмецкихъ ученыхъ сочиненія (о какомъ-либо предметѣ) первоначальныя, а не тѣ, которыя составляются изъ другихъ сочиненій, о томъ же писанныхъ прежде. Таковы, относительно Исторіи, лѣтописи.

26. Мысль съ перваго взгляду кажется не совсѣмъ ясною. Слово *страдать* (leiden) должно здѣсь разумѣть въ томъ значеніи, которое ему придается въ грамматикѣ, когда говорит-

ся: залогъ страдательный. Фаустъ хочетъ сказать: ходъ нашей жизни встрѣчаетъ себѣ препоны даже отъ дѣяній, исполняемыхъ по собственной нашей волѣ, не только отъ тѣхъ, которыя совершаются отъ насъ независимо, но имѣютъ на насъ вліяніе. Въ слѣдующихъ потомъ стихахъ мысль эта развита обстоятельнѣе.

27. Слово въ слово: «что́ ты наслѣдовалъ отъ своихъ отцовъ — стяжай то, чтобы обладать имъ. Что́ не служитъ намъ на пользу, то тяжелое бремя; можетъ же служить на пользу только то, что бываетъ порождено мгновеніемъ (настоящимъ)». Мѣсто это переведено — по крайнему разумѣнію. Его можно толковать и иначе.

28. Слово въ слово: «уничижайтесь передъ Тѣмъ, кто свыше помогать учитъ и помощь ниспосылаетъ».

29. Точнѣе: «природу и ея священныя дѣянія онъ съ причудливыми усиліями толковалъ добросовѣстно, но на свой особенный ладъ».

30. Красный левъ, лилія, юная царица — условныя выраженія, которыми алхимики называли различныя вещества.

31. Въ подлинникѣ: «выплыть изъ этого моря заблужденій.»

32. Слово въ слово: «въ поля (въ область) высокихъ предковъ.»

33. Стихъ этотъ — не недосмотръ, а попытка: слить въ одинъ слогъ двѣ короткія гласныя, когда то не противно слуху, то есть прибавить еще нѣкоторыя слитія къ тѣмъ, которыя въ употребленіи теперь, напр: *ей* вмѣсто *ею*, *ью* вмѣсто *ію* и т. п. Входить въ дальнія объ этомъ подробности здѣсь было бы неумѣстно.

34. Въ точности: «насъ влечетъ къ потокамъ жизни, ахъ, къ жизни источнику.»

35. Слѣдующіе 8 стиховъ суть не переводъ, а изложеніе сущности тѣхъ мыслей, которыя въ подлинникѣ, въ 14 стихахъ, выражены нѣсколько пространнѣе и съ большею опредѣлительностію.

36. Соломоновъ ключь — книга, сочиненіе Евреевъ-каббалистовъ.

37. Ближе: «Домоваго (kobold) трудиться, (работать, хлопотать)»; потомъ, въ самомъ заклинаніи: «Неси домашнюю помощь, Incubus». Incubus тоже, что kobold — домовой, Духъ земли, подобно какъ Саламандра — Духъ огня, Ундина — Духъ водъ, а Сильфа — Духъ воздуха.

38. Въ подлинникѣ не «лукавый, злой», а иныя названія, на нѣмецкомъ языкѣ употребительныя.

39. Въ подлинникѣ: «вещество украшаетъ (собою).»

40. Пентаграмма — магическій знакъ, посредствомъ котораго налагаются и снимаются чары.

41. Въ слѣдующей пѣсни Духовъ очерки картинъ сохранены всѣ, съ большею или меньшею точностію, гдѣ какъ удалось; легкость и красоту выраженій передать весьма трудно.

42. Пора намъ ввести въ употребленіе красивое слово *елей* и замѣнить имъ долговязое *деревянное масло*.

43. Точнѣе: «во всякой одеждѣ буду я ощущать мучительную тѣсноту земной жизни».

44. Тутъ въ подлинникѣ повтореніе слова entbehren (нуждаться, обходиться безъ чего нибудь) составляетъ красоту непереводимую.

45. Въ подлинникѣ вмѣсто общихъ выраженій, поставленныхъ въ переводѣ, названы двѣ сестры любви.

46. Слово въ слово: «я не хочу освѣдомляться, извѣстны ли и въ будущемъ любовь и ненависть, и существуютъ ли въ тѣхъ сферахъ (подобно какъ здѣсь) *горе* и *долу*.» Въ подлинникѣ Фаустъ начинаетъ рѣчь свою словами: «о будущемъ я забочусь мало»; они пропущены, какъ заключающіе въ себѣ только повтореніе того, что говорится ниже.

47. Точнѣе: «Тогда закуй меня въ цѣпи». Далѣе еще прибавлено: «тогда ты освобожденъ отъ своей службы».

48. Точнѣе: «обдумай хорошенько, а то мы этого (условія) не забудемъ». Фаустъ же отвѣчаетъ: «Имѣешъ на то полное право! Я не опрометчиво занесся: вѣдь — и пр.»

49. Doctorschmaus — пирушка, которую обязанъ дать ученымъ своимъ сотоварищамъ каждый, получившій докторскую степень.

50. Точнѣе: «свѣтъ, въ потокахъ своихъ, не мчится ли все впередъ?»

51. Въ точности: «Блаженъ, кто чисто носитъ въ груди своей вѣрность (своему слову): онъ не станетъ раскаяваться ни въ какой жертвѣ (принесенной для сдержанія слова)».

52. Точнѣе: «совершенно особенный сокъ.»

53. Слово въ слово: «Подъ непроницаемыми покровами волшебства да будетъ тотчасъ готово всякое чудо (т: е: да творятся чудеса).»

54. У насъ нѣтъ слова соотвѣтственнаго нѣмецкому Taumel, выражающему состояніе человѣка, у котораго кружится въ головѣ, который слоняется, какъ угорѣлый. Фаустъ говоритъ: «я посвящаю себя (т: е: хочу предаться) всему, что насъ оглушаетъ, потрясаетъ, болѣзненнѣйшему наслажденію, влюбленной ненависти, усладительной досадѣ». Далѣе

же: «хочу хватиться за (т: е: обьять) наивысшее и наиглубочайшее (т. е. все, что обьять человѣку возможно.)»

55. Въ точности: «жевалъ эту жесткую пищу». Далѣе пища названа «окислымъ тѣстомъ.»

56. Опять то же латынское изрѣченіе, о которомъ говорится въ прим: 24.

57. Въ точности: «Такого господина желалъ бы увидѣть и я — назвалъ бы его господиномъ микрокозмомъ.»

58. Въ подлинникѣ прибавлено: «къ которому стремятся всѣ мысли.»

59. Точнѣе: «это школяры провозглашаютъ повсюду и пр.»

60. ἐν χερσίν (εἶναι) само по себѣ значитъ: (быть) подъ рукою (т: е: близко); или: (быть) въ схваткѣ, т: е: ручной.

61. Точнѣе: «на все имѣется пышное слово.»

62. Въ подлинникѣ: «что имѣешъ чернымъ на бѣломъ (т: е: чернилами на бумагѣ), то, довольный и несешъ себѣ домой.»

63. Въ подлинникѣ тутъ еще прибавлено: «горе тебѣ, что ты потомокъ!»

64. Въ подлинникѣ здѣсь говорится не о философіи вообще, а объ одномъ особенномъ ея видѣ.

65. Точнѣе: «зло сокрытое.»

66. Это только общій видъ мысли, которая въ подлинникѣ опредѣленнѣе и сильнѣе.

67. Слово въ слово: «Вы изучите большой и малый міръ». Выраженіе это на нѣмецкомъ довольно ясно.

68. Въ точности: «особенно научитесь управляться съ женщинами, то есть всѣ вѣчныя, неисчислимыя ихъ *увы* и *ахъ* исцѣлять всегда на одинъ и тотъ же ладъ».

69. Въ подлинникѣ: «приметесь за всѣ siebensachen (семерныя вещи)» — выраженіе на нѣмецкомъ весьма забавное.

70. Въ подлинникѣ не «превыспренность», а выраженіе болѣе сильное.

71. Въ точности: «мнѣ, длиннобородому.»

72. Въ подлинникѣ Фрошъ говоритъ: «вотъ тебѣ то и другое (т: е: глупость и свинство)», а Брандеръ отвѣчаетъ: «вдвойнѣ свинья». Это составляетъ на нѣмецкомъ игру словъ, впрочемъ незначительную.

73. Точнѣе: «какъ будто любовь въ ней поселилась.»

74. Слово въ слово: «я повытаскаю у нихъ изъ носу червей столь же легко, какъ выдергиваютъ молочный зубъ» — выраженіе на нѣмецкомъ языкѣ весьма употребительное.

75. Въ точности: «народецъ не чуетъ чорта.»

76. «Герръ-Гансъ» говорится, какъ у насъ «Емеля-дурачокъ.» Быть въ Риппахѣ, у Герръ-Ганса въ гостяхъ, значитъ— попасть въ дураки.

77. Пѣсня о блохѣ переведена вольно, съ сохраненіемъ однако основной мысли. При переводѣ точномъ она много бы потеряла по той причинѣ, что слово *блоха* (Floh) на нѣмецкомъ не женскаго, а мужескаго рода, и въ подлинникѣ блохѣ дана роль, приличная только мущинѣ.

78. Въ точности: «какъ пяти сотнямъ свиней.»

79. Точнѣе: «развѣ природа и какой-либо благородный Духъ не изобрѣли какого-нибудь бальзама?»

80. Это, какъ и еще кое-что въ рѣчахъ кошекъ, весьма не ясно. Туманныя выраженія переведены такъ, какъ поняты: нѣкоторыя почти на удачу, всѣ безъ дальнихъ изслѣдованій о переносномъ ихъ смыслѣ.

81. Въ подлинникѣ выраженія сильнѣе.

82. Въ подлинникѣ два такія числа́ поименованы.

83. Елена — т: е: Менелаева жена — значитъ здѣсь символъ красоты.

84. Въ подлинникѣ Фаустъ называетъ Маргариту mein schönes Fräulein (ma belle demoiselle). По русски и «милая барышня» почти не говорится; употребить же выраженія «прекрасная» или «сударыня» или «красавица» невозможно при переводѣ потому, что ими привѣтствуются только женщины такого разряда, къ которому никакъ нельзя причислить Маргариту.

85. Въ подлинникѣ Мефистофиль отвѣчаетъ нѣсколько обстоятельнѣе.

86. Слово въ слово: «ты говоришъ уже почти какъ какой-нибудь французъ.

87. Въ подлинникѣ шкатулка получаетъ иное назначеніе— почему и весь разсказъ о ней долженъ былъ въ переводѣ нѣсколько измѣниться. Въ отвѣтѣ Фауста мысль изъ частной сдѣлана общею.»

88. Въ подлинникѣ: «на вашемъ мѣстѣ я, какъ подобаетъ, провелъ бы годъ въ траурѣ, а между тѣмъ подмѣтилъ бы себѣ новаго дружка». Форма мысли измѣнена потому, что у насъ прошедшія времена глаголовъ имѣютъ для разныхъ родовъ различныя окончанія.

89. Въ подлинникѣ просто: «Гретхенъ скоро будетъ твоею.»

90. Святая простота.

91. Въ подлинникѣ: «стряпать, мести, вязать, шить.»

92. Въ подлинникѣ: «лѣтнія пташки.»

93. Точнѣе: «предъ цѣломудренными вашими ушами нельзя говорить о томъ, безъ чего ваши же цѣломудренныя сердца обойтись не могутъ.»

94. Въ подлинникѣ мысль гораздо рѣзче.

95. И въ подлинникѣ послѣдніе въ куплетѣ два стиха повторяютъ почти совершенно ту же мысль, которая заключается въ двухъ первыхъ.

96. Въ подлинникѣ: «пожатіе руки и, ахъ, поцѣлуй!»

97. Въ подлинникѣ здѣсь помѣщено нѣсколько названій.

98. Стихъ этотъ — почти прибавка. Она допущена потому, что стихъ предъидущій выражаетъ мысль подлинника не довольно сильно.

99. Уличенная въ безпорядочномъ поведеніи дѣвушка должна была приносить покаяніе въ церкви публично, причемъ надѣвалось на нее особенное платье, называвшееся грѣховнымъ (sünderhämdchen). Если такая грѣшница выходила потомъ замужъ, то холостяки имѣли право сорвать съ нея

цвѣточный свадебный вѣнокъ, а дѣвушки — насыпать въ день брака рубленой соломы у воротъ ея дома. Потому то въ послѣдней сцѣнѣ полупомѣшанная Гретхенъ все боится за вѣнокъ свой.

100. Вотъ слово въ слово первые три куплета молитвеннаго монолога. «1, Ахъ, склони, Ты, Многоскорбная, милостиво ликъ свой къ моему бѣдствію! Съ мечемъ въ груди, съ тысячью мученій глядишъ Ты на смерть своего Сына; къ Отцу взираешъ и возсылаешъ вздохи о своемъ и Его (сына) бѣдствіи. — 2. Кто чувствуетъ, какъ свирѣпствуетъ въ костяхъ моихъ мука! Чего бѣдное мое сердце страшится, чѣмъ трепещетъ, чего желаетъ — знаешъ только Ты, Ты одна!—3. Куда бы я ни пошла, какъ тяжко, какъ тяжко, какъ тяжко у меня на груди! А чуть я одна—я плачу, я плачу, я плачу, сердце мое разрывается».—Два одностопные стиха во второмъ куплетѣ и повторенія однихъ и тѣхъ же словъ въ третьемъ составляютъ для переводчика трудности, которыя преодолѣть успѣшно едва ли есть возможность.

101. Въ подлинникѣ: «Она украшеніе своего пола! — и хвалители другихъ умолкали; а теперь» и пр.

102. Въ подлинникѣ: «Послѣ завтра Вальпургская ночь».

103. Содержаніе пѣсни Гете взялъ изъ баллады, которую поетъ Офелія въ Шекспировомъ Гамлетѣ.

104. Въ подлинникѣ выраженіе гораздо рѣзче.

105. Почему мать во снѣ перешла именно «къ долгимъ мукамъ»—въ подлинникѣ не объяснено ни чѣмъ.

106. Въ подлинникѣ: « сосѣдка, вашу стклянночку! (т : е : спирту) . »

107. Въ подлинникѣ Лилитъ названа первою женою первѣйшаго изъ мужей, котораго поставлено и имя. Толкователи говорятъ, что Лилитъ есть лице древняго Еврейскаго преданія, божество Греческое, Арабское, и пр. и пр. ; но что въ Фаустѣ *значитъ* Лилитъ и ея волоса—не растолковано донынѣ.

108. Точнѣе: « какъ въ Пратерѣ . »

109. Ссора и примиреніе Титаніи съ Обероном̀ъ входятъ въ составъ Шекспировой драмы: Midsummernight dream. Гёте изъ Шекспира взялъ только названія четырехъ лицъ (Оберонъ, Титанія, Пуккъ, Аріель); все же говорящееся въ интермедіи есть рядъ епиграмъ, относящихся большею частію къ современности . Многія изъ нихъ теперь утратили не только ѣдкость, но даже самое значеніе .

110. Мидлингъ — директоръ Веймарскаго театра. Режиссеръ обращается не къ актерамъ, а къ прислужникамъ, устанавливающимъ на сценѣ декораціи и всякую утварь .

111. Въ подлинникѣ мысль выражена плохой игрою словъ: golden, золотой; golden (правильнѣе же gulden) — гульденъ (монета).

112. Подъ названіемъ Ксеній издавалось собраніе епиграмъ.

113. Въ подлинникѣ остроту куплета составляетъ мысль: « съ zweifel (сомнѣніе) риѳмуетъ только teufel (чортъ). »

114. Слово въ слово: «Меня объемлетъ давно не испытанный трепетъ, объемлетъ всею силой своею жалость, человѣку врожденная. Здѣсь пребываетъ она (Гретхенъ), за этой влажной стѣною, и ея преступленіе было — добрая мечта (т: е: добрая мечта была причиною преступленія). »

115. Въ подлинникѣ: «Моя маленькая сестрица подняла кости на влажномъ мѣстѣ».

116. Точнѣе: « возмогу ль я перенести эту горесть! »

117. Въ точности: «Спѣши! если ты не поспѣшишъ, то дорого мы за это поплатимся. »

118. Въ подлинникѣ прибавлено: « но не при пляскѣ. »

119. Въ подлинникѣ просто: « спасена. »

120. Слово «исчезаетъ» подало нѣкогда поводъ къ забавному недоразумѣнію: многіе полагали, что Фаустъ отправился съ Мефистофилемъ въ адъ, и потому конецъ Первой Части почитали окончаніемъ всей Трагедіи.

Конецъ примѣчаній.

ИЗЛОЖЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ИЗЛОЖЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Красивое мѣстоположеніе.

***ФАУСТЪ** лежитъ на муравѣ усталый, безпокойный, одолѣваемый дремотою. Смеркается.*

МАЛЮТКИ-ДУХИ НОСЯТСЯ ВЪ ВОЗДУХѢ.

АРІЕЛЬ

Весна разсѣваетъ цвѣты; поля зеленѣютъ дарами небесъ. Мы поспѣшаемъ всюду, гдѣ нужна помощь: добръ ли онъ, золъ ли — одинаково намъ жалокъ нещастливецъ.

Вы, носящіеся надъ симъ смертнымъ, облегчите его сердце, отклоните стрѣлы само-упрековъ, очистите душу отъ пережитой горести. Усыпите его, омойте водою забвенія—и онъ возстанетъ, бодрый и укрѣпленный.

ХОРЪ ДУХОВЪ

Сумерки дышутъ благоуханіемъ. Сомкните вѣжди усталаго, навѣйте покой ему на сердце.

Спустилась ночь. Сверкая, глядятся въ озеро звѣзды; мирно и величаво сіяетъ полная луна.

Часы текутъ. Исчезли радости и горе — ты исцѣленъ; довѣряй новому бытію. Все вокругъ полно жизни и растительности —

Пробудись; въ лучахъ зари почерпни новыя желанія. Не медли, дерзай — все достижимо для смѣло-предпріимчиваго.

повсемѣстный громовой трескъ возвѣщаетъ приближеніе солнца.

АРІЕЛЬ

Въ бурѣ часовъ раждается новый день. Съ скрежетомъ грянули врозь скалистыя врата; торжественно звуча, течетъ Фебова колесница. Что за громогласные раскаты! Сокройтесь отъ оглушающаго треска.

Духи прячутся въ цвѣты и подъ скалы.

ФАУСТЪ *пробуждается*

Свѣжо и живо бьются пульсы жизни, привѣтствуя грядущую денницу. Ты, земля, и послѣ этой ночи дышешъ съ обновленными силами; ты поселяешъ во мнѣ бодрость, воздвигаешъ мощную рѣшительность стремиться впередъ, къ наивысшему существованію. — Сумракъ рѣдѣетъ; лѣсъ звучитъ тысячегласной жизнію; туманами одѣты долы; но и къ нимъ нисходитъ свѣтъ — въ благоухающей глубинѣ ихъ возникаютъ, явственно рисуются вѣтви и листья, пробужденные, блестящіе жемчужной росою: прекрасна, какъ рай, возстаетъ изъ мрака окрестность.

А въ вышинѣ? Главы горъ возвѣщаютъ торжественный часъ — онѣ ранѣе насъ наслаждаются свѣтомъ! Сіяніе сходитъ отъ вершинъ ниже и ниже;

вотъ, солнце! . . . и, увы, ослѣпленный, уже отвращаю я отъ него заболѣвшіе глаза свои!

Таково исполненіе великой надежды, достигнутое жарчайшими нашими желаніями! Дверь отверста; изъ вѣчныхъ хранилищъ въ нее врывается громада пламени; мы изумляемся, хочемъ зажечь факелъ жизни — и вкругъ насъ огненное море! Любовь ли то, вражда ли — все радость и горе столь мощны, что для защиты отъ нихъ опять мы ищемъ на землѣ какого-либо покрова.

Отвращусь же отъ солнца! Полюбуюсь этимъ водопадомъ: прядая съ скалы на скалу, онъ разливается тысячами потоковъ; высоко взвиваются брызги, разсѣвая окрестъ благовонную влагу; въ зыбкомъ ихъ облакѣ играетъ цвѣтистая радуга, то неопредѣленно, то явственно и ярко. Вотъ подобіе человѣческой суетливости! Помысли и поймешъ, что эта воздушная игра красокъ изображаетъ жизнь нашу.

Дворецъ нѣмецкаго Кайзера.

Собраніе двора. Мефистофиль врывается во дворецъ почти насильно и становится на мѣстѣ придворнаго шута, появившагося по причинѣ внезапной болѣзни.

Спрашивается: что за необходимость томить себя дѣлами въ дни карнавала, когда люди веселятся, забывая всѣ заботы? Въ отвѣтъ на это разныя лица разсказываютъ о затруднительности обстоятельствъ, о требованіи наемными войсками уплаты по договору, о всеобщемъ безденежьи. Мефистофиль говоритъ: горю пособить можно! въ землѣ лежитъ множество сокровищъ: въ смутныя времена переселенія народовъ всякъ старался укрыть свое достояніе, зарывалъ въ безопасныя мѣста все цѣнное и негніющее. И все это покоится безъ употребленія, все, какъ самая земля, есть собственность общественная. Не вѣрите? спросите у астролога! — и Мефистофиль тихо подсказываетъ, а астрологъ громко произноситъ рѣчь о солнцѣ и планетахъ, о вліяніи ихъ на землю и отношеніи къ драгоцѣннымъ металламъ. — Странно, замѣчаетъ одинъ изъ присутствующихъ: слышу слова его вдвойнѣ, а не убѣждаюсь ими нисколько! — Другіе изъявляютъ неудовольствіе. — Что, восклицаетъ Мефистофиль, удивляетесь? почитаете это колдовствомъ? не всѣ ли вы ощущаете таинственное дѣйствіе силъ природы? знайте: на мѣстѣ, гдѣ всякъ какъ будто самъ не свой, гдѣ у всякаго какъ будто ходитъ что-то по жиламъ —ройте тамъ, тамъ найдете кладъ! — При этой выходкѣ бѣса въ толпѣ раздается шопотъ: у меня отяжелѣли ноги — судороги въ рукѣ — зудитъ палецъ — болитъ спина — судя по этимъ признакамъ видно, что здѣсь кладамъ числа нѣтъ! — Указывай же мѣста, говорятъ Мефистофилю! — Найдемъ отвѣчаетъ онъ:

мало ли драгоцѣнностей вырываютъ изъ земли, пахая, земледѣльцы! только надобно будетъ поразрушить старинные погреба, поразбить стѣны и своды — тамъ сыщется всякая всячина. — Работу хотятъ начать тотчасъ же; но астрологъ, опять по подсказу Мефистофиля, совѣтуетъ сперва къ тому, какъ слѣдуетъ, приготовиться. Собраніе расходится, въ ожиданіи, вечеромъ, карнавальнаго маскарада. Мефистофиль, оставшись одинъ, говоритъ:

Непостижимо для такихъ головъ,
Что щастіе всегда съ заслугой дружно!
Положимъ, найденъ камень мудрецовъ;
Что жъ? мудрецовъ искать для камня нужно [2]!

Дворецъ.

Обширная, богатоубранная зала, къ которой примыкаютъ многія другія комнаты.

Маскарадъ [3]

ГЕРОЛЬДЪ

Не думайте, что у насъ, въ нѣмецкой сторонѣ, водятся привидѣнія или совершаются какія либо чары;

это, просто, увеселеніе, заведенное здѣсь по римскому обычаю: всякъ наряжается во что хочетъ, шутитъ и дурачится, какъ умѣетъ. И весь свѣтъ вѣдь есть не что, иное, какъ одинъ большой шутъ!

ЦВѢТОЧНИЦЫ *поютъ*

Цвѣты наши поддѣльны, но за то они не блекнутъ; при томъ же все искуственное женщинамъ прилично и сродно.

ГЕРОЛЬДЪ

Покажите-ка корзинки; пусть всякъ выбираетъ себѣ любое.

ЦВѢТОЧНИЦЫ

И находитъ значеніе того, что выбралъ.

ОЛИВКОВАЯ ВѢТВЬ

Я символъ мира и потому — лучшее изъ украшеній.

ВѢНОКЪ ИЗЪ КОЛОСЬЕВЪ

Я даръ Цереры. Украшаетъ наиболѣе — полезное.

НЕРАСПУСТИВШІЯСЯ РОЗЫ

Мы еще подъ покровомъ, какъ прекрасная надежда. Щастливъ, для кого разцвѣтетъ она!

САДОВНИКИ *съ плодами*

Цвѣты услаждаютъ зрѣніе; плоды льстятъ вкусу. Берите, кому что угодно.

МАТЬ *къ своей дочери*

Любовалась я тобой, малюткой; радовалась, воображая, какъ ты взрастешъ, сдѣлаешся супругою. До сихъ поръ попытки были неудачны; постарайся хоть теперь, въ маскарадѣ, заловить кого-либо въ мужья себѣ!

приходятъ рыбаки и птицеловы, затѣваются разныя игры.

ДРОВОСѢКИ

Груба и тяжела наша работа! Утѣшаемся въ томъ, зная, что многіе позамерзли бы въ зимній холодъ, если бъ мы надъ нею не потѣли.

ПУЛЬЧИНЕЛЬ

Намъ на свѣтѣ лучше; мы дурачимся, вьемся между народомъ и ни о чѣмъ не заботимся.

ПАРАЗИТЫ

Дровосѣки и угольщики — преполезные люди: ихъ трудами питается на кухнѣ огонь, варится кушанье; а мы пируемъ за столомъ у милостивцевъ.

ПЬЯНИЦА

Вотъ жизнь, вотъ раздолье! пью, пою и горя мнѣ нѣтъ! Худо ли дома, кричитъ ли жена — я веселъ, пока въ долгъ пить даютъ: пляшу, пока ноги носятъ, а тамъ лягу да и лежу себѣ!

Герольдъ возвѣщаетъ разныхъ поэтовъ — пѣвцовъ природы, двора, рыцарства; нѣжныхъ и ентузіастовъ. Каждый изъ нихъ хочетъ говорить первый и мѣшаетъ другимъ; удается сказать нѣсколько словъ только сатирику.

САТИРИКЪ

Знаете, когда бы я, какъ поэтъ, порадовался? когда бы могъ пѣть и говорить то, чего никто слушать не хочетъ.

Пѣвцы ночи и могилъ извиняются тѣмъ, что заняты презанимательною

бесѣдой съ недавно вышедшимъ изъ земли вампиромъ, а это можетъ образовать новый родъ поэзіи. Герольдъ увольняетъ ихъ отъ рѣчи и вызываетъ греческую миѳологію. [4]

ГРАЦІИ

Всему придаемъ мы прелесть — и даянію благотворителя и радости облагодѣтельствованнаго и чувствамъ его благодарности.

ПАРКИ: ПЕРВАЯ

Я пряду; забочусь, чтобы нить была гибка и тонка. Будьте осторожны, а то порвется.

ВТОРАЯ

Ножницы поручены мнѣ, потому что старшая сестра наша ошибалась, рѣзала нити нужныя, оставляла безполезныя. Но и я надѣлала промаховъ! сегодня ножницы спрятаны въ чехолъ: веселитесь, пока ихъ не вынутъ оттуда.

ТРЕТЬЯ

Я распоряжаю работой, привожу нити въ порядокъ. Оплошай я — все перепутается!

ГЕРОЛЬДЪ

Этихъ, что идутъ теперь, никто не узнаетъ по наружности: хотя молоды и прекрасны, но онѣ фуріи, и не таятся въ томъ! Нынѣче каждый глупецъ почитаетъ за долгъ хвастать своими недостатками.

АЛЕКТО

Однакожъ намъ вѣрятъ! Въ женихѣ и невѣстѣ клеветою поселяемъ мы взаимную ревность; чета ссорит-

ся; а если потомъ и примирится, то отъ ссоры все же что нибудь да останется.

МЕГЕРА

А послѣ брака? Человѣкъ всегда недоволенъ своимъ, ищетъ новаго; пользуясь этой слабостью, я поселяю между четой тысячи неудовольствій и тѣмъ отравляю ея щастіе.

ТИЗИФОНА

Я же искусно отклоняю примиреніе, ожесточаю вражду, вопію о мести, готовлю ядъ и кинжалъ въ наказаніе за измѣну.

ГЕРОЛЬДЪ

Съ дороги! видите, какъ нѣкая гора приближается длиннозубая, змѣиновласая, исполинская голова! На затылкѣ возницею сидитъ женщина; другая, крылатая, въ пышномъ сіяніи, стоитъ на темѣ; еще двѣ, привязанныя къ головѣ цѣпями, идутъ по сторонамъ— первая боязненно, вторая весело. Пусть каждая говоритъ, кто она.

БОЯЗНЬ

Прочь вы, смѣющіяся личины! подъ вами скрываются злые умыслы и измѣна! И я не могу бѣжать! должна, прикованная, мучиться безпрерывными опасеніями!

НАДЕЖДА

Здравствуйте, милыя сестры! люблю я видѣть васъ и переодѣтыхъ, а когда откроете лице, сколько найду въ васъ привѣтливости и пріязни! Ожиданія мои не напрасны — есть же гдѣ нибудь щастіе!

БЛАГОРАЗУМІЕ

Я держу на цѣпи двухъ первѣйшихъ враговъ человѣчества, боязнь и надежду; я управляю ходомъ живаго колосса, на вершинѣ котораго сіяетъ Побѣда, богиня, готовая наградить всякую дѣятельность.

ЗОИЛО-ТЕРСИТЪ

Уфъ! противны мнѣ всѣ, особенно же Побѣда! Она гордится крыльями, почитаетъ себя владыкою всего; но гдѣ совершается что-либо достославное, тамъ готова и хула моя — все очерню, потѣшусь отлично!

ГЕРОЛЬДЪ

А, негодяй! вотъ мы тебя жезломъ нашимъ: что, съежился въ комокъ? Но вотъ чудо! комокъ превращается въ яйцо, распадается, порождаетъ — ехидну и нетопыря!

ТОЛПА *шопотомъ*

Никакъ тамъ, подалѣе, затѣялась пляска? Что намъ за охота здѣсь пугаться да смотрѣть на гадости — пойдемъ!

ГЕРОЛЬДЪ

Что это? не понимаю! Везомая крылатой четверней, движется среди толпы колесница; по ней мелькаютъ огоньки, какъ отъ волшебнаго фонаря. Престранно! Посторонитесь:

МАЛЬЧИКЪ-ВОЗНИЦА

Стой. Вотъ, уже стеклось множество зрителей. Мы — аллегоріи; твое дѣло, герольдъ, объяснять насъ.

ГЕРОЛЬДЪ

Назвать не съумѣю; могу только описывать.

ВОЗНИЦА

Такъ описывай.

ГЕРОЛЬДЪ

Ты хорошъ собой и хотя еще очень молодъ, однако жъ женщины не откажутся почесть тебя за взрослаго.

ВОЗНИЦА

Хорошо; далѣе.

ГЕРОЛЬДЪ

Черноглазый, черноволосый, ты разряженъ почти какъ дѣвушка, но кажется, что уже можешъ преподавать дѣвушкамъ азбуку.

ВОЗНИЦА

А этотъ, красующійся на колесницѣ такъ великолѣпно?

ГЕРОЛЬДЪ

Онъ имѣетъ видъ нѣкоего владыки, почитающаго за величайшую радость — разсыпать вокругъ себя дары.

ВОЗНИЦА

Далѣе!

ГЕРОЛЬДЪ

Цвѣтущій здоровьемъ и красотой, онъ внушаетъ уваженіе ликомъ и осанкой.

ВОЗНИЦА

Это Плутусъ, богъ богатства, гость, желанный повсюду.

ГЕРОЛЬДЪ

А ты?

ВОЗНИЦА

Я Расточительность, Поэзія; я поетъ, который совершенствуется, расточая богатства своего духа. Я не бѣднѣе Плутуса и дополняю дары его.

ГЕРОЛЬДЪ

На примѣръ?

ВОЗНИЦА *щелкаетъ пальцами*

А вотъ, щелкну — и во всѣ стороны летятъ перлы, золото, дорогіе камни; иногда же и огоньки, если нужно поджечь что нибудь.

ГЕРОЛЬДЪ

Дѣйствительно летятъ! и какъ жадно ловитъ ихъ толпа! и у всякаго пойманное исчезаетъ въ рукахъ! потѣха!

ВОЗНИЦА

Проникнуть значеніе замысловатаго — не Герольдово дѣло!

къ Плутусу

Къ тебѣ обращаюсь, повелитель! Скажи: не я ли управляю колесницей по твоей волѣ, тебѣ во лаву? не моею ли рукой пожаты лавры, украшающіе чело твое?

ПЛУТУСЪ

Да, ты духъ моего духа. Ты богаче меня: лавръ цѣню я выше всѣхъ сокровищъ.

ВОЗНИЦА

Смотрите, вотъ лучшій изъ даровъ моихъ: на головѣ нѣкоторыхъ изъ васъ носится огонекъ, пере-

летая отъ одного къ другому. У немногихъ остается онъ; у наибольшей части потухаетъ скоро.

ЖЕНЩИНЫ

Этотъ, на колесницѣ, вѣрно — шарлатанъ! А за нимъ что за тощій чудакъ! вотъ высохъ — ущипнешъ, такъ не почувствуетъ!

ТОЩІЙ

Да, конечно, я вамъ не по сердцу! когда женщины бережливо занимались хозяйствомъ, мое имя было — Скупость; теперь же, когда хозяйки умѣютъ только расточать да беззаботно накоплять долги, теперь я мущина и называюсь Скряжничествомъ.

ЖЕНЩИНЫ

Уродъ! хочетъ противу насъ подстрекнуть мущинъ, съ которыми и то уже трудно ладить! Что онъ задумалъ! Ну-ка, разомъ всѣ, хорошенько его!

ГЕРОЛЬДЪ

Эй, что вы? Но вотъ, драконы расправляютъ крылья, грозятъ пастью — толпа ужъ разбѣжалась! Величественно сходитъ Плутусъ съ колесницы, усмиряетъ драконовъ; у ногъ его ставятъ ящикъ наполненный драгоцѣнностями.

ПЛУТУСЪ *къ возницѣ*

Теперь, освобожденный отъ безпокойнаго груза, лети въ свою сферу, въ область добраго и изящнаго, въ уединеніе.

ВОЗНИЦА

Гдѣ ты, тамъ изобиліе; гдѣ я, тамъ самодовольствіе. И многіе колеблются между мной и тобою! Твои послѣдователи наслаждаются праздностію; мои находятъ

пріятность въ трудѣ. Прощай; когда нужно будетъ, шепни — и я явлюсь къ тебѣ.

ПЛУТУСЪ

Теперь вскройся, неистощимый ящикъ; разсыпайтесь, сокровища!

ТОЛПА

Что за бездна драгоцѣнностей, камней, золота! берите, хватайте! да залучить бы намъ къ себѣ и самый ящикъ!

ГЕРОЛЬДЪ

Полно, глупцы вы! вѣдь это маскарадъ, шутка! Да разгони ихъ, пріятель-Плутусъ!

ПЛУТУСЪ

Дай-ка мнѣ жезлъ свой; я окуну его въ огонь. Теперь берегитесь; сожгу, кто станетъ тѣсниться!

ТОЛПА

Бѣда — жжетъ, терзаетъ! спасайтесь!

ПЛУТУСЪ

А, разбѣжались! чтобъ не нагрянули опять, мы очертимся невидимымъ кругомъ.

СКРЯЖНИЧЕСТВО

Теперь, когда стало просторнѣе, можно кое кого и поразсмотрѣть; женщины же всегда впереди. Поволочиться я охотникъ, а особенно даромъ. Но издали слова не слышны; стану выражаться знаками, да чтобъ то было еще яснѣе, примусь выдѣлывать фигуры изъ золота — оно вѣдь во все превращается удобно.

ГЕРОЛЬДЪ

Каковъ шутъ! лѣпитъ что-то изъ золота, какъ

изъ глины — женщины вскрикиваютъ и отворачиваются. Лучше прогонимъ его!

ПЛУТУСЪ

Скоро и самъ уйдетъ—нужда сильнѣе всякаго закона.

ГОЛОСА

Шумно валитъ огромная толпа, сопровождая великаго Пана. Ей извѣстно, чего никто не знаетъ.

ПЛУТУСЪ

Знаю я толпу и великаго Пана; знаю и кое что, извѣстное не всякому. Отворю кругъ. Теперь прошу пожаловать!

ФАВНЫ

Широколицы, курносы, остроухи и курчавы, мы однакожъ нравимся женщинамъ и живемъ превесело.

САТИРЪ

Беззаботно, какъ серна, прыгаю я на козлиныхъ своихъ ножкахъ по горамъ, презираю долины и ихъ вялыхъ жителей.

ГНОМЫ

Какъ свѣтящіеся муравьи толпимся мы, малютки, въ одеждѣ изъ мху, съ лампадкою въ рукѣ. Наше дѣло — добывать изъ рудниковъ металлы на пользу человѣку; наша ли вина, что онъ употребляетъ ихъ на вредъ себѣ?

ВЕЛИКАНЫ

Съ сосной въ рукахъ вмѣсто трости, грозно идемъ мы въ величественной наготѣ — гвардія, какой нѣтъ даже у папы!

НИМФЫ *окружающія Пана*

Вотъ, идетъ онъ, великій Панъ, представитель общно-

сти всего міра! И все радостно повинуется ему, доброму среди величія! Онъ смежитъ вѣжди — и ничто не шелохнетъ; онъ возгласитъ — и у всякаго дрогнетъ сердце. Честь и слава мощному повелителю!

НѢКОТОРЫЕ ИЗЪ ГНОМОВЪ *къ Пану*

Великая находка! открытъ новый, дивный источникъ, обѣщающій несмѣтныя богатства. Прими его подъ власть свою: всякое сокровище, раздаваемое твоею рукою, служитъ міру на пользу.

ПЛУТУСЪ *къ Герольду*

Покоримся необходимости — чему быть, того не минуешь! А будетъ тутъ нѣчто неслыханное, неимовѣрное. Смотри!

ГЕРОЛЬДЪ

Гномы ведутъ Пана къ колодцу; жерло колодца то изрыгаетъ огонь, то вдругъ потухаетъ, то снова клокочетъ пламенемъ. Панъ изумляется; вотъ, онъ наклонился, чтобы разсмотрѣть чудо яснѣе; ахъ! въ колодецъ падаетъ Панова борода, вылетаетъ оттуда обратно объятая пламенемъ, зажигаетъ платье! Толпа суетится, тушитъ — пламя распространяется на всѣхъ! крики, тревога! Пожаръ, пожаръ повсюду! Вотъ вамъ и увеселеніе! Но кто бы такой былъ одѣтъ Паномъ? видно лице значительное. [5]

ПЛУТУСЪ

Теперь довольно всѣ понапуганы — пора подумать о помощи. Ударь по землѣ жезломъ. Воздухъ, напитайся влагою! Разразитесь дождемъ, облака! — Вотъ, ужъ огонь усмиряется; все потухло.

Садъ при Дворцѣ.

Дворъ; ФАУСТЪ и МЕФИСТОФИЛЬ — оба одѣты прилично и со вкусомъ.

Фаустъ и Мефистофиль сознаются, что вчерашняя огненная потѣха въ маскарадѣ была ихъ дѣломъ, и получаютъ благодарность за пріятную выдумку. Тутъ же открывается, что въ деньгахъ надобности, покаместъ, не предстоитъ, что противъ этого принята мѣра, а именно: для обращенія въ народѣ выдаются записки, по которымъ уплата будетъ дѣлаться по мѣрѣ добыванія изъ земли кладовъ — чѣмъ и предполагается заняться немедленно. Такимъ образомъ дѣло оканчивается къ общему всѣхъ удовольствію. [6]

Темная Галерея.

ФАУСТЪ и МЕФИСТОФИЛЬ

МЕФИСТОФИЛЬ

Ну, что тамъ?

ФАУСТЪ

Ты увертываешся, а ко мнѣ пристаютъ: Кайзеръ непремѣнно хочетъ видѣть Париса и Елену, образцовыхъ мущину и женщину. Похлопочи объ этомъ теперь же — мнѣ нельзя не сдержать слова.

МЕФИСТОФИЛЬ

Ты думаешъ, дѣло легко! Это потруднѣе, нежели устроить маскарадъ или выдумать записки!

ФАУСТЪ

Старая пѣсня! отговариваешся, а поворчавши согласишся!

МЕФИСТОФИЛЬ

Да герои-то и героини древніе совсѣмъ не по моей части — они въ своемъ особенномъ аду. Впрочемъ средство есть.

ФАУСТЪ

Говори же, какое. [7]

МЕФИСТОФИЛЬ

Неохотно открываю я высшія таинства. Слушай: одиноко, въ ничемъ не населенной пустотѣ, тамъ, гдѣ нѣтъ ни мѣста ни времени, пребываютъ богини, о которыхъ и говорить боязно; это — Родительницы.

ФАУСТЪ *въ ужасѣ*

Родительницы!

МЕФИСТОФИЛЬ

Что, испугался?

ФАУСТЪ

Родительницы? странно!

МЕФИСТОФИЛЬ

И очень: богини, невѣдомыя вамъ, смертнымъ, не-

охотно именуемыя нами. Въ ихъ обитель долженъ ты проникнуть — иначе нельзя.

ФАУСТЪ

Какими путями?

МЕФИСТОФИЛЬ

Нѣтъ путей къ никѣмъ недостигнутому, недостижимому ни для кого, никакими мольбами! Не препятствія тамъ встрѣтишъ — будешъ поглощенъ безпредѣльностію. Имѣешъ ли ты понятіе о совершенномъ всего отсутствіи, о совершенной пустотѣ?

ФАУСТЪ

Сказки! это похоже на давнишнее, на кухню вѣдьмы! Не долженъ ли я былъ, живучи въ свѣтѣ, учиться и учить пустому? не долженъ ли былъ бѣжать отъ свѣта въ пустыню, и наконецъ предаться чорту, чтобы не быть совсѣмъ безъ всякаго общества?

МЕФИСТОФИЛЬ

Въ пустыню! заберись хоть на самую средину океана, все будешъ видѣть волны, небо — видѣть что нибудь; тамъ же, въ вѣчно-пустой дали, не узришъ ничего, не услышишъ шаговъ своихъ, не найдешъ на что опереться.

ФАУСТЪ

Морочишъ, пріятель! за дѣломъ, стало быть за *чѣмъ-то*, посылаешъ туда, гдѣ, говоришъ, нѣтъ *ничего*! Согласись, что ты просто хочешъ чужими руками жаръ загребать! Пожалуй, я готовъ пуститься въ твое *ничто*, потому, что въ немъ надѣюсь *все* найти.

МЕФИСТОФИЛЬ

Тебя, видно, не обманешь! на, вотъ тебѣ ключь.

ФАУСТЪ

Какой маленькой! Но вотъ, онъ растетъ, блеститъ, сверкаетъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Слѣдуй, куда поведетъ онъ — дойдешь прямо до Родительницъ.

ФАУСТЪ

Родительницы! странное слово! отъ чего оно всякой разъ такъ потрясаетъ меня?

МЕФИСТОФИЛЬ

Человѣкъ, ты, кажется, бывалый, а все хочешь слышать только слышанное прежде, тревожишся отъ новаго слова!

ФАУСТЪ

И радъ, что могу тревожиться: способность чувствовать есть лучшая часть человѣка.

МЕФИСТОФИЛЬ

Ступай же, опускайся! я могъ бы сказать: возносись! тутъ это все равно. Мчись изъ области всего порожденнаго въ безграничное пространство, къ давно уже неимѣющемуся. Крѣпче держи ключь.

ФАУСТЪ

Держу и ощущаю въ себѣ новыя силы.

МЕФИСТОФИЛЬ

Когда очутишся въ наибольшей глубинѣ, найдешъ раскаленный треножникъ; при мерцаніи его увидишъ Родительницъ: однѣ сидятъ, другія стоятъ или ходятъ, какъ случится — это безпрерывное видоизмѣненіе,

вѣчное дѣяніе вѣчной причины. Окруженныя образами всего созданнаго, онѣ созерцаютъ только призраковъ, тебя же не увидятъ. Тогда — помни, что опасность велика—собери всю свою бодрость, прикоснись къ треножнику ключемъ.

***ФАУСТЪ** становится въ повелительномъ положеніи.*

Да, вотъ такъ! Треножникъ прилѣпится къ ключу, пойдетъ за тобою; прежде, чѣмъ родительницы то замѣтятъ, ты будешъ съ нимъ здѣсь; а владѣя здѣсь имъ, вызовешъ изъ ночи Париса и Елену. На такое дѣло не отваживался еще никто — ты совершишъ его первый.

ФАУСТЪ

Съ чего же мнѣ начать?

МЕФИСТОФИЛЬ

Топни ногой — погрузишся; опять топни — взлетишъ обратно.

Фаустъ топаетъ ногою и проваливается сквозь землю.

Удалось бы только! — Желательно знать, возвратится ли то онъ!

Ярко освѣщенныя залы.

Дворъ; ***МЕФИСТОФИЛЬ.***

ПРИДВОРНЫЙ

Что жъ, представленіе?

МЕФИСТОФИЛЬ

Товарищь мой его устраиваетъ.

къ Мефистофилю тѣснятся разныя лица съ вопросами.

БѢЛОКУРАЯ ДАМА

Не знаете ли лекарства отъ веснушекъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Потритесь взваромъ изъ лягушечьяго клёку. [8]

ЧЕРНОВОЛОСАЯ

Я приморозила ногу — танцую и даже хожу съ трудомъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Исцѣлитесь, только позвольте пожать ножку.

наступаетъ ей на ногу; дама вскрикиваетъ и убѣгаетъ, жалуясь на сильную боль.

ДРУГАЯ ДАМА

Я въ горѣ; нѣкто вчера на меня только и глядѣлъ, а сегодня совсѣмъ не смотритъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Прикоснитесь къ нему вотъ этимъ уголькомъ, а потомъ уголекъ проглотите, да ничемъ не закусывайте — будете любимы по прежнему.

ПАЖЪ

Я влюбленъ, а меня почитаютъ ребенкомъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Влюбитесь въ пожилую.

къ Мефистофилю тѣснятся еще болѣе.

Еще! охъ, бѣда! Отпустите, Родительницы, Фауста!

Полутемная зала, убранная въ рыцарскомъ вкусѣ.

Дворъ; ***МЕФИСТОФИЛЬ.***

ГЕРОЛЬДЪ

Зрители собрались и усѣлись. Гдѣ же обѣщанные Духи? ждемъ ихъ.

АСТРОЛОГЪ

Магически разступается стѣна: открывается театръ. Я выхожу на просценіумъ.

МЕФИСТОФИЛЬ *выглядываетъ изъ суфлерской будки*

Подшептывать — дѣло чортово.

къ астрологу

Ты, разгадывающій звѣзды, вѣрно и меня понять съумѣешъ.

АСТРОЛОГЪ

Смотрите — храмъ въ древнемъ вкусѣ, съ колоннами!

АРХИТЕКТОРЪ

Тяжелъ! то ли дѣло тонкіе столбы, да острые своды!

АСТРОЛОГЪ

Да будетъ разсудокъ связанъ волшебнымъ словомъ! то, что вы увидите, есть созданіе необузданной фантазіи: оно невозможно и потому-то достойно вѣроятія.

ФАУСТЪ возникаетъ изъ подъ земли на другой сторонѣ просценіума.

АСТРОЛОГЪ

Въ жреческой одеждѣ возстаетъ изъ подъ земли искусникъ, и съ нимъ дымящійся треножникъ.

ФАУСТЪ *торжественно*

Во имя ваше Родительницы, владычествующія въ безпредѣльности, вѣчно-одинако и однакожъ общественно! Окрестъ васъ образы жизни, движущіеся, но безжизненные — все, единожды произшедшее, непреходящее, въ полной красотѣ своего вида. И вы, могучія, одно посылаете подъ наметъ дня, къ жизни, другое же храните подъ сводомъ ночи — и только Магія можетъ показать его взору. [9]

АСТРОЛОГЪ

Онъ дотрогивается до треножника ключемъ; поднимается темное, волнующееся облако, раздаются пріят-

ные звуки. Вотъ, мгла рѣдѣетъ: изъ ней выходитъ юноша — это Парисъ.

ДАМЫ *одна за другою* [10]

Прелестенъ! — Свѣжъ какъ персикъ! — Что за уста! — Сложенъ хорошо, но не довольно нѣжно! — И могъ бы быть поразвязнѣе.

РЫЦАРЬ

Сразу видно, что пастухъ: надѣнь-ка на него латы!

ДАМА И ПРИДВОРНЫЙ *попеременно*

Садится, склоняется головой на руку. — Весьма невѣжливо. — Предполагается, что онъ здѣсь одинъ. — Все не хорошо. — Засыпаетъ. — Захрапѣлъ: какъ это прилично!

МОЛОДАЯ ДАМА

Что за усладительный запахъ разливается въ воздухѣ!

ПОЖИЛАЯ

Восхитительный! это отъ него!

СТАРУШКА

Да, благоуханіе разцвѣтающей юности!

входитъ на сцену **ЕЛЕНА**.

МЕФИСТОФИЛЬ

Такъ вотъ она? хороша, но не по моему вкусу.

АСТРОЛОГЪ

Прелестная идетъ — я нѣмѣю!

ФАУСТЪ

Глазами ли я только смотрю, или потокъ красоты разлился въ самой глубинѣ души моей? какъ ничтоженъ былъ для меня міръ! теперь только, со времени моего жречества, сталъ онъ прочнымъ, надежнымъ, желаннымъ! О, образъ, видѣнный мною нѣкогда

въ волшебномъ зеркалѣ и меня щастливившій — онъ только тѣнь твоя! тебѣ посвящаю я всѣ силы, всѣ наклонности, всю любовь, неодолимую страсть души моей, и да изсякнетъ во мнѣ дыханіе, если къ тебѣ я охладѣю!"

МЕФИСТОФИЛЬ *изъ будки*

Что ты? совсѣмъ выходишъ изъ своей роли!

ДАМЫ *одна за другою*

Стройна, но голова мала не по росту. — А что за неуклюжая нога! — Подходитъ къ спящему. — Какъ, въ сравненіи съ нимъ, безобразна!

ПОЭТЪ

Дивная озаряетъ его своею красотою; наклоняется къ нему — поцѣлуй! о щастливецъ!

ПОЖИЛАЯ ДАМА

Сумасшедшая — передъ всѣми!

ФАУСТЪ

Онъ за эту роковую ласку . . .

МЕФИСТОФИЛЬ

Да полно, не мѣшай!

ПРИДВОРНЫЙ И ДАМА *попеременно*

Она отходитъ, онъ пробуждается. — Оглянулась, ну такъ и есть! — Онъ въ изумленіи. — А она ни мало. — Она возвращается. — Хочетъ, кажется, просвѣтить его! въ такихъ случаяхъ всякой мущина глупъ, думаетъ, что онъ первый! — Какъ ею не плѣниться! — Видно, что бывалая! —

УЧЕНЫЙ

Да точно ли это она? постой! Написано — а писаному я вѣрю больше, чѣмъ глазамъ своимъ: Еленою

прельщались всѣ троянскіе старики . Мнѣ она нравится , и я нѣ молодъ — слѣдственно должно быть, что это она .

АСТРОЛОГЪ

Смотрите : не какъ юноша , какъ герой обнимаетъ онъ ее , поднимаетъ мощною рукою ! не похитить ли хочетъ ?

ФАУСТЪ

Дерзновенный ! ни съ мѣста !

АСТРОЛОГЪ

Да , драма эта , видно — Похищеніе Елены .

ФАУСТЪ

Похищеніе ! А я развѣ не здѣсь ? развѣ не владѣю ключемъ , вынесшимъ меня изъ пустоты , сюда , на твердую землю , къ существенности ! отсюда духъ человѣка можетъ бороться съ Духами , стяжать владычество въ областяхъ ихъ ! Не я ли призвалъ ее ? я ее и спасу , и вдвойнѣ будетъ она моею ! Рѣшено ! Вы попустите Родительницы ! вы должны попустить это ! узнавши ее , безъ ней жить не возможно . [12]

АСТРОЛОГЪ

Что онъ ? хватаетъ ее , прикасается къ юношѣ ключемъ — ахъ !

сильный взрывъ . Привидѣнія исчезаютъ ;
Фаустъ падаетъ безъ чувствъ .

МЕФИСТОФИЛЬ *поднимаетъ Фауста*

Вотъ те на ! нѣтъ , съ дуракомъ связаться и чорту накладно !

мракъ и смятеніе .

КОНЕЦЪ 1-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Фаустова университетская готическая комнатка, совершенно въ прежнемъ ея видѣ.

МЕФИСТОФИЛЬ *выходитъ изъ за предпостельнаго занавѣса, за которымъ виденъ* ***ФАУСТЪ****, въ безчувствіи лежащій на кровати.*

МЕФИСТОФИЛЬ

Лежи, бѣдняжка! попался ты! кого оморочитъ Елена, не скоро тотъ возвратится къ разсудку!

озирается.

Здѣсь все по старому. Немножко темнѣе, кажется, стали оконныя стекла; побольше накопилось паутины; бумага пожелтѣла, высохли чернила; но ни что не тронуто съ мѣста: вотъ и перо, которымъ Фаустъ подписалъ со мною условія; да, и въ перѣ капелька засохшей крови — дорогая для антикварія рѣдкость! Вотъ и шуба, въ которую одѣтый поучалъ я школьника! пережеваны ли то мои уроки? — Надѣну ее опять, еще разъ прикинусь профессоромъ.

снимаетъ со стѣны и встряхиваетъ шубу;

изъ нея высыпается множество насѣкомыхъ разнаго вида.

НАСѢКОМЫЯ

Здорово, благодѣтель! видишь какъ, заведенныя тобою, мы здѣсь размножились!

МЕФИСТОФИЛЬ

Здорово, плодовитое племя! Да сколько васъ! правду говорятъ, что сѣющій и пожнетъ со временемъ! Ну, расходитесь, поселяйтесь въ ученой утвари — въ ней вамъ и мѣсто!

надѣваетъ шубу

Вотъ опять я здѣсь хозяинъ! но что въ томъ? Кто признаетъ меня за хозяина?

потрясаетъ колокольчикомъ; раздается пронзительный звонъ, отъ котораго вздрагиваютъ стѣны и растворяются двери.

ФАМУЛУСЪ *идетъ по корридору*

Что за страшный звукъ! все вздрогнуло, засверкали окна, распахнулись запертыя двери! А здѣсь — о ужасъ—закутанъ въ Фаустову шубу, сидитъ какой-то великанъ — зоветъ меня —

МЕФИСТОФИЛЬ *манитъ его рукою*

Подойдите. Вы — Никодемусъ?

ФАМУЛУСЪ

Такъ точно, высокопочтеннѣйшій; радуюсь, что меня знать изволите.

МЕФИСТОФИЛЬ

Знаю: состарѣлись, а все еще студентъ! чтожъ? и ученый человѣкъ продолжаетъ учиться, поелику безъ того уже обойтись не можетъ: никто вѣдь вполнѣ не

достроивалъ своего карточнаго домика! Бываютъ однако мужи особенные, какъ напримѣръ пресловутый Вагнеръ, глава ученаго міра, оракулъ жаждущихъ всезнанія: онъ, свѣтило мудрости, затмилъ собою всѣхъ, даже самаго Фауста.

ФАМУЛУСЪ

Осмѣлюсь замѣтить, что онъ о томъ и не думаетъ, а все, какъ отрады, ждетъ возвращенія великаго человѣка, исчезнувшаго такъ непостижимо. И въ комнатѣ учителя не велѣлъ ничего трогать. Странно, что теперь отворились двери.

МЕФИСТОФИЛЬ

Какъ бы съ нимъ увидѣться?

ФАМУЛУСЪ

Трудно — престрого запретилъ входить къ себѣ; по цѣлымъ мѣсяцамъ сидитъ запершись въ лабораторіи, занятый великимъ дѣломъ: сталъ черенъ какъ трубочистъ, да и глаза-то отъ огня какъ покраснѣли!

МЕФИСТОФИЛЬ

Меня приметъ — я облегчу успѣхъ его работы.

Фамулусъ уходитъ. Мефистофиль садится

А, вотъ еще знакомый — этотъ другаго разбора.

БАКАЛАВРЪ *бѣжитъ по корридору*

Двери отперты — авось наконецъ здѣсь провѣтрится! и пора! все обветшало до крайности, того и гляди, что рухнется. — Ахъ, сюда нѣкогда пришелъ я, робкій мальчикъ, съ полнымъ довѣріемъ къ ученымъ; здѣсь они перевирали мнѣ то, что знали сами, чему сами не вѣрили.—Что вижу? сидитъ въ креслахъ тотъ, къ которому я обратился первому и въ той же шубѣ,

какъ тогда сидѣлъ! но теперь онъ меня не оморочитъ! — узнаёте ли, милостивецъ, прежняго вашего ученика? Вы, какъ вижу, не перемѣнились ни мало, а я — я сталъ совершенно другимъ человѣкомъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Я и тогда умѣлъ цѣнить васъ, предвидѣлъ въ гусеницѣ будущую бабочку. Теперь вы возмужали, глядите молодцомъ.

БАККАЛАВРЪ

Почтеннѣйшій! мѣсто здѣсь прежнее, но времена перемѣнились! теперь избавьте себя отъ труда, а меня отъ туманныхъ вашихъ изрѣченій.

МЕФИСТОФИЛЬ

Молокососы не любятъ слышать чистую истину; потомъ же, узнавши кое-что на щетъ собственной кожи, полагаютъ, что надѣлали открытій сами и кричатъ: учитель былъ дуракъ!

БАККАЛАВРЪ

А можетъ быть и плутъ! кто изъ наставниковъ говоритъ истину прямо, не искажая ее прибавками и убавками?

МЕФИСТОФИЛЬ

На все есть время. Вы учились; теперь, ставши опытнымъ, сами учить можете.

БАККАЛАВРЪ

Опытность? вздоръ! сознайтесь: что̀ мы знаемъ, того знать не сто́итъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Я подозрѣвалъ это издавна; теперь же вижу, что я, просто, глупецъ: искалъ сокровищъ, а находилъ уголья.

БАККАЛАВРЪ

Право? какъ я радъ: въ первый разъ изъ устъ старика слышу разумное слово!

МЕФИСТОФИЛЬ *ласково*

Вамъ не замѣтно, что отвѣтъ вашъ есть — грубость?

БАККАЛАВРЪ

Лжетъ тотъ, кто по-нѣмецки выражается учтиво!

МЕФИСТОФИЛЬ *къ партеру*

Тяжело мнѣ здѣсь! между вами вѣрно было бы лучше.

БАККАЛАВРЪ

Старики хотятъ жить, отживши свое время. Кровь есть пружина жизни; потому-то одна только молодежъ, съ своей кипящей кровію, дѣйствуетъ и производитъ; а старики что? болтаютъ да бредятъ, какъ въ лихорадкѣ! кому за тридцать лѣтъ, того лучше бы тотчасъ же въ могилу!

МЕФИСТОФИЛЬ

Чортъ на это совершенно согласенъ.

БАККАЛАВРЪ

Чортъ есть, пока я того хочу; а не захочу, такъ и нѣтъ чорта.

МЕФИСТОФИЛЬ *всторону*

Постой, подшутитъ онъ надъ тобою!

БАККАЛАВРЪ

Да, таково высокое призваніе юности! не моя ли мысль создаетъ міръ, выводитъ на небосклонъ свѣтила? и подъ стопами моими процвѣтаетъ земля, и я, руководимый внутреннимъ свѣтомъ, самодоволенъ и щастливъ.

уходитъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Чудакъ! какъ бы онъ огорчился узнавши, что какая ни порождается въ человѣкѣ мысль — все равно, умна ли она или глупа—всякая уже и другимъ, прежде его, приходила въ голову! но и онъ перемѣнится съ годами: перебродится сусло—будетъ вино!

къ младшимъ изъ зрителей, которые не аплодируютъ

Васъ это не шевелитъ? не пеняю вамъ; прошу однако замѣтить вотъ что: чортъ старъ; поймете его . . . когда состарѣетесь сами! [14]

Лабораторія, загроможденная многосложными и неуклюжими аппаратами, во вкусѣ среднихъ вѣковъ.

ВАГНЕРЪ *у печки*

Звучитъ колоколъ, потрясаются своды — настаетъ конецъ неизвѣстности и ожиданіямъ. Въ ретортѣ мерцаетъ свѣтъ, все ярче, все бѣлѣе! О, удалось бы хоть теперь! О Боже! кто тамъ?

МЕФИСТОФИЛЬ *входитъ*

Свой. Здорово!

ВАГНЕРЪ *боязливо*

Здорово—пожаловали въ самую пору; но прошу васъ, тише, осторожнѣе — совершается великое дѣло, производится человѣкъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Э!

ВАГНЕРЪ

Не по старому — это отнынѣ предоставляется неразумнымъ животнымъ; человѣкъ же будетъ имѣть чистѣйшее, благороднѣйшее начало.

смотритъ въ печь

Свѣтится! Да, теперь позволено надѣяться, что посредствомъ смѣшенія веществъ — въ смѣшеніи-то вся и хитрость — возможно образовать вещество, составляющее человѣка.

опять смотритъ

Свѣтлѣй и свѣтлѣе! совершается! Разгадано дѣяніе природы! что она образуетъ, то у насъ производитъ кристаллизація.

МЕФИСТОФИЛЬ

Для многоопытнаго не ново ничто: кристаллизированныхъ людей уже видалъ я!

ВАГНЕРЪ *все смотритъ на реторту*

Бродитъ, сверкаетъ! Вмигъ все будетъ кончено: докажется, что порядочный мыслитель и произвесть мыслителя можетъ!

въ восторгѣ

Реторта звучитъ! тускнѣетъ! свѣтлѣетъ опять! совершилось: въ ней барахтается красивенькій человѣчекъ! Побѣда! чего же болѣе? таинство проникнуто! Чу, звуки! слова!

ГОМУНКУЛЪ *въ ретортѣ, къ Вагнеру*

А, Батюшка, здоровъ ли? обними меня, только осторожнѣе, а то стекло разобьешъ, будетъ бѣда:

естественное едва вмѣщается въ цѣломъ мірѣ; искуственное требуетъ пространства ограниченнаго.

къ Мефистофилю

И ты здѣсь, сродничекъ? весьма кстати. Существуя, я хочу и дѣйствовать, предпринять что нибудь — помоги мнѣ.

ВАГНЕРЪ

Постой! ко мнѣ пристаютъ съ множествомъ вопросовъ, а я стыжусь, не знаю, что отвѣчать! скажи хоть напримѣръ: какимъ образомъ душа и тѣло находятся и въ столь тѣсномъ между собою соединеніи, и въ безпрерывномъ раздорѣ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Спросимъ лучше, отъ чего жены не ладятъ съ мужьями! Задача это трудная, есть надъ чѣмъ похлопотать, а малютка того-то и хочетъ.

ГОМУНКУЛЪ

Надъ чѣмъ хлопотать?

МЕФИСТОФИЛЬ *указываетъ на боковую дверь, которая тутъ же отворяется — виденъ Фаустъ, лежащій въ безчувствіи.*

А вотъ надъ чѣмъ!

реторта улетаетъ изъ рукъ Вагнера и носится надъ Фаустомъ, освѣщая его.

ГОМУНКУЛЪ *съ удивленіемъ*

Презамѣчательно! прекрасно! рощи, свѣтлыя воды, купающіяся Нимфы! одна изъ нихъ кажется передъ всѣми царицею, богиней? — Тревога! всѣ разбѣжались; только она спокойно и привѣтливо смотритъ

на подплывшаго и ласкающагося къ ней стройнаго лебедя! И вотъ, все подернулось облакомъ! [15]

МЕФИСТОФИЛЬ

Краснобай! разсказываетъ чудеса, а я не вижу ничего.

ГОМУНКУЛЪ

И не можешь видѣть сѣверными своими глазами, привыкшими къ сумраку. Здѣсь, напримѣръ, что за унылая канура! Если этотъ

указываетъ на Фауста

пробудится здѣсь, нагрѣзившись о купаньи и лебедяхъ, то съ тоски умретъ. Всякъ долженъ быть на своемъ мѣстѣ. Знаешъ? теперь, я припоминаю, настаетъ классическій шабашъ — туда его!

МЕФИСТОФИЛЬ

О классическомъ я еще не слыхивалъ.

ГОМУНКУЛЪ

Конечно — ты романтикъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Гдѣ же онъ бываетъ?

ГОМУНКУЛЪ

У подошвы Фарсала, на берегахъ Пенея.

МЕФИСТОФИЛЬ

Охъ, Грецiя! нестерпимо мнѣ скучны эти крошечныя монархiи и республики! то и дѣла, что дерутся, а спроси: за что? сами не знаютъ.

ГОМУНКУЛЪ

Людей вѣдь не передѣлаешъ! Но тутъ вопросъ: какъ исцѣлить вотъ этого. Если умѣешъ, попробуй ты, а не то, предоставь мнѣ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Попробовать бы можно; но лучше обратиться къ Грекамъ: у нихъ какъ-то игривѣе фантазія, хотя самый народъ никогда не былъ чѣмъ-либо порядочнымъ. И такъ?

ГОМУНКУЛЪ

Пустимся къ Ѳессалійскимъ вѣдьмамъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Пожалуй. Я ищу ихъ давно; не желалъ бы быть съ ними долго, а повидаться не худо.

ГОМУНКУЛЪ

Раскидывай же свой плащь-самолетъ, бери пріятеля. Летимъ — я стану свѣтить.

ВАГНЕРЪ *печально*

А я?

ГОМУНКУЛЪ

У тебя есть дома дѣла важнѣйшія. Разбирай хартіи, да предписаннымъ порядкомъ прилаживай одно къ другому жизненныя начала, обдумывая каждое *что*, особенно же каждое *какъ*. А я между тѣмъ порыскаю по свѣту—авось открою что нибудь дѣльное. Прощай.

ВАГНЕРЪ *еще печальнѣе*

Прощай. Грустно! Предчувствую, что мы уже болѣе не увидимся.

МЕФИСТОФИЛЬ *къ Гомункулу*

Ну, отправляемся — ты впереди, я за тобою. —

къ зрителямъ

Всякъ, извольте видѣть, попадаетъ наконецъ въ зависимость къ своей твари.

Классическій шабашъ.

Фарсальское поле. Мракъ.

ЕРИХТОНА

На празденство страшной сей ночи прихожу и нынѣ я, мрачная, но не столь отвратительная, какъ меня изображаютъ поэты, незнающіе мѣры ни въ хвалѣ, ни въ порицаніи. — Вижу: долина бѣлѣется отъ ставокъ воинскаго стана — это призракъ грознаго событія, великой борьбы, въ которой сильный одолѣлъ противуставшую ему силу, завоевалъ владычество. Подобныя брани возобновлялись часто, будутъ возобновляться вѣчно: человѣкъ всегда почитаетъ себя способнымъ управлять другими, хотя и надъ собою властвовать не умѣетъ.

Сіяніе сторожевыхъ огней отражается въ пролитой крови. Привлеченные красотою ночи, слетаются легіоны Еллинскихъ преданій, миѳическіе древніе образы. Восходитъ луна — исчезъ призракъ стана, потускли огни.

Но что за вещественный метеоръ несется сюда? я чую жизнь! Удалюсь — близость моя къ чему-либо живому вредна ему и безполезна самой мнѣ.

уходитъ.

ГОМУНКУЛЪ *въ высотѣ*

Облетимъ поле еще разъ. —

МЕФИСТОФИЛЬ *тоже*

И здѣсь призраки не красивѣе, чѣмъ на сѣверѣ.

ГОМУНКУЛЪ

Опусти-ка на землю твоего витязя. Онъ все хочетъ жить въ сказочномъ мірѣ, стало быть здѣсь очнется мигомъ.

ФАУСТЪ *коснувшись земли*

Гдѣ она?

ГОМУНКУЛЪ

Не знаемъ, пораспросимъ здѣсь. Поищи и самъ между огоньками: кто побывалъ у Родительницъ, тотъ всюду идти можетъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

И я помогу. Пойдемъ каждый въ иную сторону, а когда надобно будетъ сойтиться, ты позвонишъ.

расходятся.

ФАУСТЪ *одинъ*

Гдѣ она? Здѣсь! здѣсь Грецiя, ея отечество! я почувствовалъ это, какъ скоро къ землѣ прикоснулся! Иду искать ее.

уходитъ.

МЕФИСТОФИЛЬ *озираясь*

Странно и ново для меня: многiе крылаты, всѣ больше чѣмъ полунаги! И вѣдьмы наши не строги въ приличiяхъ; но этихъ все бы попрiодѣть не мѣшало. Стану знакомиться. Здравствуйте! Какъ поживаете? [16]

МУРАВЬИ КОЛОССАЛЬНАГО РОСТУ

Мы накопили много золота, а Аримаспы насъ ограбили.

ГРИФЫ

Мы заставимъ ихъ возвратить добычу.

АРИМАСПЫ

Не теперь, а развѣ послѣ.

МЕФИСТОФИЛЬ *садится около сфинксовъ*

О, да я и языкъ ихъ понимаю!

СФИНКСЪ *къ Мефистофилю*

Какъ тебя зовутъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Различно. У англичанъ—они, всемірные путешественники, вѣроятно и здѣсь найдутся — являлся я въ старинныхъ драмахъ подъ именемъ: old iniquity; почему, самъ не знаю.

СФИНКСЪ

Ты знаешъ толкъ въ звѣздахъ?

МЕФИСТОФИЛЬ

Что къ нимъ взбираться! мнѣ и здѣсь хорошо. Задай мнѣ загадку, я стану разгадывать.

СФИНКСЪ

Разгадай самъ себя! «Потребный и доброму человѣку и злому, на помощь обоимъ, Зевсу на потѣху!»

ГРИФЫ *сердито*

Этотъ не изъ нашихъ! не хотимъ его здѣсь!

МЕФИСТОФИЛЬ

Ссориться? Да и у меня есть когти!

СФИНКСЪ *ласково*

Зачѣмъ ссориться! здѣсь не по тебѣ—и самъ не захочешъ долго оставаться.

Сирены запѣваютъ въ вѣтвяхъ деревьевъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Это что за пѣвчія птицы?

СИРЕНЫ

Оставь этихъ чудовищъ, насъ послушай! Среди насъ не вражда и зависть, а лучшія изъ радостей.

СФИНКСЪ

А ястребиныя когти ваши?

МЕФИСТОФИЛЬ

Голоса хороши, но сердца моего не трогаютъ.

СФИНКСЪ

Сердце, у тебя? развѣ съежившійся кожаный мѣшокъ!

ФАУСТЪ *подходитъ, озирается, указываетъ на сфинксовъ, сиренъ, муравьевъ и грифовъ.*

Сколько возбуждается мыслей! Объ Едипѣ, Улиссѣ, завѣтномъ сокровищѣ, его стражахъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Все занимательно тамъ, гдѣ есть надежда найти любимую женщину.

ФАУСТЪ *къ сфинксамъ*

Не видалъ ли кто изъ васъ Елены?

СФИНКСЫ

Нѣтъ — мы гораздо древнѣе ея. Спроси у Хирона, если съумѣешъ остановить его, рыщущаго въ эту ночь безпрерывно.

СИРЕНЫ

Побудь съ нами — поговоримъ объ Улиссѣ.

СФИНКСЪ

Не слушай ихъ, ищи Хирона.

Фаустъ уходитъ.

МЕФИСТОФИЛЬ *съ досадою*

Что это свищетъ, мелькая въ воздухѣ?

СФИНКСЪ

Быстрокрылыя Стимфалиды.

МЕФИСТОФИЛЬ *какъ бы въ страхѣ*

И шипитъ что-то!

СФИНКСЪ

Отсѣченныя головы Лернайскаго змія. Но что ты такъ безпокойно озираешся? А, увидѣлъ Ламій! милы, не правда ли? Позабавься съ ними, а мы посидимъ здѣсь, какъ сидѣли уже не одно тысящелѣтіе.

Мефистофиль уходитъ.

Пеней, окруженный нимфами.

ПЕНЕЙ

Что-то прервало сонъ мой. Нашепчите на меня снова дремоту, тростники, аеръ и осока!

ФАУСТЪ *подходя къ рѣкѣ*

Слышу въ рощахъ человѣческій голосъ? какъ будто говоритъ рѣка!

НИМФЫ *къ Фаусту*

Лягъ, отдохни! мы усыпимъ тебя.

ФАУСТЪ

Сонъ ли это? воспоминаніе ли? Среди зелени плещутъ свѣтлыя воды; купается толпа юныхъ дѣвъ; онѣ тревожатся — прелестная картина! Но взоръ мой стремится подъ сѣнь нависшихъ вѣтвей — не тамъ ли скрывается царица? — Вотъ, плыветъ стая лебедей; красивѣйшій изъ нихъ удаляется подъ сѣнь; другіе преслѣдуютъ испуганныхъ нимфъ — [17]

НИМФЫ

Чу, конскій топотъ!

ФАУСТЪ

Отъ него дрожитъ земля! Ахъ, на бѣломъ конѣ мчится всадникъ! нѣтъ, не всадникъ: это онъ, сынъ Филиры, Хиронъ! — остановись!

ХИРОНЪ *(кентавръ—полу-человѣкъ, полуконь)*

Не могу.

ФАУСТЪ

Такъ возьми меня съ собою.

ХИРОНЪ

Садись. Если хочешъ, перевезу черезъ рѣку

ФАУСТЪ *садится на Хирона*

Благодарю тебя, великій наставникъ героевъ поэтическаго міра!

ХИРОНЪ

Да, слушаются они наставленій!

ФАУСТЪ

Великій врачь —

ХИРОНЪ

Врачество мое перешло къ знахарямъ.

ФАУСТЪ

Скроменъ, какъ истинно-великій человѣкъ.

ХИРОНЪ

Умѣешъ льстить!

ФАУСТЪ

Ты видалъ всѣхъ героевъ своего времени; скажи: кого изъ нихъ всѣмъ другимъ предпочитаешъ?

ХИРОНЪ

Каждый имѣетъ свои особенныя достоинства; но не было подобнаго Геркулесу.

ФАУСТЪ

А изъ женщинъ — которая всѣхъ прекраснѣе?

ХИРОНЪ

Женская красота сама по себѣ не значитъ ничего: только прелестью выраженія она плѣнительна и всепобѣждающа. Такова была Елена, когда ее везъ я, какъ тебя везу.

ФАУСТЪ

О восторгъ! здѣсь сидѣла она! Ахъ, скажи, откуда везъ, куда?

ХИРОНЪ

Увозилъ къ Діоскурамъ отъ разбойниковъ, черезъ Елевзійскія болота. Какъ восхитительна была она, когда благодарила меня, соскочивши на землю!

ФАУСТЪ

И только семи лѣтъ отъ роду!

ХИРОНЪ

Филологическія бредни! Поэты, говоря о героиняхъ, всегда перепутываютъ время.

ФАУСТЪ

Она независима отъ законовъ времени! Нашелъ же ее Ахиллесъ, внѣ всякихъ временъ, на зло судьбѣ! Найду нынѣ и я, вѣчноюную! къ ней стремятся всѣ мои желанія; безъ ней жить не могу.

ХИРОНЪ

По человѣчески говоря, ты влюбленъ; по нашему же — рѣхнулся. Хорошо, что я долженъ заѣхать къ Манто, Ескулаповой дочери: попрошу ее исцѣлить тебя.

ФАУСТЪ

Не хочу я исцѣленія! исцѣленіе постыдно!—Гдѣ мы?

ХИРОНЪ

Гдѣ Римъ боролся съ Греціей — между Пенеемъ и Олимпомъ. Вотъ и храмъ.

МАНТО *дремавшая въ храмѣ, пробуждается*

Топотъ! — здравствуй! ты все рыщешь?

ХИРОНЪ

А ты все сидишь дома?

МАНТО

Это кто?

ХИРОНЪ

Сумазбродъ: хочетъ овладѣть Еленой. Полечи его.

МАНТО

Люблю, кто желаетъ невозможнаго!

Хиронъ между тѣмъ ускакалъ

Ну, причудливая голова: пойдемъ подъ Олимпъ, къ Перзефоніи.

уходятъ въ подземелье.

Берега Пенея, какъ прежде.

СИРЕНЫ

Погрузимся въ волны, станемъ плавать и плескаться — безъ воды нѣтъ удовольствія. — Но ахъ! трепещетъ земля, воды воздымаются, бѣгутъ вспять, бушуютъ! спасайтесь, уходите отсюда въ пріютъ спокойный, на берегъ моря!

СИЗМО̀СЪ *(землетрясеніе) ворочаясь подъ землею*

Еще усиліе, и я на поверхности!

СФИНКСЫ

Что за смятеніе! Дрожитъ и поднимается земля! — видно опять въ глубинѣ работаетъ старецъ, на плечахъ своихъ нѣкогда выдвинувшій изъ моря островъ Делосъ! Вотъ, онъ появляется, поднялся до половины тѣла — такъ и останется.

СИЗМОСЪ

Много придалъ я красоты и разнообразія земной поверхности, воздвигнувъ горы, сѣдалища боговъ; бросалъ нѣкогда, играя съ титанами, Оссу и Пеліонъ, какъ легкіе мячи; теперь образую новую гору. Населите ее.

СФИНКСЫ

Удивительно! гора только что возникла и уже, какъ древняя, одѣта лѣсомъ и полями!

МУРАВЬИ

И въ ущеліяхъ блеститъ золото! живо, принимайтесь за работу — добудемъ, очистимъ золото!

ГРИФЫ

Добывайте, мы станемъ стеречь сокровище.

ПИГМЕИ

И мы здѣсь! сами не зная, откуда взялись, мы поселяемся въ новоустроившихся пріютахъ: гдѣ есть ущеліе, тамъ и жить можно.

ДАКТИЛИ

Вотъ и мы: при малыхъ всегда найдутся меньшіе.

СТАРШІЕ ИЗЪ ПИГМЕЕВЪ

Начинайте! устроивайте кузницы, куйте оружіе. Муравьи, добывайте металлы; а вы, Дактили, приготовляйте уголье.

ГЕНЕРАЛИССИМУСЪ ПИГМЕЕВЪ

Вооружайтесь! видите: тамъ, у пруда, стая цапель — бейте ихъ, всѣхъ до единой!

ИВИКОВЫ ЖУРАВЛИ *летятъ*

Крики убійцъ, стоны умирающихъ! Бѣдныя цапли, гибнутъ, погибли, перебиты — не спаслась ни одна! И перья ихъ уже развѣваются на шлемахъ хищниковъ! мщеніе, мщеніе нечестивымъ!

разлетаются.

МЕФИСТОФИЛЬ *на равнинѣ*

Въ этой сторонкѣ не то, что на Блоксбергѣ! тамъ все какъ было, такъ и есть; а здѣсь не успѣлъ оглянуться, какъ ужъ изъ земли выскочила на равнину гора — перелѣзай теперь черезъ нее, чтобы опять попасть къ сфинксамъ! А, кое гдѣ свѣтятся

огоньки; вотъ, пляшетъ толпа красавицъ — не надо упускать находки.

ЛАМІИ *манятъ къ себѣ Мефистофиля*

Убѣгайте, сестры, заманивайте за собой хромоногаго! пусть поплатится за старые грѣхи.

МЕФИСТОФИЛЬ *останавливается*

Глупо! старость видно вправду не придаетъ ума: я обманывался тысячу разъ, а какъ есть случай, то опять готовъ обмануться! Однакожъ не попробовать нельзя! не будь вѣдьмъ — кой чортъ захотѣлъ бы быть чортомъ!

ЛАМІИ

Онъ одумывается; стойте, маните его.

ЕМПУСА *тѣснясь къ Ламіямъ*

Примите и меня!

ЛАМІИ

Не надо ея — вѣчно намъ мѣшаетъ!

ЕМПУСА *къ Мефистофилю*

Здорово, сродничекъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Раздолье! Куда ни покажись, вездѣ родня!

ЕМПУСА

Я ношу на себѣ разныя головы; сегодня, въ честь тебѣ, надѣла ослиную.

МЕФИСТОФИЛЬ

Не желалъ бы такой чести!

ЛАМІИ

Оставь ее! ненавистница всего, что кажется прекраснымъ, она безобразитъ все своимъ присутствіемъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Подозрительны и вы! Глядишь — красивы, а каковы то въ сущности?

ЛАМІИ

Испытай, лови любую. — А, ловить! ну, сбрасывайте маски!

МЕФИСТОФИЛЬ *ловитъ Ламій; каждая въ рукахъ его превращается въ урода.*

Вотъ эта получше всѣхъ — ай, рожа! — Ну, эта — уродъ! — А эта — чудовище! Ну, еще одну, послѣднюю — брр . . . гаже всѣхъ!

ЛАМІИ *бросаются на Мефистофиля*

Хорошенько его, вѣдьмина сына!

МЕФИСТОФИЛЬ *отряхается*

По дѣломъ мнѣ — пора быть умнѣе! Заблужденіе подчасъ пріятно, но здѣсь оно ужъ слишкомъ кратковременно.

блуждая между камней и скалъ

Гдѣ я? былъ на равнинѣ, а тутъ камни да крутизны! Какъ бы попасть къ сфинксамъ? кто бъ подумалъ, что здѣсь на шабашъ приносятъ съ собою свой Блоксбергъ!

ОРЕЙ *изъ скалы*

Всходи сюда. Неизмѣнно стою я издревле, послѣдній отрогъ Пинда; сосѣдка же, гора-призракъ, какъ появилась, такъ и исчезнетъ скоро.

МЕФИСТОФИЛЬ

Хвала и честь тебѣ, маститый старецъ! Постой, что

тамъ въ кустахъ свѣтится? А, Гомункулъ! откуда, пріятель?

ГОМУНКУЛЪ

Все рыскаю. Я желалъ бы родиться на свѣтъ вполнѣ; но выйти изъ реторты, послѣ всего что въ свѣтѣ видѣлъ, никакъ не отваживаюсь. Теперь гонюсь за двумя философами. Они все толкуютъ о природѣ — видно знаютъ ее хорошо: авось, думаю, наставятъ меня.

МЕФИСТОФИЛЬ

Вздоръ! если хочешъ родиться, то родись самъ собою. Кто не ошибается, тотъ и ума не наживетъ.

ГОМУНКУЛЪ

Дѣло.

Мефистофиль уходитъ.

АНАКСАГОРЪ *къ Ѳалесу*

Ты и теперь не убѣждаешся, что эта гора произошла отъ дѣйствія огня?

ѲАЛЕСЪ

Нѣтъ, а увѣренъ что она порождена дѣйствіемъ воды. Да что объ этомъ спорить — морочить другихъ, а самимъ терять время!

АНАКСАГОРЪ

Смотри, какое множество на новой горѣ разныхъ жителей! да какіе все крошечные!

къ подлетьвшему Гомункулу

Ты донынѣ жилъ пустынникомъ, за большимъ не гнался; хочешъ, я сдѣлаю тебя царемъ этаго народа?

ГОМУНКУЛЪ

Ѳалесъ, какъ ты думаешь?

ѲАЛЕСЪ

Не совѣтую. Съ малыми не совершишь ничего великаго; съ великими самъ великъ станешь. — Смотрите, смотрите! Быстро несется стая журавлей, опускается, нападаетъ на пигмеевъ; сражаются — это мщеніе за убитыхъ цапель! Пигмеи побѣждены, бѣгутъ! . .

АНАКСАГОРЪ *торжественно*

Къ тебѣ взываю, троеобразная, троеимянная богиня, Діана-Луна-Геката! Разверзи пучину твоей тѣни, спаси народъ мой!

по нѣкоторомъ молчаніи

Уже ль мольба моя услышана? Уже ль не ложь, что ты, богиня, внимала заклинаніямъ Ѳессалійскихъ женъ, исполняла ихъ просьбы? О чудо! Шарообразный тронъ твой приближается, краснѣетъ, темнѣетъ! Молнія! ударъ грома! и я, я этому виною!

падаетъ ницъ.

ѲАЛЕСЪ

Что ему мерещется? Правда, и мнѣ показалось, какъ будто произошло что-то особенное; но луна по прежнему свѣтитъ спокойно.

ГОМУНКУЛЪ

Взгляни на гору: вершина была кругла, а теперь остроконечна! Грохотъ слышалъ и я: съ луны упала скала, передавила и друзей и враговъ!

ѲАЛЕСЪ

Туда имъ и дорога! — Теперь пойдемъ на берегъ моря — тамъ большое собраніе.

уходятъ.

МЕФИСТОФИЛЬ *взбирается на гору*

Вотъ, карабкайся по скаламъ да по корнямъ дубовъ! У насъ въ Гарцовыхъ горахъ хоть смолой пахнетъ, понюхать пріятно; а здѣсь и того нѣтъ — не знаю, что у нихъ въ аду горитъ!

ДРІАСЪ

На чужбинѣ не вѣжливо хвалить родину.

МЕФИСТОФИЛЬ

Свое всегда хорошо. Не знаешъ ли, кто это здѣсь, въ темной пещерѣ? трое ли ихъ, или у меня въ глазахъ троится?

ДРІАСЪ

Форкіады. Подойди, если не боишся.

МЕФИСТОФИЛЬ

Что за чудеса! Признаюсь со стыдомъ, я рѣшительно не видывалъ ничего подобнаго! И здѣсь, говорятъ, отечество красоты! У насъ такого уродства не только въ адъ не примутъ, подойти къ аду не допустятъ! — А, зашевелились, видно меня почуяли!

ФОРКІАДЫ

Дайте мнѣ глазъ сестры — кто-то идетъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Почтеннѣйшія! я хотя незнакомецъ, но чуть-ли не съ родни вамъ. Здравствуйте! повидавши другихъ боговъ, имѣю честь представиться и вашей милости.

ФОРКІАДЫ

Говоритъ не глупо.

МЕФИСТОФИЛЬ

Странно, что васъ не воспѣли поэты, не изобразили ваятели. Конечно, здѣсь никто васъ не видитъ; вотъ, еслибъ вы жили въ мѣстѣ людномъ, гдѣ царствуютъ искуства —

ФОРКІАДЫ

Полно! во мракѣ рожденное, никому, почти даже самому себѣ неизвѣстное, троеличіе наше никогда не думало о свѣтѣ, не желаетъ вотще знать о другой, лучшей участи.

МЕФИСТОФИЛЬ

Справедливо и умно. Послушайте: у васъ втроемъ одинъ глазъ и одинъ зубъ; нельзя ли вамъ тромъ вмѣститься въ двухъ, а образъ третей одолжить мнѣ на время?

ФОРКІАДЫ

Почему нѣтъ! только безъ глаза и безъ зуба.

МЕФИСТОФИЛЬ

Хорошъ же я буду!

ФОРКІАДЫ

Зажмурь одинъ свой глазъ да выставь одинъ клыкъ — съ боку совершенно на насъ похожъ станешъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Согласенъ.

превращается въ Форкіаду.

ФОРКІАДЫ

Славно! Теперь у насъ два глаза и два зуба!

МЕФИСТОФИЛЬ

Отлично! теперь я гожусь — чертей пугать!

уходитъ.

Скалистая бухта Эгейскаго моря.

Луна въ зенитѣ.

СИРЕНЫ *на скалахъ*

Будь благосклонна, богиня-Луна! озаряй насъ кроткимъ твоимъ свѣтомъ!

НЕРЕИДЫ И ТРИТОНЫ

Трубите, вызывайте жителей глубины, да придутъ послушать здѣсь усладительныхъ пѣсенъ.

СИРЕНЫ

Безбѣдна рыбья жизнь; но вы, кажется, не совсѣмъ рыбы.

НЕРЕИДЫ И ТРИТОНЫ

Поспѣшимъ, докажемъ, что мы болѣе, нежели рыбы.

удаляются.

СИРЕНЫ

Удалились, поплыли къ Самоѳракіи, въ обитель Кабировъ. Что они затѣваютъ?

ѳалесъ *на берегу, къ Гомункулу*

Повелъ бы я тебя къ Нерею — вотъ его пещера — старикъ знаетъ будущее и охотно дѣлаетъ добро; но онъ вообще весьма не любитъ людей.

ГОМУНКУЛЪ

Ничего, попробуемъ.

НЕРЕЙ

Никакъ здѣсь говорятъ люди? Противны они мнѣ: все хотятъ уподобиться богамъ и все подобны — самимъ себѣ. Подавалъ я совѣты многимъ, лучшимъ изъ нихъ — и всегда попапрасну!

ѳАЛЕСЪ

Не прогоняй насъ, мудрый старецъ! вотъ это человѣкоподобное пламя проситъ твоего совѣта и въ точности ему послѣдуетъ.

НЕРЕЙ

Не вѣрю! Уговаривалъ я Париса не увозить Елены; Улисса, не слушать Цирцеи — къ чему это послужило?

ѳАЛЕСЪ

Признательность одного вознаграждаетъ мудреца за неблагодарность множества другихъ. Этотъ, полурожденный, желалъ бы родиться вполнѣ.

НЕРЕЙ

Сегодня я жду дочерей моихъ, Дорид. На Нептуновыхъ коняхъ приплывутъ онѣ всѣ, приплыветъ и прекраснѣйшая всѣхъ, Галатея, наслѣдница Киприды. Не хочу теперь, въ веселый часъ, бранить васъ;

отпускаю мирно: идите; Протей скажетъ вамъ, какъ должно раждаться и превращаться.

уходитъ къ морю.

ѳалесъ

Неудача! Пойдемъ искать Протея, хотя и видѣть и понимать его одинаково трудно.

уходятъ.

сирены

Смотрите, плывутъ обитатели моря, несутъ боговъ, подателей помощи жертвамъ кораблекрушенія.

нереиды и тритоны

Несемъ къ вамъ трехъ Кабировъ; четвертый не пошелъ. Остальные трое, вѣроятно, теперь на Олимпѣ, гдѣ есть и осьмой, о которомъ никто не помышляетъ. Всѣ они безпрерывно стремятся къ недостижимому.

протей *невидимый*

Это презанимательно, и чѣмъ страннѣе, тѣмъ достойнѣе уваженія.

ѳалесъ

Протей, гдѣ ты?

протей *невидимый, то вблизи, то вдали*

Здѣсь! и здѣсь!

ѳалесъ

Полно шутить!

протей *какъ будто вдалекѣ*

Прощай!

ѳалесъ *тихо къ Гомункулу*

Проказникъ возлѣ насъ. Свѣтись ярче — онъ любопытенъ, какъ рыба и очень любитъ пламя.

ПРОТЕЙ *въ образѣ огромной лягушки*

Что это свѣтитъ?

ѲАЛЕСЪ *закрываетъ Гомункула*

Если хочешъ посмотрѣть вблизи, то прими человѣческій образъ.

ПРОТЕЙ *въ образѣ человѣка, съ удивленіемъ*

Свѣтящійся карла!

ѲАЛЕСЪ

Бѣдняжка только полу-рожденъ, не имѣетъ тѣлесности, можетъ жить лишь въ этой стклянкѣ. Онъ желалъ бы родиться вполнѣ.

ПРОТЕЙ

А, онъ, какъ сынъ дѣвушки — *есть* прежде, чѣмъ *быть долженствовалъ*!

ѲАЛЕСЪ *тихо*

Да и неизвѣстно, какого пола.

ПРОТЕЙ

Тѣмъ лучше — попадетъ, въ какой окажется годнѣйшимъ. Но здѣсь онъ не дождется ничего; надобно отправиться въ море: тамъ все начинается съ малаго, поглощаетъ меньшее себя, растетъ и наконецъ совершенствуется.

ГОМУНКУЛЪ

Какой здѣсь пріятный запахъ!

ПРОТЕЙ

Тамъ будетъ еще пріятнѣйшій. Пойдемъ.

подходятъ къ морю. Родосскія Тельхины

плывутъ на морскихъ коняхъ и драконахъ ; переднія держатъ нептуновъ трезубецъ .

ХОРЪ

Нами скованъ трезубецъ , которымъ Нептунъ укрощаетъ волны . Нынѣ богъ моря вручилъ намъ скиптръ свой , да не возмутитъ нашего празденства измѣнчивая стихія .

СИРЕНЫ

Привѣтствуемъ васъ , посвященные Фебу обитатели свѣта .

ТЕЛЬХИНЫ

Хвала Фебу , всеозаряющему , всеживящему ! Мы первые изобразили его , бога , въ человѣческомъ видѣ .

ПРОТЕЙ *къ Гомункулу*

Поютъ , да выдалбливаютъ кумировъ , и думаютъ , что заняты преважнымъ дѣломъ ! оставь ихъ ! на землѣ не достигнешъ ни до чего ; море для жизни благопріятнѣе . Садись , поплывемъ . Сочетайся съ океаномъ .

превращается въ дельфина; Гомункулъ садится на него.

ѲАЛЕСЪ

Начинай созданіе сызнова , дѣйствуй , измѣняйся сообразно съ вѣчными законами — человѣкомъ станешъ ты не скоро .

ПРОТЕЙ

Да и спѣшить нѣчего : станешъ человѣкомъ , такъ и все кончено .

ѳалесъ

Инымъ человѣкомъ быть тоже не дурно.

протей

Такимъ, напримѣръ, какъ ты? да, такіе не скоро пропадаютъ: мы тебя видимъ уже не одно столѣтіе.

сирены *на скалахъ*

Смотрите — бѣлымъ облакомъ вьется около луны стая Паѳосскихъ голубей. Празденство наше оканчивается.

пселлы и марсы *плывутъ на морскихъ быкахъ, телятахъ и овнахъ*

Любуйтесь! въ Кипридиной колесницѣ плыветъ, невидимо для новаго поколѣнія, наша повелительница, Галатея.

сирены

Величава какъ богиня; плѣнительна, какъ красота смертная.

дориды *проплывая на дельфинахъ мимо Нерея*

Родитель! представляемъ тебѣ юношей, спасенныхъ нами отъ кораблекрушенія. За жизнь они должны платить намъ любовію. Соизволяешъ ли, да сообщимъ имъ безсмертіе наше?

нерей

Такой даръ дается только Зевсомъ. Любовь не надежна, какъ волны. Когда страсть пройдетъ, отпустите плѣнниковъ на землю.

дориды

Должно разстаться — богамъ такъ угодно.

ЮНОШИ

Никогда бы мы не желали никакой другой участи.

ГАЛАТЕЯ *на раковинной колесницѣ*

Родитель! — Помедлите, дельфины, дайте на него насмотрѣться.

НЕРЕЙ

Дочь моя! — Ахъ! она удаляется, но и одинъ на нее взглядъ вознаградилъ годовое ожиданіе.

ѲАЛЕСЪ

Вижу и утверждаюсь въ увѣренности: все произведено водою; ты, Океанъ, питаешъ облака и потоки, ты жизни первѣйшій хранитель.

ЭХО — *всеобщій хоръ*

Ты жизни первѣйшій производитель.

НЕРЕЙ

Они ужъ далеко, а все еще, какъ звѣзда, блеститъ среди толпы тронъ Галатеи. Милое всегда близко!

ГОМУНКУЛЪ

Прекрасно все, что я здѣсь ни освѣщаю.

ПРОТЕЙ

И только здѣсь свѣтишъ ты сладкозвучно.

НЕРЕЙ

Что за явленіе? У ногъ Галатеи нѣчто свѣтитъ ярко и привѣтно, будто зажженное любовію!

ѲАЛЕСЪ

Это Гомункулъ, обольщенный Протеемъ. Бѣдняжка томится желаніемъ—онъ разобьется о тронъ богини! Такъ точно — вспыхнулъ, сверкнулъ, разливается!

СИРЕНЫ

Волны блещутъ! все сіяетъ, все обьято пламенемъ!

да владычествуетъ же Еросъ, всего начало! Хвала вамъ, море и пламя!

ВСЕОБЩІЙ ХОРЪ

Хвала вамъ, воздухъ и земля! Хвала четыремъ стихіямъ! [48]

КОНЕЦЪ 2-ГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ III.

Спарта. Мѣсто передъ дворцомъ Менелая.

ЕЛЕНА и ХОРЪ Троянскихъ плѣнницъ; предводительница хора — ПАНТАЛИСА.

ЕЛЕНА [19]

Я Елена; иду съ берега, на которомъ Менелай празднуетъ свое возвращеніе въ отечество. Привѣтствую тебя, мой отчій домъ! въ твоихъ покояхъ взросла я! у твоихъ воротъ встрѣтила нѣкогда жениха-Менелая; вхожу въ нихъ теперь, какъ исполнительница повелѣній моего супруга; входя, оставляю за собою воспоминаніе всего, что произошло со времени похищенія меня Фригійцемъ, что столь много и невѣрно въ свѣтѣ разсказываютъ, а я слушаю столь неохотно.

ХОРЪ

Не презирай, Царица, всесвѣтной извѣстности, щастіемъ тебѣ дарованной. Слава красоты завиднѣе всякой другой славы.

ЕЛЕНА

Что мыслитъ супругъ, царицу ли видитъ во мнѣ, или плѣнницу — не знаю. Во все время пути былъ онъ угрюмъ, ни разу не порадовалъ меня ласковымъ

словомъ; вышедши же на берегъ сказалъ вдругъ, какъ будто внушенный нѣкимъ богомъ: иди во дворецъ, прими тамъ все въ свое вѣденіе; домоправительница укажетъ тебѣ сокровища, собранныя твоимъ отцемъ, мною умноженныя.

ХОРЪ

Иди, любуйся сокровищами, затьми ихъ лѣпотою твоего лика. Пріятно видѣть драгоцѣнности, побѣжденныя въ состязаніи съ красотою.

ЕЛЕНА

Менелай продолжалъ: вели приготовить все, что нужно для жертвоприношенія—сосуды, воду, дрова, ножъ. Но онъ не сказалъ, какую намѣренъ принести жертву. Такая скрытность не предвѣщаетъ добра; я однако спокойна: да будетъ, что повелятъ боги.

ХОРЪ

Не смущайся напрасно. Боги милостивы — они и насъ спасли отъ видимой гибели.

ЕЛЕНА

Что бы ни послѣдовало, иду во дворецъ. Ахъ, не такъ весело, какъ прыгала въ дѣтствѣ, всхожу я теперь на знакомыя ступени!

ХОРЪ

Забудьте, сестры, свое горе; веселитесь съ царицей о ея возвращеніи въ отечество: пріятна свобода послѣ неволи.

ПАНТАЛИСА

Смотрите: царица въ гнѣвѣ и изумленіи поспѣшно возвращается изъ дворца! Что это значитъ?

ЕЛЕНА *оставивъ вороты отпертыми*

Страхъ не приличествуетъ дочери Зевса; но есть ужасы, потрясающіе даже сердца героевъ. Стигійскія силы воспрещаютъ мнѣ входъ во дворецъ! отъ нихъ бѣгу я; но довольно, остановлюсь — сюда, въ область дня, не посмѣютъ они меня преслѣдовать.

ХОРЪ

Что сдѣлалось?

ЕЛЕНА

Никто не встрѣтилъ меня во дворцѣ; тамъ все безмолвно и пусто; только, вижу, у потухающаго очага сидитъ, закутана въ покрывало, огромнаго роста женщина; зову ее — не слушаетъ; грожу ей — подаетъ мнѣ рукою знакъ удалиться. Разгнѣвана такою дерзостію, хочу я войти въ почивальню — вдругъ она вскакиваетъ, заступаетъ мнѣ дорогу, чудовище тощее, кровавоглазое, ужасное! Но смотрите, вотъ! оно дерзнуло выйти на свѣтъ, въ область солнца!

Форкіада появляется въ воротахъ.

ХОРЪ

Много страшнаго довелось видѣть мнѣ въ день паденія Трои: при шумѣ битвы, среди пламени пожара, носились нѣкіе ужасные образы! но тогда, можетъ быть, мнѣ только такъ мечталось; теперь же это чудовище вижу я дѣйствительно! — Кто ты? не одна ли изъ Форкіадъ? какъ дерзаешь появиться передъ взоромъ Феба, не терпящимъ безобразія? Будь ты проклято, страшилище!

ФОРКІАДА

Правду говорятъ, что красота и стыдъ не уживаются вмѣстѣ, даже ненавистно убѣгаютъ другъ отъ друга при встрѣчѣ! Что вы, наглыя, нахлынули сюда, какъ стая крикливыхъ журавлей? Что здѣсь буяните, какъ опьянѣлыя, кричите на домоправительницу, какъ лающія на луну собаки? Знаю я васъ, сластолюбивое порожденіе войны, истребительная саранча, товаръ истасканный мѣновщиками!

ЕЛЕНА

Порицающій служительницъ похищаетъ права хозяйки. Я довольна ими — смотрю, какъ повелительница, не на личность ихъ, а на службу; и такъ замолкни и передай мнѣ управленіе домомъ, если оно теперь въ рукахъ твоихъ.

ФОРКІАДА

Хозяйка вправѣ журить домашнихъ. Прими надъ всемъ господство, но защити меня отъ этихъ, которыя передъ тобой то же, что неуклюжіе гуси передъ стройнымъ лебедемъ.

ПАНТАЛИСА

Какъ безобразно, возлѣ красоты, безобразіе!

ФОРКІАДА

Какъ глупа, возлѣ ума, глупость!

ТРОЯНКИ ИЗЪ ХОРА

Исчадіе ты Ерева [20]—страшилище—бродящій трупъ!

ФОРКІАДА

Поколѣніе вы Орково, кровожадныя питомицы мерзостныхъ гарпій!

ЕЛЕНА

Полно: раздоръ служителей постыденъ для хозяевъ— онъ препятствуетъ эху исполненія отвѣтствовать на голосъ приказаній. Полно — безумными вашими рѣчами вы взволновали мою душу, какъ будто самую меня перенесли къ Орку. Воспоминаніе ли это? мечта ли? было ли такъ, есть, или будетъ? — Троянки въ ужасѣ; ты, старѣйшая, не устрашена — скажи мнѣ разумное слово.

ФОРКІАДА

Постоянно-щастливому кажется наконецъ мечтою величайшее щастіе. Ты въ жизнь свою видѣла только готовыхъ на все для тебя обожателей. Во первыхъ Тезей—

ЕЛЕНА

Увезъ меня, десятилѣтнюю, въ Аттику.

ФОРКІАДА

Касторъ и Поллуксъ оттуда освободили — тогда любви твоей искали многіе герои.

ЕЛЕНА

Я предпочла Патрокла.

ФОРКІАДА

Но отцемъ была отдана Менелаю.

ЕЛЕНА

У насъ родилась Герміона.

ФОРКІАДА

Въ отсутствіе супруга у тебя появился прекрасный гость.

ЕЛЕНА

Зачѣмъ вспоминать это полувдовство, причину страшнаго бѣдствія?

ФОРКІАДА

Изъ Крита привезъ меня Менелай плѣнницей.

ЕЛЕНА

И поручилъ тебѣ управленіе домомъ.

ФОРКІАДА

Ты потомъ удалилась въ Иліонъ; говорятъ, однако, что въ тоже время видали тебя и въ Египтѣ.

ЕЛЕНА

Не смущай мнѣ вконецъ разсудка! та ли я, или другая — сама не знаю теперь!

ФОРКІАДА

Увѣряютъ еще, что изъ области тѣней къ тебѣ приходилъ Ахиллесъ, на зло приговору судьбы любившій тебя еще прежде.

ЕЛЕНА

Я, какъ идолъ, предалась ему, идолу. Ясно, что это былъ только сонъ! Ахъ, я теряю чувства, сама себѣ кажусь идоломъ!

падаетъ безъ чувствъ на руки полухора.

ХОРЪ

Умолкни, злобная, волкъ въ одеждѣ агнца! Тѣнью прошедшихъ золъ ты омрачаешъ настоящее и будущее! Умолкни, да не умчится душа царицы изъ прекраснѣйшаго подъ солнцемъ ея тѣла.

Елену приводятъ въ чувства.

ФОРКІАДА

Выйди изъ за тучи, прелестное свѣтило! Я безобразна, но красоту цѣнить умѣю.

ЕЛЕНА

Я такъ утомлена, что рада бы была опять отдох-

нуть въ безчувствіи ; но бодрость есть долгъ каждаго .

ФОРКІАДА

Что повелишъ ?

ЕЛЕНА

Приготовь все , что нужно для жертвоприношенія .

ФОРКІАДА

Все готово ; но гдѣ жертва ?

ЕЛЕНА

Менелай ничего не сказалъ о томъ .

ФОРКІАДА

Не сказалъ ? о горе ! жертва — ты !

ЕЛЕНА

Я ?

ФОРКІАДА

Ты и этѣ !

ЕЛЕНА

Ужасно , но я то предчувствовала !

ХОРЪ

О горе ! и мы ?

ФОРКІАДА

Она умретъ смертію благородною ; васъ — ожидаетъ висѣлица .

всѣ стоятъ неподвижны отъ изумленія .

Что , остолбенѣли ? страхъ не спасетъ отъ смерти !

подаетъ знакъ ; у воротъ появляются замаскированные карлы .

Вы , уроды , подавайте жертвенникъ ,

сосуды; разстилайте коверъ, на который падетъ обезглавленная царица.

ПАНТАЛИСА

Ужели нѣтъ средства къ спасенію?

ФОРКІАДА

Есть. Оно зависитъ отъ рѣшительности царицы.

ЕЛЕНА

Я обьята смущеніемъ, не страхомъ; за избавленіе однако буду благодарна.

ХОРЪ

Говори, мудрая Сивилла, о, говори, какое есть средство!

ФОРКІАДА

Уменъ, кто сидитъ дома! Отлучающійся находитъ по возвращеніи многое не такъ, какъ оставилъ. Десять лѣтъ провелъ Менелай подъ Троей; многіе годы странствовалъ, хищничая, на обратномъ пути; а здѣсь между тѣмъ, въ его царствѣ, немного сѣвернѣе Спарты, поселился новый народъ, пришедшій отъ Киммерійской ночи — воздвигнулъ себѣ неодолимую твердыню и изъ ней простираетъ надъ краемъ угнѣтеніе.

ЕЛЕНА

Удивительно! одинъ ли вождь у хищниковъ, или многіе?

ФОРКІАДА

Одинъ, и онъ на хищника не похожъ.

ЕЛЕНА

Хорошъ собою?

ФОРКІАДА

Не дуренъ; храбръ, уменъ и привѣтливъ, какъ не-

многіе изъ Грековъ : ему я довѣряю , вполнѣ на него полагаюсь . А замокъ его ! не то , что тяжелыя наши зданія — все тамъ стройно и легко , изукрашено высокими столбами и сводами ; вездѣ гербы —

ЕЛЕНА

Что такое гербы ?

ФОРКІАДА

Символическія изображенія на щитахъ , какіе виданы уже и у греческихъ воителей . Щиты развѣшены въ залахъ пространныхъ до невѣроятности — въ нихъ есть гдѣ поплясать !

ХОРЪ

И есть кому плясать ?

ФОРКІАДА

Есть — златовласые юноши , не хуже самаго Париса .

ЕЛЕНА

Ты забываешъ сущное . Скажи послѣднее , рѣшительное слово .

ФОРКІАДА

Сама скажи рѣшительное *да* , и я укрою тебя въ замкѣ .

ХОРЪ

Согласись , царица ; спаси себя и насъ !

ЕЛЕНА

Уже ли Менелай будетъ такъ жестокъ ко мнѣ ?

ФОРКІАДА

Не жди отъ него сожалѣнія ! Красота недѣлима — потерять , даже погубить ее легче , нежели уступить другому .

вдали раздаются звуки трубъ.

Слышите — трубы звучатъ: такъ раздается голосъ ревности въ сердцѣ оскорбленнаго! Царь приближается — готовьтесь къ смерти.

ЕЛЕНА *послѣ нѣкотораго молчанія*

Я размыслила и рѣшилась. Мало тебѣ довѣряю, но въ замокъ иду — остальное знаю я одна. Веди.

ХОРЪ

Идемъ, поспѣшимъ! Но ахъ, смотрите, мгла покрываетъ окрестности, все темнѣе, все къ намъ ближе! Гдѣ мы очутились? вокругъ насъ зданія, стѣны!

ЕЛЕНА

Гдѣ вожатая?

ПАНТАЛИСА

Исчезла; но вотъ, среди зданій движется толпа служителей — добрый знакъ!

ХОРЪ

Радуйтесь — пріемъ мирный и почтительный! Въ стройномъ порядкѣ идутъ прекрасные, богатоубранные юноши; младшіе устраиваютъ тронъ; царица садится; станьте, сестры, на ступеняхъ!

***ФАУСТЪ** въ рыцарскомъ уборѣ выходитъ изъ чертоговъ; за нимъ **ЛИНЦЕЙ** въ цѣпяхъ.*

ПАНТАЛИСА

Это, видно, вождь — какъ прекрасенъ и величественъ!

ФАУСТЪ *подходитъ съ Линцеемъ къ трону*

Вмѣсто должнаго привѣтствія представляю тебѣ скованнаго преступника, стража, который съ вершины

башни обязанъ былъ блюсти окрестности. Онъ не возвѣстилъ о твоемъ приближеніи и за то повиненъ смерти; но одна ты властна здѣсь карать и миловать.

ЕЛЕНА

Пользуюсь предлагаемою мнѣ властію — какъ судія выслушиваю виновнаго. Говори.

ЛИНЦЕЙ

Располагай, царица, моею участью. Издалека завидѣлъ я тебя, богоподобную — взглянулъ, и ослѣпленный дивной твоей красотою, ничего уже болѣе не видѣлъ и не помнилъ. Карай, вотъ вина моя.

ЕЛЕНА

Горе мнѣ! какая суровая судьба поселяетъ ко мнѣ такое слѣпое влеченіе въ сердцѣ всѣхъ — героевъ, боговъ, даже демоновъ! — Не могу наказать преступника, вины котораго сама я была причиною. — Освободи скованнаго.

ФАУСТЪ

Не его одного пронзили неотразимыя стрѣлы красоты твоей; всѣхъ разятъ онѣ и меня болѣе, нежели кого-либо. Что остается мнѣ теперь, какъ не признать тебя владычицей себя и всего здѣсь сущаго, тобою уже покореннаго единымъ взглядомъ!

ЛИНЦЕЙ *подноситъ ящикъ; за нимъ служители несутъ другіе ящики*

Царица! воюя, покоряя народы, всякъ изъ насъ пріобрѣталъ добычу, которую почиталъ за наиболѣе цѣнную. Я жаждалъ сокровищъ, собралъ множество драгоцѣнностей — прими ихъ отъ раба твоего.

ФАУСТЪ

Кчему приношенія частныя? не все ли здѣсь принадлежитъ ей? Иди, расточай сокровища на украшеніе ея жилища.

Линцей уходитъ.

ЕЛЕНА *къ Фаусту*

Сядь возлѣ меня на праздное мѣсто.

ФАУСТЪ

На колѣняхъ благодарю за слово, которымъ возвышаешъ меня до равенства съ собою.

ЕЛЕНА

О многомъ хочу я спросить тебя. Скажи, во первыхъ, отчего рѣчь этаго человѣка такъ пріятна уху какими-то особенными сочетаніями звуковъ? [21]

ФАУСТЪ

Если тебѣ нравится рѣчь нашихъ народовъ, то пѣніе понравится еще болѣе.

ЕЛЕНА

Могу ли я научиться говорить столь же складно?

ФАУСТЪ

Весьма легко — говори отъ сердца. Когда оно полно, то желается — [22]

ЕЛЕНА

Раздѣлить наслажденіе съ другими.

ФАУСТЪ

Тогда настоящій мигъ есть —

ЕЛЕНА

Наше щастіе.

ФАУСТЪ

И въ томъ порукою —

ЕЛЕНА

Моя рука.

ХОРЪ

Дружественно бесѣдуютъ царица и витязь — сидятъ плечо съ плечомъ, рука съ рукою. Владыки не скрываютъ отъ народа своихъ удовольствій.

ЕЛЕНА

Я чувствую себя столь далекою отъ тебя и однако къ тебѣ близкою; отжившею и возрожденною къ новой, для тебя, жизни.

ФАУСТЪ

Я едва самъ себя помню, едва знаю что я и гдѣ я.

ФОРКІАДА *вбѣгая*

Полно, теперь не время нѣжничать! Менелай приближается съ войскомъ; готовьтесь къ защитѣ!

ФАУСТЪ

Досадная помѣха! но опасности здѣсь нѣтъ.

слышенъ стукъ оружія и военная музыка; проходятъ войска.

Царица, вотъ твои защитники! — Идите, гроза народовъ, мощные воители, отразите силы Менелая, владѣйте завоеванными странами—Германцы Коринѳомъ, Готѳы Ахайею, Франки Елидой, Норманны Аргосомъ; Спарту предоставляю я себѣ — отсюда царица будетъ править мною и вами.

ХОРЪ

Обладатель сокровища всегда долженъ быть готовъ на борьбу для его защиты. Царица безопасна: вкругъ насъ стѣны, а въ полѣ храбрые полки.

ФАУСТЪ

Пусть идутъ воители, каждый въ назначенную ему страну; мы останемся здѣсь. Да будетъ родина твоя ощастливлена предъ всѣми странами! Вижу: скаты горъ ея одѣваются злакомъ и лѣсами; по берегамъ потоковъ пасутся несмѣтныя стада; всюду царствуетъ изобиліе, обитаетъ прекрасное, могучее поколѣніе!— Да закроется для насъ прошедшее! Насладимся щастіемъ, но не здѣсь, а на цвѣтущихъ поляхъ сосѣдственной Аркадіи.

видъ перемѣняется и представляетъ рядъ пещеръ, къ которымъ примыкаютъ зеленыя бесѣдки; рощи одѣваютъ скаты высотъ, увѣнчанныхъ скалами. Елены и Фауста не видно; женщины, составляющія хоръ, спятъ между зеленью.

ФОРКІАДА

Полно вамъ спать! пробудитесь, слушайте, разскажу чудо!

ХОРЪ — *всѣ пробуждаются*

Что сдѣлалось?

ФОРКІАДА

Видите эти несмѣтные гроты, пещеры, рощи? Здѣсь, удалясь отъ свѣта, обитаютъ владыка и владычица наши. Однажды подхожу я къ нимъ и вижу: у нихъ — сынъ, прелестный малютка; они нѣжатъ его и ласкаютъ; но онъ вырывается изъ родительскихъ объятій, начинаетъ прыгать, все выше и выше, не смотря на увѣщанія — вдругъ исчезаетъ за высокой скалою и чрезъ мигъ появляется оттуда въ живо-

писной, цвѣтистой одеждѣ, съ лирою въ рукахъ, съ яркимъ вкругъ головы сіяніемъ! Такъ растетъ онъ, будущій царь изящнаго, дышущій сладкозвучіемъ.

ХОРЪ

И тебѣ это удивительно? ты, видно, не слыхала нашихъ преданій о томъ, какъ сынъ Майи, убѣжавъ изъ пеленъ своихъ, похитилъ даже громъ у Зевса и поясъ у Киприды! Ахъ, настоящее — есть только слабый отголосокъ давнопрошедшаго!

Изъ пещеры слышны звуки лиры, сопровождаемые звуками другихъ инструментовъ. Всѣ тронуты.

ФОРКІАДА

Полно вамъ толковать объ устарѣлыхъ божествахъ вашихъ! Слушайте: что идетъ отъ сердца, то и дѣйствуетъ на сердце.

уходитъ.

ХОРЪ

И доставляетъ наслажденіе превыше всѣхъ иныхъ наслажденій.

входятъ ФАУСТЪ, ЕЛЕНА *и* ЕВФОРІОНЪ

ЕЛЕНА [23]

Любовь человѣчески щастливитъ *двоихъ*; но божественные восторги для нихъ раждаются только съ *третьимъ*.

ФАУСТЪ

Тогда совершенъ союзъ, полно стяжаніе.

ХОРЪ

Благословенный союзъ!

ЕВФОРІОНЪ

Пустите — не хочу ходить по землѣ; хочу въ вышину, хочу прыгать, все дальше, все выше!

ФАУСТЪ И ЕЛЕНА

Осторожнѣе, милый сынъ, умѣрь свою живость, помысли о нашей любви къ тебѣ, о нашей горести въ случаѣ нещастія!

ЕВФОРІОНЪ

Повинуюсь; но пляски вы мнѣ не запрещаете?

пляшетъ съ хоромъ.

ЕЛЕНА

Нѣтъ — забавляйся.

ФАУСТЪ

Скорѣй бы кончилась эта забава!

ХОРЪ

Прелестны, милое дитя, всѣ твои движенія! лови насъ — каждая желаетъ быть пойманною.

ЕВФОРІОНЪ

Нѣтъ, уходите, бѣгите — не люблю я легкой побѣды.

убѣгаетъ съ хоромъ.

ФАУСТЪ И ЕЛЕНА

Что за бѣготня, что за хохотъ!

ХОРЪ — *женщины возвращаются поодиначкѣ*

Оставилъ всѣхъ насъ, поймалъ самую пугливую.

ЕВФОРІОНЪ *ведетъ молодую дѣвушку*

Вырывается, обороняется! пріятно преодолѣть упорство!

ДѢВУШКА

Пусти! у меня тоже есть силы, есть и воля! Думаешъ, что я побѣждена? Глупецъ! теперь настигай меня!

превращается въ пламя и улетаетъ въ высоту.

ЕВФОРІОНЪ

Тѣсно мнѣ здѣсь! хочу на просторъ! хочу туда, гдѣ шумятъ вѣтры, гдѣ плещутъ волны! хочу возноситься все выше, видѣть все далѣе! Гдѣ я? въ странѣ Пелопса!

прыгаетъ все выше.

ЕЛЕНА, ФАУСТЪ И ХОРЪ

Тише, осторожнѣе! останься мирно здѣсь, въ странѣ изобилія!

ЕВФОРІОНЪ

Мирно? хочу брани, хочу побѣды!

ХОРЪ

Желающій брани — разстался уже съ надеждой!

ЕВФОРІОНЪ

Брань закипѣла! сюда всѣ мужественные, воспитанные среди опасностей!

ХОРЪ

На какой онъ высотѣ! и кажется издали не малымъ, и какъ будто вооруженъ!

ЕВФОРІОНЪ

Что въ твердыняхъ? онѣ не такъ крѣпки, какъ грудь храбраго! Ратуйте за независимость, въ полѣ, съ легкимъ оружіемъ! героями станутъ даже женщины и дѣти!

ХОРЪ

Святая поэзія! она возносится до небесъ; но свѣтитъ намъ и оттуда, и оттуда слышенъ ея голосъ!

ЕВФОРІОНЪ

Я не дитя, я вооруженный юноша, союзникъ могучихъ! Туда спѣшу я — тамъ слава!

ЕЛЕНА И ФАУСТЪ

Едва рожденъ къ жизни и уже стремишся въ горестную даль! Ужель ничто для тебя и мы и привязанность наша?

ЕВФОРІОНЪ

Слышите ль на водахъ громъ битвы? смерть стала заповѣдію! Не зрителемъ буду я, участникомъ въ трудахъ и бѣдствіи!

ЕЛЕНА, ФАУСТЪ И ХОРЪ

Смерть тебѣ стала заповѣдію? и ты хочешъ —

ЕВФОРІОНЪ

Я окрыляюсь — лечу! лечу!

поднимается въ вышину; вкругъ головы его сіяютъ яркіе лучи; путь означается въ воздухѣ свѣтлой полосою.

ХОРЪ

Икаръ, Икаръ! о горе!

къ ногамъ родителей падаетъ прекрасный юноша. Тѣлесное исчезаетъ; свѣтлый метеоръ, какъ комета, взлетаетъ къ небесамъ; на землѣ остаются одежда и лира.

ЕЛЕНА И ФАУСТЪ

За радостію такое горе!

ГОЛОСЪ ЕВФОРІОНА *изъ глубины*

Не оставь меня, матерь, не оставь одного въ мрачной странѣ!

ХОРЪ

Одинъ ты не будешъ нигдѣ—съ тобою сердца наши! Горюя, завидуемъ мы тебѣ, одаренному всемъ, что нужно для земнаго щастія — способностію постигать, чувствовать, нравиться и пѣть, пѣть неподражаемо! но, самонравный, ты долго жилъ въ раздорѣ съ людьми и законами, пожелалъ наконецъ достигнуть великаго блага, и не достигнулъ желаемаго — кому въ свѣтѣ оно достижимо? — Однако полно намъ скорбѣть! земля породитъ новыя пѣсни, какъ всегда ихъ пораждала.

ЕЛЕНА *къ Фаусту*

Красота, говорятъ, не долго уживается съ щастіемъ. Испытываю это на себѣ: разорваны узы жизни и любви! оплакивая ихъ, говорю тебѣ печальное прости! — Персефонія, прими и меня, какъ приняла ты моего сына!

обнимаетъ Фауста; тѣлесное исчезаетъ; остается одежда и покрывало.

ФОРКІАДА *къ Фаусту*

Держи это платье крѣпче, а то демоны тотчасъ унесутъ въ преисподнюю! Воспользуйся наслѣдствомъ богини— оно тебя вознесетъ надъ всемъ пошлымъ, будетъ поддерживать въ ефирѣ, сколько самъ захочешъ. Прощай — мы увидимся далеко отсюда.

одежда Елены превращается въ облако и уноситъ Фауста въ высоту.

ФОРКІАДА *поднимаетъ одежду и лиру Евфоріона*

Хорошая находка! пламя улетѣло, но и этого оставшагося достаточно, чтобы надѣлить ращетливымъ вдохновеніемъ всю братію поэтовъ-ремесленниковъ! стану ссужать ихъ если не геніемъ, то хоть кафтаномъ поэзіи.

садится на подножіе колонны.

ПАНТАЛИСА

Очарованіе разрушено. Поспѣшимъ къ царицѣ въ область тѣней.

ХОРЪ

Царицѣ хорошо тамъ, всеуважаемой; на насъ же никто и посмотрѣть не захочетъ!

ПАНТАЛИСА

Безславно жившій есть стихій добыча! я заслужила мѣсто при царицѣ если не дѣяніями, то вѣрностію.

уходитъ.

ХОРЪ

Не въ область тѣней пойдемъ мы, но пребудемъ въ области дня, разольемся въ живой природѣ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ХОРА

Мы поселяемся въ деревьяхъ, станемъ управлять ихъ растительностію.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Мы — въ пещерахъ: будемъ эхомъ отвѣчать на всѣ слышимые звуки.

ТРЕТЬЯ

Мы съ волнами потоковъ помчимся въ море.

ЧЕТВЕРТАЯ

Мы избираемъ жилищемъ виноградныя лозы, шипящимъ нектаромъ потщимся вознаграждать труды винодѣлателя. [24]

Занавѣсъ опускается; Форкіада, оставшись на просценіумѣ, превращается въ Мефистофиля.

КОНЕЦЪ 3-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

Скалистая вершина высокаго хребта горъ. Пролетаетъ облако ; изъ него на выдавшуюся изъ утеса площадку выходитъ ***ФАУСТЪ.***

ФАУСТЪ

Здѣсь , въ глубокомъ уединеніи , останавливаюсь я , отпускаю облако, несшее меня надъ морями и сушею. Вотъ, оно удаляется , летитъ къ востоку, волнуется ; вотъ , принимаетъ видъ исполинской , прекрасной женщины! но не надолго: оно разширяется , укладывается на восточномъ горизонтѣ подобно цѣпи далекихъ горъ и ослѣпительно отражаетъ въ себѣ великій смыслъ протекающихъ дней ! . . . А здѣсь , возлѣ меня, поднимается легкій паръ, летитъ выше и выше, густѣетъ, получаетъ очертаніе: ахъ, это тотъ восхитительный образъ , завѣтное , давножеланное благо юности!... вновь возраждаются раннѣйшія сокровища сердца, первый неясный, но быстропонятый взоръ , озарявшій собою все въ свѣтѣ ! Вотъ , незабвенный образъ уносится высоко въ ефиръ , увлекаетъ съ собою лучшую часть души моей .

На площадку ступаетъ семимилевой сапогъ ; вслѣдъ за нимъ другой . Съ сапо-

гов сходитъ ***МЕФИСТОФИЛЬ*** *; сапоги же отправляются далѣе*

МЕФИСТОФИЛЬ

Славно эдакъ шагать!—Вотъ куда ты забрался! знаешъ ли, что этѣ скалы были — дно ада?

ФАУСТЪ

Вотъ вздоръ какой!

МЕФИСТОФИЛЬ

Нѣтъ, не вздоръ: огненное море однажды раскипѣлось до того, что корка земная не выдержала, лопнула! такимъ образомъ дно стало вершиною: мало ли что въ свѣтѣ кверху дномъ становится!

ФАУСТЪ

Ну, что ты говоришъ? земная поверхность приняла теперешній видъ свой отъ вращенія шара вкругъ его оси.

МЕФИСТОФИЛЬ

Толкуйте вы! я видѣлъ, какъ Молохъ разметывалъ скалы, а философы, обьясняя положеніе обломковъ, порютъ такую дичь, что слушать стыдно. Преданія объ истинѣ сохранились только у простаго народа, который и нынѣ говоритъ: чортова скала, чортовъ мостъ.

ФАУСТЪ

У чертей, видно, есть своя геологія?

МЕФИСТОФИЛЬ

Разумѣется. Но скажи, приглянулось ли тебѣ что нибудь изъ видѣннаго въ воздушномъ путешествіи?

ФАУСТЪ

Да, и нѣчто великое предпринимаю я. Угадай.

МЕФИСТОФИЛЬ

Хочешъ построить большой городъ, или великолѣпный дворецъ?

ФАУСТЪ

Нѣтъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Такъ не на лунѣ ли что затѣваешъ?

ФАУСТЪ

Нѣтъ; для великихъ дѣлъ есть еще мѣсто и на землѣ.

МЕФИСТОФИЛЬ

А, хочешъ славы?

ФАУСТЪ

Важность въ подвигѣ, а не въ славѣ. Но тебѣ не угадать ни нуждъ, ни желаній человѣка! Слушай. Я глядѣлъ на море. Волны воздымались и раскачавшись выплескивались далеко на отлогій берегъ; потомъ мчались обратно. Черезъ нѣсколько времени происходило тоже самое; еще спустя не много — опять тоже. Мнѣ стало досадно! необузданная стихія дѣйствуетъ безъ цѣли и безъ пользы — безплодная сама, распространяетъ безплодіе и на землѣ. Здѣсь, подумалъ я, стоило бы вступить въ борьбу, одержать побѣду! И это возможно! я рѣшился отнять у моря прибрежныя его владѣнія. Помоги мнѣ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Ничего нѣтъ легче.

вдали, внизу, слышна военная музыка.

А, трубы? война подоспѣла весьма кстати.

ФАУСТЪ

Какъ это? что за война?

МЕФИСТОФИЛЬ

Вотъ видишь: неудовольствія и смуты, прекращенныя на минуту выдуманнымъ нами новаго рода изобиліемъ, возрасли до явныхъ смятеній — кончилось тѣмъ, что нашъ Кайзеръ идетъ войною на избраннаго противною партіею другаго Кайзера. Поможемъ ему одержать побѣду; въ награду за это ты получишь во владѣніе морской берегъ и тогда станешь воевать съ моремъ. — Хочешь, будь сегодня полководцемъ. [23]

ФАУСТЪ

Я? непонимая дѣла?

МЕФИСТОФИЛЬ

Ничего! незнаніе прикроется успѣхомъ, а успѣхъ вѣренъ съ такими, какъ у меня, молодцами. Посмотри-ка.

входятъ ***ТРИ СИЛЬНЫЕ.***

1-Й РАУФЕБОЛЬДЪ *(т: е: нападай), очень молодой, легковооруженный*

Кого ни встрѣчу, поколочу.

2-Й ГАБЕБАЛЬДЪ *(т: е: забирай) возмужалый, въ богатомъ вооруженіи*

Что ни найду, заберу.

3-Й ГАЛЬТЕФЕСТЪ *(т: е: не давай) пожилой, тяжело вооруженный, безъ одежды*

Забирать — не важность; главное — забраннаго изъ рукъ не выпускать.

всѣ сходятъ со скалы въ долину.

Предгоріе. На возвышеніи Кайзерская палатка; въ долинѣ играетъ военная музыка.

***ВОЕНАЧАЛЬНИКИ**, стража.* [26]

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ *къ другимъ*

Да, позиція хороша — всѣ выгоды на нашей сторонѣ, невыгоды на непріятельской: ущеліе, что противъ лѣваго крыла, прикрыто такъ, что противники наши напрасно бы старались овладѣть имъ.

входитъ ***ФАУСТЪ** въ латахъ; за нимъ* ***ТРИ СИЛЬНЫЕ***.

ФАУСТЪ

Мы приходимъ къ вамъ какъ союзники и надѣемся что не будемъ отринуты. Въ горахъ, какъ извѣстно, обитаютъ еще духи, которыхъ уже давно не встрѣчается въ долинахъ. Тамъ перерабатываютъ они минералы, очищаютъ металлы; оттуда видятъ происходящее на земной поверхности.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ

Говорятъ, что такъ; но позвольте спросить: какое тутъ до этого дѣло?

ФАУСТЪ

Вотъ какое: Негромантъ, котораго Кайзеръ спасъ въ Римѣ отъ бѣды, помнитъ это одолженіе и въ знакъ

благодарности посылаетъ ему въ помощь своихъ горцевъ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ

Помощь примется съ благодарностію же.

ВѢСТНИКЪ *прибѣгаетъ*

Непріятель приближается.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ

Слушайте и исполняйте! Пусть правое крыло двинется впередъ и первое начнетъ схватку.

ФАУСТЪ

Позволь присоединиться къ нему вотъ этому юношѣ.

Рауфебольдъ уходитъ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ

Вслѣдъ за тѣмъ вступитъ въ дѣло центръ.

ФАУСТЪ

И съ центромъ вотъ этотъ.

Габебальдъ уходитъ.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ

Непріятель вѣрно обратитъ наибольшія силы на лѣвое наше крыло: оно должно держаться.

ФАУСТЪ

Этотъ не уступитъ никому.

Гальтефестъ уходитъ; военачальникъ тоже.

МЕФИСТОФИЛЬ *сходитъ съ горы*

МЕФИСТОФИЛЬ

Славный вспомогательный корпусъ! я поопорожнилъ всѣ рыцарскія залы, двинулъ всѣ стоявшія въ нихъ старинныя вооруженія. Внутри они пусты; движутся, не стану говорить чьею, силою; но какое до того дѣло!

ФАУСТЪ

Войска сближаются ; сраженіе началось. Какъ потемнѣлъ и кое-гдѣ побагровѣлъ воздухъ! кажись въ борьбѣ участвуетъ самая природа.

МЕФИСТОФИЛЬ

Правое крыло работаетъ лихо! не дремлетъ и Рауфебольдъ.

ОДИНЪ ИЗЪ СВИТЫ

Онъ какъ будто не одинъ — вдругъ виденъ въ разныхъ мѣстахъ! что за чудо?

ФАУСТЪ

Оптическій обманъ, въ родѣ сицилійскаго марева.

ТОТЪ ЖЕ

На остріяхъ копій блестятъ огоньки!

ФАУСТЪ

Доказательство, что объ насъ не забылъ Негромантъ. Вотъ и еще признакъ его вниманія!

ТОТЪ ЖЕ

Надъ горами летятъ орелъ и грифъ! они бросаются другъ на друга — грифъ падаетъ мертвый!

ФАУСТЪ

Предвѣстіе для насъ побѣды.

МЕФИСТОФИЛЬ

Хорошо! лѣвое крыло ихъ уже почти смято! вотъ подоспѣваетъ нашъ центръ — скоро все будетъ кончено.

ТОТЪ ЖЕ

Но худо вотъ тамъ, на нашемъ лѣвомъ крылѣ: непріятель занялъ уже высоты, тѣснитъ жестоко, хочетъ овладѣть ущеліемъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Вотъ мои вороны — новаго рода военная почта. Что скажете?

вороны садятся къ нему на плечи и каркаютъ.

Плохо! высоты потеряны; если потеряемъ и ущеліе, то бѣда! Но еще не должно отчаяваться.

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ *прибылетъ*

Вотъ и шарлатанство ваше, ваша волшебная помощь! Вы начали дѣло, вы и оканчивайте!

уходитъ въ кайзерскую палатку.

ФАУСТЪ

Какъ тутъ быть?

МЕФИСТОФИЛЬ

А вотъ какъ: я пошлю вороновъ на большое горное озеро къ Ундинамъ, попросить, чтобы онѣ одолжили намъ наводненіе, лучше же сказать призракъ наводненія: женщины всегда умѣютъ кажущееся выдавать за сущее.

къ воронамъ

Летите, живо!

вороны улетаютъ; молчаніе.

ФАУСТЪ

Какая исправность! смотри, со скалъ уже начали бить потоки; весь скатъ горы превращается въ одинъ огромный водопадъ! какъ онъ прядаетъ по уступамъ, какъ уноситъ нападающихъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Я, неподверженный этому для человѣческихъ глазъ

обману, вижу не воду, а только бѣдняжекъ непріятелей, которые, какъ угорѣлые, кувыркаются въ оврагъ! потѣха!

къ вдронамъ, которые между тѣмъ уже возвратились

Хорошо; теперь летите къ нашимъ горнымъ кузнецамъ, велите имъ сыпать въ непріятельское войско искры — для увеселенія глазъ; мы же позаботимся о удовольствіи ушей.

вдроны улетаютъ.

ФАУСТЪ

Пустыя вооруженія разгулялись на просторѣ, подняли такую стукотню, что хоть кто испугается.

МЕФИСТОФИЛЬ

Непріятель бѣжитъ безъ оглядки.

Палатка непріятельскаго Кайзера.

ГАББЕБАЛЬДЪ и МАРКИТАНТША.

МАРКИТАНТША

Все же мы здѣсь первые! Бери, что попало.

ГАБЕБАЛЬДЪ

Полно нагружаться вздоромъ! вотъ сундукъ съ деньгами; наклонись, я взвалю его тебѣ на плечи.

МАРКИТАНТША

Охъ, тяжелъ — не снесу!

сундукъ падаетъ и разшибается; изъ него сыплются червонцы.

ГАБЕБАЛЬДЪ

Набирай въ карманы, куда можно! Эхъ, худо: въ карманѣ дыра!

ТРАБАНТЫ *вбѣгаютъ*

Что вы? Какъ вы смѣете?

ГАБЕБАЛЬДЪ

Отщитываемъ себѣ за службу жалованье. Ну, пойдемъ — съ ними не сладишь!

уходитъ съ Маркитантшей.

ТРАБАНТЪ

Что это за черти?

ДРУГОЙ ТРАБАНТЪ

Точно на людей не похожи! Я хотѣлъ-было припугнуть ихъ, да стало боязно.

ПЕРВЫЙ

Сказать правду и сраженіе-то было не похоже на сраженіе: мерещилось и глазамъ и ушамъ невѣсть что; побѣдили мы, сами незнаемъ, какъ!

ВОЕНАЧАЛЬНИКЪ *входитъ съ другими*

Непонятно, это правда; но дѣло въ томъ, что побѣда рѣшительна и совершенна. Война кончена, противная партія проситъ прощенія и пощады. — Кай-

зеръ щедро наградилъ каждаго изъ насъ; иностранцу же далъ во владѣніе приморское мѣсто на большое вдоль берега пространство. На холмѣ, гдѣ стояла палатка, будетъ построена часовня. [27]

КОНЕЦЪ 4-го ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ V.

Открытое мѣстоположеніе.

ПѢШЕХОДЪ

Знакомыя мѣста! вотъ липовая роща, вотъ и хижина, въ которую приняли меня добрые люди, спасши отъ кораблекрушенія! Живы ли-то они?

изъ хижины выходитъ старуха; вслѣдъ за нею и старикъ.

Вы ли это, мои избавители? ахъ, постарѣли вы! Прихожу поблагодарить васъ еще разъ, навѣстить почтенныхъ благодѣтелей; но позвольте сперва взглянуть на море, едва не ставшее мнѣ тогда могилой.

удаляется къ морю.

СТАРИКЪ *идетъ за нимъ*

Какъ ты изумишся, увидѣвъ, что далеко отступили воды, пустынный же берегъ и даже морское дно превратились въ цвѣтущіе сады, поля, луга и рощи. Смотри, все населено, а тамъ пристань для кораблей. Вотъ что сдѣлалось волей мудраго человѣка и усиліями усердныхъ служителей его!

входитъ съ гостемъ въ примыкающій къ

хижинѣ садикъ; оба садятся за столъ вмѣстѣ съ старухою.

СТАРУХА

Ты молчишъ, гость нашъ, ничего не кушаешъ?

СТАРИКЪ

Любопытствуетъ, видно, знать, какъ произошло такое чудо. Разскажи ему.

СТАРУХА

Подлинно, что чудо — сдѣлалось не по человѣчески! Какъ скоро вступилъ во владѣніе берегомъ теперешній нашъ сосѣдъ, нагрянуло сюда множество работниковъ: по днямъ они трудились, правда; но по ночамъ на мѣстѣ работъ носились огоньки, слышались стоны — съ разсвѣтомъ же появлялись то готовая плотина, то готовый каналъ! Теперь сосѣдъ остритъ зубы на нашу хижину, на рощицу и часовню—видно все еще не доволенъ!

СТАРИКЪ

Не даромъ онъ, впрочемъ, брать хочетъ — предлагаетъ хорошую въ новой землѣ замѣну.

СТАРУХА

Не вѣрь морскому дну; оставайся лучше при томъ, что имѣешъ.

СТАРИКЪ

Пойдемъ въ часовню, принесемъ вечернюю молитву.

Палаты Фауста.

Вокругъ палатъ садъ; въ саду пролегаетъ каналъ. **ФАУСТЪ**, *дряхлый старикъ, идетъ по саду, едва передвигая ноги.*

ЛИНЦЕЙ *на башнѣ*

Солнце садится; послѣдніе корабли входятъ въ гавань; по каналу плыветъ челнъ.

вдали слышится звонъ небольшаго колокола.

ФАУСТЪ

Несносный звонъ! онъ мнѣ — ножъ въ сердце! Съ этой стороны моимъ владѣніямъ конца нѣтъ, а тамъ — тамъ чужое: роща, хижина, часовня! чужое! это нестерпимо — бѣжалъ бы отсюда!

челнъ въ каналъ пристаетъ къ берегу; выходятъ на пристань **МЕФИСТОФИЛЬ** *и* **ТРИ СИЛЬНЫЕ**, *начинаютъ выружать изъ челна товары, въ тюкахъ и ящикахъ.*

МЕФИСТОФИЛЬ

Каково? было два корабля, а теперь ихъ двадцать! про товары и говорить нѣчего!—Морской промыселъ лучше всякаго другаго — ловишь, что попадется: рыба, такъ рыбу, а корабль, такъ корабль; возвра-

щаешся домой честнымъ купцомъ, промышленникомъ, и если грузъ хорошъ, никто не спрашиваетъ, какъ онъ добытъ!

ТРИ СИЛЬНЫЕ

Но господинъ нашъ глядитъ, кажется, на привезенные товары безъ всякаго удовольствія.

МЕФИСТОФИЛЬ

Разложите ихъ въ залахъ — поразсмотритъ, такъ понравятся.

грузъ уносятъ въ палаты.

МЕФИСТОФИЛЬ *къ Фаусту*

Равнодушно и угрюмо смотришъ ты на щастливый успѣхъ великихъ предначертаній. Мудрой твоей волею родилась и обогатилась новая страна, новая пристань населена судами. Здѣсь были начаты первыя работы; отсюда теперь простираешъ ты руку на край свѣта; отсюда —

ФАУСТЪ

Будь оно проклято, это мѣсто! именно оно не выносимо для моего взора! отсюда я вижу нѣчто чужое, вотъ эту рощу, хижину! тамъ, на холмѣ, хотѣлъ бы я построить каланчу; оттуда обозрѣвалъ бы мои владѣнія — такъ нѣтъ, холмъ принадлежитъ не мнѣ! Стыжусь самъ, сознаваясь, что съ ума отъ этого схожу! богатство хуже нищеты, если оно не помогаетъ пріобрѣсть то, чего желаешъ. Въ добавокъ ко всему еще этотъ проклятый колоколъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Дѣйствительно досадно: то и дѣлаютъ, что звонятъ, будто на похороны какія! но я не понимаю, зачѣмъ

ты такъ снисходителенъ къ старикамъ: тебѣ вѣдь позволено дѣлать улучшенія.

ФАУСТЪ

Правда! ступай, постарайся переселить ихъ, знаешь, на ту прекрасную усадьбу, которая уже была имъ предложена.

МЕФИСТОФИЛЬ

Какъ пообживутся тамъ, то сами будутъ благодарить за мѣну, хотя и не совсѣмъ добровольную.

свиститъ; приходятъ **СИЛЬНЫЕ.**

Ей, вы! идемъ на работу, а завтра во флотѣ пиръ.

СИЛЬНЫЕ

Пусть хоть это вознаградитъ насъ за дурной пріемъ отъ господина.

Темная ночь.

ЛИНЦЕЙ *на башнѣ палатъ*

Веселая жизнь моя! То и дѣла, что гляди, любуйся красотами неба и земли. Богъ же далъ мнѣ зоркіе глаза — вижу хорошо и вблизи и вдали!

послѣ нѣкотораго молчанія

Но не все мнѣ любоваться! пришлось, видно, и ужаснуться! Тамъ, надъ рощи-

цей, свѣтлѣетъ: сыплются искры, появляется пламя — хижина стариковъ въ огнѣ! Бѣдные добрые люди, спаслись бы хоть сами! Вотъ загорѣлась и часовня и роща! и нѣтъ спасенія, все, все погибнетъ —

послѣ долгаго молчанія

все погибло, всего какъ небывало!

ФАУСТЪ *на балконѣ*

Что тамъ вверху за жалобный голосъ? А, сторожъ, знать, завидѣлъ пожаръ! Я и самъ недоволенъ своимъ поступкомъ; но теперь уже дѣло сдѣлано. И что за бѣда? у стариковъ будетъ новое, лучше прежняго, хозяйство, а я построю на холмѣ каланчу, стану смотрѣть на все мнѣ принадлежащее и тоже на ихъ благоденствіе.

МЕФИСТОФИЛЬ *входитъ съ Сильными*

Прости намъ! безъ бѣды не обошлось. Старики предложеній твоихъ и слушать не хотѣли; надлежало употребить силу; тутъ какой-то молодецъ, гостившій въ хижинѣ, вздумалъ защищаться и былъ, по неосторожности, убитъ; старикъ же и старуха умерли со страху. Въ суматохѣ какъ-то загорѣлась раскиданная по полу солома — теперь горитъ все.

ФАУСТЪ

Развѣ вы были глухи? Я желалъ мѣны, а не насилія! сто проклятій вамъ, окаянные!

МЕФИСТОФИЛЬ

Старая пѣсня: добровольно повинуйся силѣ!

ФАУСТЪ

Помрачилось небо; пожаръ потухаетъ; отъ него вѣетъ вѣтерокъ — мнѣ что-то страшно.

Передъ палатами Фауста.

Полночь.

ЧЕТЫРЕ СТАРУХИ подходятъ къ палатамъ

ПЕРВАЯ

Я нужда.

ВТОРАЯ

Я мать долговъ. [28]

ТРЕТЬЯ

Я забота.

ЧЕТВЕРТАЯ

Я нищета.

ВСѢ КРОМѢ ЗАБОТЫ

Мимо — здѣсь живетъ богачь.

ЗАБОТА

Забота проникаетъ всюду.

исчезаетъ.

ТРИ СТАРУХИ

Идемъ далѣе. Небо покрывается тучами; смотрите: изъ за нихъ, издалека, идетъ — идетъ она, сестра наша! идетъ смерть!

удаляются.

ФАУСТЪ *въ комнатѣ, у окна*

Пришли четыре, а уходятъ только три! что говорили, я не разслушалъ; кажется однако, что глухо раздалось слово: смерть!

Нѣтъ, еще я не выбился на волю! о, еслибъ можно было удалить отъ себя все магическое, позабыть всѣ волшебныя слова, быть какъ другіе, простымъ человѣкомъ — да, тогда бы стоило быть человѣкомъ! Я былъ такимъ — и надобно же мнѣ было преступнымъ словомъ созвать проклятіе на себя самаго и на все, меня окружающее, отравить вокругъ себя самый воздухъ! Теперь все меня тревожитъ, если не днемъ, то ночью: прокричитъ птица—въ голосѣ ея мнѣ слышится дурное предвѣстіе; взгляну на что нибудь нечаянно — пугаюсь, мучимый суевѣріемъ! Что это? дверь заскрипѣла, а никто не входитъ!

озирается безпокойно

Кто здѣсь?

ЗАБОТА

Я.

ФАУСТЪ

Кто ты? поди прочь!

ЗАБОТА

Не пойду, я здѣсь — дома.

ФАУСТЪ *про себя*

Не разсердиться бы мнѣ, не сказать бы какого либо волшебнаго слова!

ЗАБОТА

Я сопутница человѣка, никогда не желанная, но неизбѣжная. Зналъ ли ты когда Заботу?

ФАУСТЪ

Я не шелъ, а бѣжалъ по жизненному пути; не старался ловить именно тѣ или другія изъ наслажденій, а хваталъ, какія попадали подъ руку — желалъ, получалъ и желалъ потомъ снова; была для меня пора величія и могущества — теперь пришла пора благоразумія и осмотрительности: этотъ свѣтъ знаю я хорошо; а простирать виды далѣе его — намъ заграждена дорога. Да и глупъ тотъ, кто устремляетъ туда взоры! зачѣмъ мечтать о вѣчности? лучше держаться вѣдомаго, осязаемаго, идти на землѣ поземному, не довольствуясь ничѣмъ все подвигаться впередъ, и въ томъ самомъ находить щастіе и муку.

ЗАБОТА

Кѣмъ я единожды овладѣю, для того уже не существуетъ щастіе, тому ничто не служитъ на пользу! полный мрака въ душѣ, онъ голодаетъ среди изобилія, все думаетъ о дняхъ будущихъ, всегда страдаетъ отъ этой думы.

ФАУСТЪ *прерываетъ ее*

Полно! я тебѣ недоступенъ. Уходи, а то болтовня твоя хоть кого сведетъ съ ума.

ЗАБОТА *продолжая*

Рабъ нерѣшительности, онъ безпрестанно предпринимаетъ и раздумываетъ, хватается за жалкія полумѣры, колеблется между упованіемъ и отчаяніемъ, томится въ безполезной съ самимъ собою борьбѣ, и не трогаясь съ мѣста, предвкушаетъ заранѣ, не смотря на все свое щастіе, муки адскія.

ФАУСТЪ

Такъ, злобные, терзаете вы родъ человѣческій! Отъ демоновъ, я знаю, избавиться трудно — духовныя узы неразрѣшимы; но твоей власти, забота, я никогда не признаю.

ЗАБОТА

Испытай ее на прощаньи! Другіе бываютъ слѣпы во всю жизнь; ты, Фаустъ, ослѣпни передъ смертью!

дуетъ на Фауста.

ФАУСТЪ *ослѣпшій*

Какая темнота! Но въ душѣ моей тѣмъ свѣтлѣе! Спѣшу исполнить задуманное. Ей, вы, работники, снаряжайтесь, приступайте къ дѣлу, осуществите мои мысли. Готовьтесь всѣ, до послѣдняго — воля одного дастъ занятіе тысячамъ.

Дворъ передъ палатами.

***ЛЕМУРЫ**, съ факелами; впереди ихъ **МЕФИСТОФИЛЬ**, какъ надсмотрщикъ.*

МЕФИСТОФИЛЬ

Ей, вы, жилами связанныя кости!

ЛЕМУРЫ

Готовы! намъ, кажется, отводится новое владѣніе; вотъ колья и цѣпь — что нужно мѣрить?

МЕФИСТОФИЛЬ

Обойдется и безъ инструментовъ! Пусть одинъ изъ васъ — самый рослый — ляжетъ, а остальные снимутъ съ него на землѣ мѣрку и роютъ продолговатую по той мѣркѣ яму. Изъ палатъ въ могилу — все одна и та же глупая исторія!

ЛЕМУРЫ *роютъ и поютъ*

Бывъ парнемъ, я любилъ, любилъ, [29]
Веселый зналъ часокъ,
И думалъ: вѣкъ мнѣ будетъ пиръ!
Анъ тутъ-то и крючокъ!

Колдунья-старость шагъ да шагъ —
Пришла яга съ клюкой,
И вотъ теперь изволь-ка лѣзть
Въ могилу на покой!

ФАУСТЪ *выходитъ ощупью изъ двери палатъ*

Какъ весело слышать стукъ заступовъ, голоса работниковъ! О, стѣсню я море!

МЕФИСТОФИЛЬ *всторону*

Незнаетъ онъ, глупецъ, что трудится въ нашу же пользу! Стихіи за насъ, и все это кончится уничтоженіемъ.

ФАУСТЪ

Надсмотрщикъ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Здѣсь!

ФАУСТЪ

Торопись, понуждай людей строгостью и наградами;

каждый день извѣщай меня объ успѣхѣ работъ на новомъ каналѣ.

МЕФИСТОФИЛЬ *въ полголоса*

Хорошъ тутъ каналъ!

ФАУСТЪ

Тамъ, у горъ, есть гнилое болото. Надобно осушить его, милліонамъ людей доставить мѣсто для жизни если не безопасной, то по крайней мѣрѣ дѣятельной. Я весь предаюсь этой мысли. Послѣдній выводъ мудрости состоитъ вотъ въ чемъ: жизнь и лучшіе дары ея должны быть, въ каждомъ человѣческомъ возрастѣ, наградою безпрерывныхъ трудовъ, ежедневной, опасной борьбы съ препятствіями. О, какъ бы я желалъ жить среди цѣлаго народа такихъ свободно-ревностныхъ дѣятелей! Тогда я могъ бы сказать мгновенію: «не улетай, ты такъ прекрасно — слѣдъ мой на землѣ не исчезнетъ впродолженіе вѣковъ»! — Въ предъощущеніи столь высокаго блаженства наслаждаюсь я теперь наивысочайшимъ мгновеніемъ. [30]

упадаетъ; Лемуры берутъ его и укладываютъ у могилы.

МЕФИСТОФИЛЬ

Его не насыщаетъ никакое удовольствіе, не удовлетворяетъ никакое благополучіе — все новыя затѣи! Даже теперь бѣднякъ хочетъ приудержать послѣднее, жалкое, ничтожное мгновеніе! И его, столь мощно мнѣ противустоявшаго, одолѣло время, одолѣла старость! Часы стали —

ЛЕМУРЫ

Стали, безмолвствуютъ какъ полночь! стрѣлка падаетъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Падаетъ — все совершилось.

ЛЕМУРЫ

Все прошло.

МЕФИСТОФИЛЬ

Прошло? глупое слово! зачѣмъ: прошло? — *прошло* и *ничто*—совершенно одно и тоже! стоитъ ли же надъ чѣмъ нибудь трудиться? Прошло, то есть какъ будто бы вовсе не существовало! Давай же мнѣ, лучше, всегдашнее, совершенное ничтожество!

ЛЕМУРЫ *кладутъ тѣло въ могилу*

Тѣсенъ домъ и не убранъ; взятая на прокатъ утварь возвращена заимодавцамъ; тебѣ же, нѣмой гость, и этого довольно!

МЕФИСТОФИЛЬ

Тѣло лежитъ; если же захочетъ улетѣть духъ, тотчасъ предъявлю ему написанное кровью мое право! Теперь, однако, есть много средствъ отжилить у чорта душу — надобно позвать помощниковъ, а то, пожалуй, еще упустишъ!

Худо намъ стало — нельзя положиться ни на давнишнее право, ни на старинный обычай! Бывало — чуть вылетѣлъ послѣдній вздохъ, и душа уже въ когтяхъ моихъ; теперь же, вотъ, она медлитъ, ждетъ пока будетъ выгнана изъ тѣла враждующими между собою стихіями! Трудись, хлопочи, а потомъ еще пойдутъ вопросы: когда, какъ, гдѣ?

Ну, сюда, рогатые молодцы! несите съ собою и адскую пасть!

появляется множество уродливыхъ чертей; въ сторонѣ разверзается пылающая пасть.

Охъ, да какъ она зіяетъ! какъ тамъ, внутри, клубится пламя! какъ барахтаются осужденные! А живые грѣшники все это почитаютъ обманомъ!

Вы, толстяки, караульте по землѣ, а вы, долговязые, вверху, чтобъ душа никуда ускользнуть не могла.

въ вышинѣ появляется сіяніе.

НЕБЕСНЫЕ ДУХИ

Несите, вѣстники неба, несите грѣшнику прощеніе Всемилосердаго! Разлейте на всѣ существа дѣйствіе вашего присутствія.

МЕФИСТОФИЛЬ

Что за противные звуки? что за сіяніе? А, летятъ тѣ, которые у меня отняли уже не одну добычу! Вы, черти, держите ухо остро!

НЕБЕСНЫЕ ДУХИ *разсыпаютъ разцвѣтшія бѣлыя розы*

Разсыпайтесь, живительныя розы небесной Любви, розы вышней Благодати! несите почившему вѣсть спасенія, вѣсть рая!

МЕФИСТОФИЛЬ

Что вы вертитесь, черти! Пусть ихъ сыплютъ! Вы только подуйте, какъ разъ цвѣтки засохнутъ! Вотъ такъ — нѣтъ, не такъ, полно! Эхъ, ни въ чемъ вы не знаете мѣры — такъ дунули адской атмосферой, что цвѣтки загорѣлись и падаютъ на васъ же! —

Крѣпитесь, говорю вамъ, не пугайтесь! Ахъ трусы, негодяи! вертятся, кувыркаются какъ шальные, и вотъ всѣ до единаго въ адъ улепетнули! Я однако не изъ такого десятка —

отбиваетъ летящія на него розы

Прочь, вы, блудящіе огни! прочь, говорю вамъ! охъ, да какъ жжетъ мнѣ затылокъ!

НЕБЕСНЫЕ ДУХИ

Удаляйтесь отъ несроднаго вамъ: любовь пріемлетъ только любящихъ.

МЕФИСТОФИЛЬ

Какая жара — пуще адской, точно какъ на сердцѣ у безнадежно-влюбленнаго! Но что со мною? зачѣмъ я гляжу на нихъ? зачѣмъ ихъ проклинать не могу? Милые малютки! охъ, да попаду я черезъ нихъ въ дураки! А какіе они хорошенькіе! Да приблизьтесь, улыбнитесь мнѣ!

НЕБЕСНЫЕ ДУХИ

Сіяй свѣтло, пламя Любви! заблуждшихся обрати къ истинѣ!

МЕФИСТОФИЛЬ

Я самъ себя не узнаю, такъ разнѣжился! но нѣтъ, это пустяки! прочь, морока любви! прочь, вотъ я опять прежній Духъ-отрицатель!

НЕБЕСНЫЕ ДУХИ

Возноситесь, хваля и славя Бога!

улетаютъ съ безсмертною частію Фауста.

МЕФИСТОФИЛЬ

Гдѣ они? Умчались, унесли добычу! пропало мое сокровище, завѣщавшаяся мнѣ душа! пропало без-

возвратно! И виноватъ самъ я, глупецъ, пошлый дуракъ не смотря на всю свою опытность! [31]

Скалистыя горы.

***АНАХОРЕТЫ**, въ палаткахъ, разсѣянныхъ между скалами и лѣсомъ.*

ХОРЪ

Мирно пребываемъ мы здѣсь, въ убѣжищѣ святой Любви и созерцанія! здѣсь кротки даже лютые звѣри.

PATER EXSTATICUS

Проникни меня, пламенное ощущеніе восторга! придите, муки, истязанія, очистите меня отъ всего бреннаго, ничтожнаго, да возсіяетъ душа моя чистою Любовію!

PATER PROFUNDUS

Оживи, Боже, душу мою святою Любовію, какъ влага живитъ растѣнія! Очисти мысли и сердце мое, какъ бури очищаютъ воздухъ!

PATER SERAPHICUS

Что за облачко носится надъ вершиною лѣса? ахъ, точно, это сонмъ юныхъ безплодныхъ!

ХОРЪ БЛАЖЕННЫХЪ МАЛЮТОКЪ

Скажи отецъ, кто мы? куда летимъ мы, щастливые

уже тѣмъ, что существуемъ — существованіе такъ пріятно!

PATER SERAPHICUS

Рожденные во мракѣ, съ чувствами еще не развившимися, вы были потеряны для вашихъ родителей, но сохранены для небесъ. Вы, однако, ощущаете присутствіе мое, близость существа любящаго; хотите ли моими очами взглянуть на землю, еще вами невиданную?

воспринимаетъ въ себя малютокъ

Вотъ скалы, лѣса, воды.

МАЛЮТКИ

Прекрасно, но мрачно. Пусти насъ, отецъ!

PATER SERAPHICUS

Летите, растите духомъ, питайтесь Любовію, созрѣвайте для блаженства.

МАЛЮТКИ *уносясь въ вышину*

Полны упованія, радостно ждемъ мы обѣтованнаго.

ЧИСТЫЕ ДУХИ *вознося въ вышину безсмертную часть Фауста*

Избавленъ отъ злаго благородный членъ духовнаго міра! Безпрерывно-ищущій можетъ быть искупленъ— его не оставитъ Любовь всевышняя!

МЛАДШІЕ ЧИСТЫЕ ДУХИ

Мы разсыпали розы, взращенныя кающимися грѣшницами: въ страхѣ убѣжали кромѣшные, и онъ спасенъ отъ власти лукаваго.

ДУХИ БОЛѢЕ СОВЕРШЕННЫЕ

Но только одна небесная Любовь отдѣлитъ отъ него

слѣды земнаго, возвратитъ ему чистоту совершенную.

МЛАДШІЕ

Смотрите! блаженные малютки освобождаются уже отъ тяжести всего, принадлежащаго праху, возлетаютъ къ новой жизни. Да присоединится и онъ къ юному хору.

МАЛЮТКИ

Съ радостію принимаемъ духъ, отъ узъ бренныхъ освобождаемый.

DOCTOR MARIANUS *на вершинѣ горы*

Здѣсь не стѣсненъ взоръ и возвышеннѣе чувствуетъ себя душа. Вижу: въ высотѣ парятъ покаявшіяся грѣшницы, а надъ ними, увѣнчана коропою изъ лучезарныхъ звѣздъ, сіяетъ Великая Посредница.

Владычица міра! Удостой меня своего лицезрѣнія, наполняющаго душу сладостію несказанною! Ты, Всечистая, преклоняешъ взоръ къ молящимся Тебѣ съ упованіемъ; Ты подъемлешъ падшихъ, не могущихъ возстать собственными силами. И кто изъ смертныхъ не падалъ? Кто не нуждался въ Твоемъ предстательствѣ, достославная Дѣва-Матерь!

MATER GLORIOSA *появляется въ вышинѣ.*

ХОРЪ КАЮЩИХСЯ ГРѢШНИЦЪ

Внемли намъ, Благая! не оставь насъ, Милосердая!

Magna peccatrix, Mulier samaritana и Maria Aegyptiaca составляютъ хоръ.

ХОРЪ

Ты, неотринувшая великихъ грѣшницъ, искренне покаявшихся! прости и этой, забывшейся только единожды, по незнанію!

КАЮЩАЯСЯ, *которая на землѣ называлась: Гретхенъ*

Склони, Всеславная, взоръ свой къ моей радости! Возвращается, очищенный, тотъ, кому на землѣ я отдала сердце.

БЛАЖЕННЫЯ МАЛЮТКИ

Онъ растетъ, перерастаетъ насъ, будетъ нашимъ руководителемъ.

КАЮЩАЯСЯ *(Гретхенъ)*

Какъ онъ освобождается отъ всѣхъ покрововъ, какъ возстаетъ въ первоначальной юношеской силѣ! Позволь мнѣ, Милосердая, быть наставницей его, еще ослѣпленнаго сіяніемъ новой жизни.

MATER GLORIOSA

Возносись со мною въ вышнія сферы. Если онъ ощущаетъ твое присутствіе, то послѣдуетъ за нами.

DOCTOR MARIANUS *падая ницъ*

Вознесите, всѣ кающіеся, взоръ вашъ ко взору Милующей. Не оставь насъ, Всечистая Владычица!

CHORUS MYSTICUS

Все преходящее есть только символъ: здѣсь достигается казавшееся недостижимымъ, совершается невыразимое; сюда возноситъ насъ вѣчно-женственное. [32]

КОНЕЦЪ

ПРИМѢЧАНІЯ

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

1. Хоръ сокращенъ не много. Монологъ Фауста переведенъ вполнѣ. Въ подлинникѣ онъ написанъ такъ называемыми terza rima, т: е: пятистопными стихами, по три стиха на одну риѳму.

2. Сцена эта составляетъ около 350-ти риѳмованныхъ стиховъ, 4-хъ и 5-ти стопныхъ. Въ ней есть нѣсколько остротъ, довольно рѣзкихъ.

3. Маскарадъ сокращенъ значительно, но мыслей пропущено не много, и то неважныхъ. Для примѣра, вотъ точный переводъ пѣсни цвѣточницъ (послѣ первой рѣчи Герольда):

«Чтобы пріобрѣсть ваше одобрѣніе, нарядились нынѣшней ночью мы, молодыя Флорентинянки, и вмѣшались въ пышную свиту нѣмецкаго Двора.»

«Темныя кудри наши украшены блестящими цвѣтами; шелковыя нити, шелковыя кисти играютъ тоже здѣсь свою роль.»

«Это почитаемъ мы за дѣльное и весьма похвальное: цвѣты наши, блистая искуственно, цвѣтутъ впродолженіе всего года.

«Всякаго рода цвѣтные лоскутки расположены въ нихъ симметрически: вы можете насмѣхаться надъ той или другой частію; цѣлое же привлекательно.»

«Пріятно смотрѣть на насъ, ловкихъ садовницъ: до такой степени природа женщинъ сродна съ искуствомъ.»

Весь маскарадъ составляетъ болѣе 900 стиховъ.

4. Все, что курсивомъ говорится о поэтахъ, переведено вполнѣ, безъ всякихъ измѣненій.

5. Здѣсь разумѣется самъ Кайзеръ.

6. Сцена эта составляетъ около 600 стиховъ. Въ ней не мало остротъ.

7. Отсюда до конца сцена переведена тщательно — только два или три мѣста выражены съ большею, нежели въ подлинникѣ, сжатостію.

8. Вотъ еще, для примѣра, близкій переводъ:

БѢЛОКУРАЯ ДАМА

Позвольте, два слова. Видите, какъ чисто мое лице; но не таково оно бываетъ въ нещастное лѣтнее время; тогда высыпаютъ сотни темнокрасныхъ пятнышекъ и къ досадѣ моей покрываютъ бѣлую кожу. Средство!

МЕФИСТОФИЛЬ

Жаль, что такое свѣтленькое личико дѣлается въ Майѣ пѣгимъ, какъ шкура леопарда! Возьмите лягушечьяго клёку, лягушечьихъ языковъ, смѣшайте, дистилируйте старательно въ самое время полнолунія, а когда настанетъ ущербъ, то

хорошенько вымажьтесь. Придетъ весна — веснушки не появятся.

9. Монологъ этотъ переведенъ вполнѣ.

10. Въ подлинникѣ каждое лице говоритъ одинъ пятистопный стихъ, а иное — два стиха. Послѣ появленія Елены — тоже.

11 и 12. Обѣ рѣчи переведены вполнѣ.

13. Въ первомъ Дѣйствіи всего около 1950 риѳмованныхъ стиховъ; размѣръ различный, большею же частію пятистопный.

14. Сцена эта сокращена, съ удержаніемъ, кажется, всего, значительнаго сколько нибудь и въ какомъ нибудь отношеніи.

15. Гомункулъ видитъ сновидѣніе Фауста, мечтающаго о Еленѣ.

16. Здѣсь пропущенъ недлинный разговоръ Мефистофиля съ грифами, основанный въ подлинникѣ на игрѣ: словъ: Greif, грифъ и Greis, старикъ.

17. Фаустъ въ подлинникѣ начинаетъ свой монологъ такъ:

«Я не сплю! О, не исчезайте, несравненные образы, если вы и произведены только моимъ взоромъ! Какъ удиви-

тельно я проникнутъ! (?) Мечты ли это? воспоминанія ли? Я былъ уже однажды такъ ощастливленъ. Среди прохлады густыхъ, тиходвижимыхъ кустовъ прокрадываются воды; онѣ не шумятъ, а чуть журчатъ; со всѣхъ сторонъ десятки источниковъ соединяются въ чисто-свѣтломъ, для купанья плоско-углубленномъ мѣстѣ. Влажное зеркало посылаетъ глазу удвоенное изображеніе юныхъ, цвѣтущихъ здоровьемъ красавицъ! толпою онѣ купаются, смѣло плаваютъ, боязливо идутъ въ глубину; наконецъ, вотъ — крикъ, водяная борьба! Можно бы было, кажется, довольствоваться этой картиною, могли бы досыта насладиться ею мои глаза; но все дальше стремится мой духъ, и взоръ хочетъ проникнуть подъ тотъ покровъ: богатая сѣнь пышной зелени скрываетъ высокую царицу. Удивительно! вотъ и лебеди» и пр.

18. Второе Дѣйствіе почти такъ же длинно, какъ и Первое. При сокращеніи рѣчей было приложено всевозможное стараніе не пропустить ничего существеннаго и не затемнить аллегорій, которыя индѣ сами по себѣ уже весьма не ясны.

19. Разговоръ тутъ писанъ 6-ти стопными ямбами, безъ риѳмы и цезуры; хоры то же безъ риѳмы, но стихами разнаго размѣра, большею частію короткими. Елена начинаетъ рѣчь свою такъ:

«Многославимая и многопорицаемая, Елена, иду я съ берега, къ которому мы пристали, еще не опомнившись отъ безпрерывной качки волнъ, милостію Посейдона и силою Евроса перенесшихъ насъ отъ Фригійскихъ равнинъ къ отечественнымъ бухтамъ на высоковоздымающихся хребтахъ своихъ.

Тамъ, на берегу, Царь Менелай празднуетъ, съ храбрѣйшими изъ воиновъ, свое возвращеніе. Но ты, привѣтствуй меня, высокій домъ, построенный Тиндареемъ, моимъ родителемъ, на скатѣ Палладина холма и украшенный имъ паче всѣхъ Спартанскихъ домовъ во время, когда я братски съ Клитемнестрой, съ Касторомъ и Поллуксомъ играя, возрастала. Привѣтствую васъ, желѣзныхъ вратъ растворы» и пр.

20. Въ подлинникѣ здѣсь не одинъ, а семь разъ Троянки съ бранью говорятъ Форкіадѣ, каждый разъ по одному стиху; она отвѣчаетъ тоже по одному стиху.

21. Линцей говоритъ стихами риѳмованными и потому-то его рѣчи кажутся Еленѣ столь пріятными.

22. Тутъ Елена три раза отвѣчаетъ короткими изрѣченіями въ риѳму къ стиху, сказанному Фаустомъ.

23. Слѣдующія рѣчи, до паденія Евфоріона, писаны короткими стихами — иныя даже двустопными.

24. Части хора говорятъ осьмистопными стихами безъ риѳмы, довольно пространно: одно описаніе винодѣлія занимаетъ около тридцати стиховъ. Третье Дѣствіе короче двухъ предъидущихъ; въ немъ однако болѣе полуторы тысячи стиховъ.

25. Въ эту рѣчь Мефистофиля сокращены довольно пространные толки о войнѣ и причинахъ войны, о положеніи Кайзера и ходѣ дѣлъ подъ его управленіемъ.

26. Слѣдующая сцена сокращена весьма значительно — пропущены подробности распоряженій и самой битвы.

27. Этой небольшой рѣчью военачальника замѣнена вся сцена Кайзера съ разными сановниками, заключающая въ себѣ раздачу наградъ и нѣкоторыя распоряженія, до Фауста не касающіяся. Въ четвертомъ Дѣйствіи всего стиховъ тысяча.

28. Въ подлинникѣ старухи называютъ себя: первая — недостатокъ; вторая — долгъ. Въ изложеніи «нужда» и «мать долговъ» сказано для ясности.

29. Пѣсню Лемуровъ Гете заимствовалъ изъ Шекспирова Гамлета — только отбросилъ третій куплетъ, да нѣсколько измѣнилъ второй.

30. Это выраженіе переведено слово въ слово: ich geniesse den höchsten Augenblick. Рѣчи Фауста въ пятомъ Дѣйствіи вообще сокращены весьма немного, съ строгимъ сохраненіемъ мыслей.

31. Изъ рѣчей Мефистофиля исключены нѣкоторыя подробности; отъ двухъ предпослѣднихъ устраненъ цинизмъ, противный до отвратительности.

32. Послѣдній хоръ переведенъ слово въ слово; все остальное въ послѣдней сценѣ посокращено. Въ пятомъ Дѣйствіи всего болѣе 1000 стиховъ.

Конецъ примѣчаній.

ОБЗОРЪ

ОБѢИХЪ ЧАСТЕЙ

ФАУСТА.

М. Скарлинов о 2-ой части весьма справедливо; что первой части 2-го пр. не только в обще, в одном духовном разрезе, принятом школьными классическими авторами, но даже и в частностях не уступает.

ОБЗОРЪ

ОБЪЯЗЪ ЧАСТЕЙ

ФАУНЫ.

ОБЗОРЪ.

Преданіе о Докторѣ Фаустѣ было обрабатываемо многими писателями: число сочиненій, которымъ оно послужило основою, простирается почти до полусотни— Фаустъ вездѣ представленъ чародѣемъ, продавшимъ свою душу чорту за мірскія удовольствія и гибнущимъ при концѣ условленнаго срока.

Гете изъ преданія заимствовалъ только имена, да нѣкоторыя незначительныя подробности; касательно же самой сущности предмета онъ возъимѣлъ смѣлую мысль: превратить біографію ученаго колдуна въ исторію внутренней жизни человѣчества — мысль, которой вполнѣ удовлетворительное развитіе едва ли не превышаетъ силы всякой человѣческой геніяльности.

Фаустъ писанъ въ многіе присѣсты, съ весьма большими промежутками времени. Главныя сцены Первой Части созданы, отрывчато, 23 лѣтнимъ поэтомъ въ 1772 году и 15 лѣтъ потомъ оставались нетронутыми. Только 1-го Марта 1788 года Гете

писалъ изъ Рима, что прибавилъ къ нимъ еще одну сцену, да составилъ полный планъ піесы. Далѣе дѣло шло такими же прыжками. Первая часть пополнена въ 1801-мъ году и еще пересмотрѣна въ 1806-мъ. Когда именно начата Вторая, въ точности не извѣстно: въ запискахъ своихъ, продолжавшихся до 1823 года, Гете не упоминаетъ о ней вовсе, хотя исчисляетъ тамъ свои работы весьма подробно — должно, слѣдственно, полагать, что Вторая Часть начата послѣ прекращенія записокъ; окончена же она, какъ увѣряютъ біографы, наканунѣ послѣдней годовщины Гетева рожденія, то есть 27 Августа 1832 года, спустя 60 лѣтъ послѣ того, какъ начальные стихи трагедіи положены были на бумагу.

Первая Часть при появленіи своемъ въ свѣтъ произвела впечатленіе всеобщее и неслыханно-сильное. Исполинскими достоинствами ея были потрясены умы всей читающей Европы; нѣмецкихъ же ученыхъ, философовъ и литераторовъ, обьяло изумленіе, смѣшанное съ досадою и ужасомъ: убійственная сатира, вложенная въ уста Фауста и Мефистофиля, не пощадила ни одного факультета, и сверхъ того нѣкоторыя знаменитыя лица узнали себя въ каррикатурахъ, выставленныхъ на посмѣяніе аллегорически. Никто однако — столь могущественна власть таланта — никто не посмѣлъ роптать гласно; оскорбленные проглотили пилюлю, смирились и принялись — толковать Фауста.

Второю Частію ученые были, напротивъ того, весьма обрадованы, потому что нашли въ ней цѣлый

пространный міръ, населенный не столько существами живыми, сколько олицетворенными умозрѣніями. Для толкователей это — раздолье! Толкованія посыпались со всѣхъ сторонъ, отъ послѣдователей всякихъ философическихъ системъ, такъ усердно, что нынѣ и общая мысль піесы и частности — значеніе вставныхъ аллегорій, смыслъ выраженій туманныхъ, предметы намёковъ на современность — все уже объяснено наиподробнѣйше; за то — странное дѣло — объясненія почти во всемъ между собою несогласны, а часто и совершенно одно другому противурѣчатъ. М.

Гдѣ же причина такой разности и даже противуположности выводовъ, извлеченныхъ изъ однихъ и тѣхъ же данностей? Разумѣется, что она должна заключаться или въ самомъ предметѣ, или въ способѣ воззрѣнія на предметъ различными его изслѣдователями. Существуетъ ли, или нѣтъ, относительно Фауста, первый изъ сихъ двухъ случаевъ, мы обстоятельно разсмотримъ ниже; въ существованіи же втораго нельзя, къ нещастію, и сомнѣваться. Страсть все растолковывать, находить во всемъ смыслъ иносказательный, сдѣлалась епидемическою болѣзнію нашего вѣка, одолѣла трудящихся не только на поприщѣ словесности и философіи, но и въ области наукъ гораздо болѣе точныхъ. Изъ безчисленныхъ тому примѣровъ припомнимъ только, что цѣлый сонмъ писателей, слѣпо подражая разсудительному Нѝбуру, безпрестанно усиливается всѣ всплошь преданія древности превратить въ символи-

ческія басни; припомнимъ еще, что недавно одинъ французскій астрономъ опередилъ даже самого заносчиваго Дюпюи, объяснилъ почти всю миѳологію посредствомъ созвѣздій и движенія свѣтилъ небесныхъ — какъ будто древніе видѣли въ цѣломъ мірѣ однѣ только звѣзды, не обращая никакого вниманія на собственныя свои чувствованія и страсти, на всю душевную жизнь человѣчества! Односторонность и пристрастіе такихъ приверженцевъ символизма превосходятъ всякое вѣроятіе: для нихъ ничего не значитъ перепутать вѣка и народы, отбросить событія подъ принятую систему не подходящія, остальныя же устроить на свой ладъ, съ видимой натяжкою, пользуясь всякимъ случайнымъ сходствомъ произшествій и названій, всякимъ малѣйшимъ правдоподобіемъ, безотчетно и произвольно. И говорунамъ часто вѣрятъ на слово — у кого достанетъ терпѣнія и охоты повѣрять ихъ собственными изслѣдованіями!

Естественно, что при такой наклонности ученыхъ нашего времени, не ушелъ отъ толковъ Фаустъ, твореніе многообъемлющее, не чуждое иносказательности уже по самому своему предмету, а еще болѣе по формѣ, авторомъ для изложенія избранной. Тутъ, впрочемъ, дѣйствовали и причины частныя, современныя. Гете прослылъ великимъ и глубокимъ мыслителемъ — какъ же было толковникамъ не щегольнуть собственнымъ глубокомысліемъ, не прикинуться видящими далѣе толпы, понимающими таинственный смыслъ каждаго мѣста, въ особенности же мѣста неяснаго? Имя Гете сдѣлалось у философовъ неопровержимымъ

авторитетомъ — какъ же было послѣдователямъ какой бы то ни было философической школы не стараться о превращеніи Фауста въ подпору своего ученія ? И дѣйствительно : если слушать мистиковъ , то Фаустъ ясно и неоспоримо написанъ въ духѣ мистицизма ; если слушать отъявленныхъ враговъ ихъ , приверженцовъ Гегеля , то Гете Фаустомъ нанесъ мистицизму ударъ рѣшительный ! Разсматривая сужденія тѣхъ и другихъ , не трудно впрочемъ найти магическій жезлъ, ударомъ котораго извлекается изъ Фауста все желаемое : чудотворное орудіе это есть , просто — *Подразумѣніе* ! Посредствомъ подразумѣнія изъ всего на свѣтѣ можно вывесть все , что кому угодно . Пусть кто-нибудь возьметъ хоть сказку о Бовѣ-Королевичѣ , да станетъ поступать , какъ толковники поступаютъ съ Фаустомъ, то есть: прямой и естественный смыслъ любаго мѣста почитать за грубую наружную оболочку мысли; подъ этой оболочкою подразумѣвать, смотря по надобности , тотъ или другой смыслъ отдаленный , переносный ; придумывать , наконецъ , важное значеніе для каждаго слова, хотя бы то слово было, видимо , поставлено только для круглоты оборота — нѣтъ сомнѣнія , что и изъ Бовы-Королевича выйдетъ подтвержденіе какой угодно философической системы!

На первый взглядъ кому-либо можетъ показаться , что подразумѣвательная символистика есть только игра , хотя пустая и безплодная , но по крайней мѣрѣ безвредная . Пусть , скажутъ намъ, чудаки объясняютъ, что и какъ имъ вздумается ; пусть , пожалуй , и Наполеона , сына Летиціи , принимаютъ за Аполлона,

дитя Свѣта, а двенадцать его маршаловъ за двенадцать зодіакальныхъ знаковъ; пусть, словомъ сказать, дряхлѣющій умъ забавляется калейдоскопомъ мудрствованія, какъ одѣтинѣвшій старикъ тѣшится постройкою карточныхъ домиковъ — зачѣмъ мѣшать его удовольствію? — Мѣшать, конечно, не стоило бы труда, если бы игра оставалась при одномъ играющемъ; но происходитъ совсѣмъ не то: кривые толки сбиваютъ съ толку публику, особенно же увлекаютъ младшую часть публики, всегда довѣрчивую, всегда прельщаемую таинственностію. Такимъ образомъ распространяется множество сужденій загадочныхъ, а предметъ сужденій не только не поясняется, но напротивъ, затемняется въ самыхъ ясныхъ частяхъ своихъ. Чего не сказано о Гетевомъ Фаустѣ! Онъ, мы слышимъ, есть произведеніе и «понятное только для посвященныхъ въ глубочайшія таинства философіи» и «могущее быть понятнымъ не теперь, а только въ будущее время, при бо́льшемъ усовершенствованіи человѣчества» и, наконецъ, «непонятное вовсе»! Кому же вѣрить? Какъ узнать, что такое есть Фаустъ на самомъ дѣлѣ, точно ли онъ лишенъ *общепонятности*, этаго первѣйшаго достоинства произведеній геніяльныхъ?

Мы — виноваты — ставимъ Гете, по уму и таланту, гораздо выше всѣхъ его толковниковъ, и потому мы рѣшаемся вѣрить не имъ, а самому Гете, то есть: видѣть въ Фаустѣ только то, что дѣйствительно и явственно въ немъ находится — видѣть не менѣе того, но и не болѣе. Такъ, съ безпристраст-

ными читателями, пройдемъ мы объ Части піесы, строго придерживаясь текста, отнюдь не позволяя себѣ никакихъ пополнительныхъ подразумѣній. Замѣтимъ сперва, какую именно мысль Гете предположилъ себѣ развить, и потомъ станемъ смотрѣть: что въ піесѣ съ этой мыслію и между собою сообразно, и что не сообразно; что гдѣ для насъ понятно, и что нѣтъ; что, наконецъ, вставлено въ піесу по необходимости, и что по произволу автора, или по крайней мѣрѣ безъ видимой на то причины. При обзорѣ мы позабудемъ даже о самомъ существованіи какихъ-либо философическихъ системъ, а по мѣрѣ силъ нашихъ постараемся руководствоваться единственно—здравымъ разсудкомъ: этотъ вождь надежнѣе всякаго другаго; по приговору этого нелицемѣрнаго судіи остается жить или умираетъ все, что ни создается какъ умомъ, такъ и воображеніемъ.

Совѣтоваться съ комментаріями мы не станемъ вовсе. Они, конечно, могли бы намъ пояснить значеніе мѣстъ, относящихся къ чему-либо современному; но такія вставки — если въ нихъ мысль изъ частной не сдѣлана общею — нынѣ уже утратили всю свою занимательность; что же касается до всего остальнаго, то слушаться ихъ, значило бы приписывать нерѣдко автору такіе помыслы, которыхъ можетъ быть ему вовсе не приходило въ голову. Правда, что Гете любилъ иногда въ совершенно ясную мысль вставлять словцо, придающее ей мнимую таинственность значенія, и очень забавлялся возбужденными чрезъ то въ ученомъ мірѣ толками; также правда, что въ со-

чиненіяхъ его встрѣчаются неясности неумышленныя — онъ и самъ сознавался въ этомъ, какъ то видно изъ слѣдующаго анекдота, разсказаннаго писателемъ, вполнѣ заслуживающимъ всякое довѣріе.* Старшій Шлегель, переписывая однажды, въ присутствіи Гете, какіе-то его стихи, остановился и почтительно спросилъ о точномъ смыслѣ одного мѣста, перетолкованнаго уже въ Германіи во всѣ стороны. Гете засмѣялся и отвѣчалъ: «полно-те, незатрудняйтесь такими загадочностями; писавши эти стихи, я полагалъ, что въ нихъ есть какой-то смыслъ — вотъ все, что я теперь вамъ сказать могу.» — Неясности, повторяемъ, есть — кто изъ пишущихъ можетъ похвалиться, что выразилъ каждую мысль свою вполнѣ опредѣлительно? но пособить тутъ нѣчемъ — онѣ и останутся неясностями: къ чему послужили бы намъ поясните льныя догадки, даже самыя удачныя, даже основанныя на извѣстности авторовыхъ намѣреній? Какая польза узнавать, что̀ гдѣ авторъ сказать хотѣлъ, если онъ не сказалъ того дѣйствительно? Передъ нами лежитъ его произведеніе въ томъ видѣ, какъ оно было написано и окончательно выправлено — мы и судимъ о произведеніи, а не объ намѣреніяхъ автора.

Не допуская при обзорѣ никакихъ подразумѣній, мы постоянно должны заботиться еще объ одномъ: не смѣшивать сущности предмета съ его поэтической обстановкою, не придавать, то-есть, особеннаго вѣсу

* Etudes de Philologie et de Critique, par M. Ouvaroff. S. Pétersbourg. 1843. Страница 347.

мѣстамъ и сценамъ вспомогательнымъ, придуманнымъ только для доставленія піесѣ жизни и естественности. Поясним̀ъ это хоть однимъ слѣдующимъ примѣромъ. Сцена въ кабинетѣ Фауста съ пуделемъ прекрасна и не представляетъ собою никакой съ чѣмъ-либо несообразности; но если мы примемъ ее за существенную частицу въ развитіи главной мысли, то выйдетъ неразгадочная путаница: бѣсъ повинуется символу Распятаго; тутъ Фаустъ видитъ дѣйствіе символа, однакожъ и потомъ въ душѣ Фауста — нѣтъ Вѣры! Просимъ понять это! — Подобныя трудности встрѣтятся и тогда, если мы станемъ почитать за аллегорію все выраженное фигурально, или въ каждой аллегоріи искать смысла многосложнаго, соотвѣтствующаго всѣмъ ея подробностямъ.

Сказавъ, что̀ и какъ намѣрены мы дѣлать, приступаемъ теперь къ самому обзору, сперва хода трагедіи вообще, а потомъ замѣчательнѣйшихъ характеровъ и нѣкоторыхъ сценъ отдѣльно.

Начинаемъ съ Втораго Пролога — въ немъ, какъ въ Увертюрѣ Веберова Стрѣлка, немногими, но явственными чертами обозначена вся сущность задуманной авторомъ піесы. Мы видимъ слѣдующее.

Чистые Духи воспѣваютъ красоту дѣлъ Создателевыхъ; Мефистофиль находитъ на землѣ дурнымъ все, вообще и въ частностяхъ. Далѣе говорится, что Фаустъ, влекомый въ даль внутреннимъ броженіемъ, пренебрегаетъ земными яствами, жаждетъ наслажденій полныхъ и ничѣмъ не можетъ утолить своей жажды; что въ такомъ стремленіи (или, по приня-

тому въ переводѣ выраженію, *мудрствуя* *, нельзя не заблуждаться, что среди покоя въ человѣкѣ скоро уснула бы дѣятельность и потому Мефистофилю позволяется вести Фауста (своимъ путемъ); но что усилія чорта будутъ напрасны, поелику неясное стремленіе доброй души всегда найдетъ путь истинный и душу Фауста скоро Богъ одѣнетъ свѣтомъ. Вотъ всѣ данности для послѣдующаго хода піесы. Разсмотримъ ихъ внимательно.

Что такое Фаустъ? Отвѣчаемъ словами текста: Фаустъ есть человѣкъ, пренебрегающій земными яствами, ищущій наслажденій полныхъ, заблуждающійся въ своихъ искательствахъ — человѣкъ, то есть, мудрствующій по врожденному влеченію къ тому, или, говоря еще короче и проще, Фаустъ есть *человѣкъ*, въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова. Въ Прологѣ авторъ не привязалъ его ни къ какому мѣсту, ни къ какой епохѣ земнаго міра: онъ чрезъ то самъ возложилъ на себя обязанность сохранить, при дальнѣйшемъ развитіи піесы, въ характерѣ Фауста всѣ черты, общія человѣчеству во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ. Съ этой точки и станемъ мы смотрѣть на лице Фауста — нѣмецкимъ ученымъ Докторомъ представленъ онъ только потому,

* Слово *мудрствовать*, взятое отдѣльно, не можетъ служить переводомъ нѣмецкаго *streben*; но въ настоящемъ случаѣ оно, кажется, выражаетъ мысль подлинника довольно вѣрно, и потому мы удержимъ его, за недостаткомъ лучшаго, впродолженіе всего обзора.

что авторъ, писавшій драму, а не диссертацію, и слѣдственно обязанный придать Фаусту какую нибудь индивидуальность, почелъ для него этотъ образъ приличнѣйшимъ всякаго другаго.

Что такое Мефистофиль? Сличивши все, сказанное имъ о себѣ въ Прологѣ и при первомъ съ Фаустомъ свиданіи, находимъ, что Мефистофиль есть олицетворенное Отрицаніе, существо, для котораго зло есть благомъ, а благо зломъ, которое вѣчно ставитъ преграды творящей всеблагой Силѣ, но чрезъ свое тщетное противудѣйствіе производитъ не зло, а благо. Это опредѣленіе достаточно полно и высказано авторомъ весьма ясно — мы не имѣемъ права переиначивать его, или пополнять какими либо нашими добавками.

Что авторъ себѣ предположилъ касательно хода и окончанія піессы? На это находимъ въ Прологѣ отвѣтъ самый положительный. Мефистофиль будетъ вести Фауста своимъ путемъ, но до цѣли своей не достигнетъ: Фаустъ найдетъ путь истинный — найдетъ именно тогда, когда перестанетъ мудрствовать. Замѣтимъ это послѣднее Положеніе — *когда перестанетъ мудрствовать:* оно непзбѣжно истекаетъ изъ двухъ предъидущихъ — изъ того, что «мудрствуя, нельзя не заблуждаться» и что душу Фауста «Богъ одѣнетъ свѣтомъ». И такъ впродолженіе піесы Фаустъ долженъ: сперва, мудрствуя, идти путемъ Мефистофилевымъ, а потомъ перестать мудрствовать и, слѣдуя неясному своему стремленію, найти путь истинный, озариться свѣтомъ.

Таковы данности піесы. Онѣ выражены въ Прологѣ столь явственно, что тутъ, кажется, нѣтъ мѣста никакому недоразумѣнію, никакимъ дальнѣйшимъ толкамъ. Приступаемъ теперь къ самой трагедіи — пройдемъ вкратцѣ существенныя части ея, пропуская все епизодическое, прямо къ главной мысли не принадлежащее.

Въ начальномъ монологѣ, и потóмъ въ разговорахъ съ Вагнеромъ и Мефистофилемъ, Фаустъ высказываетъ свои главныя мысли и чувствованія: въ немъ живутъ двѣ души — одна, страстно льнущая къ земному, другая, изъ праха стремящаяся горѣ; въ жизни же не находитъ онъ пищи ни для той, ни для другой — встрѣчаетъ безпрерывныя лишенія и не видитъ возможности удовлетворить свою любознательность. Потребность «души лучшей» чувствуется однако сильнѣе, нежели жажда мірскихъ удовольствій — желаніе и надежда постигнуть таинства природы посредствомъ сношеній съ силами безплотными заставляютъ Фауста приняться за магію.

Раскрывъ Нострадамову книгу, новый магикъ смотритъ во первыхъ на символическое изображеніе Духа вселенной—восхищается стройностію картины, но тутъ же чувствуетъ, что всю природу обьять невозможно. Сообразнѣе съ человѣческими силами кажется ему частица великаго Цѣлаго, Духъ земли — и Духъ вызванъ; но огненное видѣніе обходится съ Фаустомъ презрительно, говоритъ ему «ты подобенъ Духу, котораго постигаешъ, а не мнѣ» и исчезаетъ самовольно, безъ позволенія магика. Такъ разру-

шается великая Фаустова надежда: магія не откроетъ ему ничего, безплотные отвергаютъ его сообщество — какой ударъ для гордости, незнавшей предѣловъ своимъ притязаніямъ! «Я, образъ Божества, и даже не тебѣ (подобенъ)» восклицаетъ униженный мечтатель, и не устаиваетъ на ногахъ отъ отчаяннаго изступленія. Разговоръ съ Вагнеромъ, близорукимъ педантомъ «жалчайшимъ изъ земнородныхъ» укрощаетъ на минуту его горесть — человѣку всегда пріятно находить себя выше кого-либо; но вслѣдъ за тѣмъ возстаютъ думы: что дѣлать? слѣдовать ли внутреннему влеченію, или остановиться, удовольствоваться обыкновенной жизнію, подобно червю пресмыкаться въ прахѣ?

Мучимый тягостнымъ раздумьемъ, Фаустъ невольно направляетъ взоръ свой все на одно и то же мѣсто, на стклянку съ ядомъ: въ душѣ его мгновенно рождается, растетъ и зрѣетъ намѣреніе — умереть, «стать въ новый кругъ чистой дѣятельности». Безстрашно, хотя безъ совершенной увѣренности въ безсмертіи души, онъ подноситъ къ устамъ отраву, какъ вдругъ раздается колокольный звонъ и пѣніе — наставъ праздникъ Святой Пасхи. Растроганный воспоминаніемъ о щастливыхъ временахъ дѣтства, Фаустъ плачетъ и самоубійство не совершается.

Тутъ мы видимъ изъ собственнаго сознанія Фауста, что въ душѣ его нѣтъ Вѣры. Желательно знать: съ которыхъ поръ? Сличимъ съ монологомъ о Пасхѣ разговоръ за городомъ о чумѣ. Оказывается вотъ что: Фаустъ въ годы дѣтства вѣровалъ сми-

ренно, съ наслажденіемъ; въ первой молодости вѣровалъ горячо, даже заносчиво — надѣялся мольбами своими прекратить свирѣпствовавшую въ краѣ заразу; возмужалый, угорѣвшій отъ чаду знанія, теперь онъ вовсе не вѣруетъ — по крайней мѣрѣ полагаетъ, что невѣруетъ вовсе, и потому въ Воскресной Пѣсни слышитъ не смыслъ словъ, а только звуки, напоминающіе ему какъ отраду вѣрованія, такъ и праздникъ весны, праздничныя забавы, однимъ словомъ, то время, когда въ жизни находили себѣ пищу обѣ души его.

Дѣйствіе воспоминаній продолжается и въ слѣдующій день. Среди народа Фаустъ чувствуетъ себя человѣкомъ, находитъ возможность быть человѣкомъ; онъ желаетъ уже не проникнуть въ таинства природы, а только наслаждаться созерцаніемъ красотъ ея, на крыльяхъ пташки летѣть вслѣдъ за солнцемъ — плащь-самолетъ кажется ему дороже всего на свѣтѣ. Въ это время появляется пудель-Мефистофиль, которому, конечно, медлить не слѣдуетъ, а то, пожалуй, можно и опоздать! Фаустъ сперва въ рыщущемъ животномъ подозрѣваетъ нѣчто сверхъ-естественное, а потомъ соглашается съ матеріалистомъ Вагнеромъ, что это просто ученая собака, и какъ собаку, беретъ пуделя къ себѣ.

Дома мысли Фауста принимаютъ еще утѣшительнѣйшее направленіе: въ душѣ, себя извѣдавшей, свѣтлѣетъ; въ успокоенномъ сердцѣ начинаетъ цвѣсти надежда, возраждается жажда пить изъ ключа жизни. Какъ невѣрующій, Фаустъ почитаетъ это слѣдствіемъ ночной тишины и кабинетнаго уединенія; но почему

же тишина и уединеніе не оказывали подобнаго дѣйствія прежде, напримѣръ въ ночь предъидущую? Мы, посторонніе, причину настоящаго расположенія Фаустовой души находимъ въ событіяхъ изложенныхъ выше — во впечатленіи произведенномъ Воскресной Пѣснію и поддержанномъ чрезъ соприкосновеніе съ народомъ, съ обществомъ вѣрующихъ. Расположеніе это Мефистофилю не нравится — пудель мечется, лаетъ, начинаетъ измѣнять свой видъ. Сперва, предполагая въ немъ полубѣса, Духа стихійнаго, Фаустъ заклинаетъ его стихійными словами; потомъ, когда это не подѣйствовало, прибѣгаетъ къ символу Искупителя. Духъ отрицанія повинуется, принимаетъ человѣческій образъ, объявляетъ, что онъ за существо, и проситъ позволенія удалиться. Фаустъ, пользуясь случайно пріобрѣтенною надъ чортомъ властію, удерживаетъ его при себѣ — удерживаетъ не съ какими либо видами, а такъ, для забавы; но будучи «еще не въ силахъ совладать съ чортомъ» засыпаетъ подъ напѣвъ невидимаго хора и чрезъ то подаетъ Мефистофилю средство уйти; пробудившись же полагаетъ, что чортъ ему приснился, а пудель между тѣмъ бѣжалъ. Въ слѣдующей сценѣ однако онъ встрѣчаетъ Мефистофиля, какъ знакомаго — это даетъ намъ знать, что у нихъ были свиданія промежуточныя, которыя авторомъ пропущены, какъ не заключающія въ себѣ ничего особеннаго.

Остановимся здѣсь на минуту, сообразимъ пройденное. Фаустъ, выведенный изъ терпѣнія поверхностностію знаній, принимается за магію. Послѣ неу-

дачной попытки сблизиться съ вышними силами природы *здѣсь*, онъ рѣшается умереть, въ надеждѣ найти новую дѣятельность *тамъ*. Отъ смерти его удерживаетъ Благовѣсть Спасенія: отрадные звуки пробуждаютъ слабый остатокъ Вѣры, незамѣтно для него самого кроющійся въ глубинѣ сердца; душа чувствуетъ, что ей потребно Откровеніе, хотя впрочемъ умъ все еще хочетъ постигнуть непостижимое, назвать невыразимое. Тутъ Мефистофиль начинаетъ свое дѣло — даетъ знать о своемъ присутствіи и отвлекаетъ тѣмъ Фауста отъ дальнихъ размышленій. Все это стройно, все въ общихъ чертахъ понятно и сообразно съ изложенными въ Прологѣ данностями піесы, если только мы сами отъ нихъ не отступимъ — если будемъ видѣть: въ Фаустѣ — просто человѣка мудрствующаго; въ Мефистофилѣ просто — Духа отрицанія, а не что либо иное; въ подробностяхъ — сценическую обстановку. Остается разобрать: почему Мефистофиль принимаетъ видъ пуделя? зачѣмъ попадаетъ подъ власть Фауста? вообще же: почему именно такова обстановка? Посмотримъ, до какой степени она нужна или произвольна.

Мы видѣли, что Мефистофиль получилъ позволеніе недопускать Фауста до пути, который добрая душа находитъ въ неясномъ своемъ стремленіи, что, слѣдственно, затѣвается борьба между добрымъ и злымъ началами. Не зная еще, какъ она будетъ ведена, мы можемъ, или лучше сказать непремѣнно должны, отъ автора требовать одного: чтобы равносиліе борющихся доказалъ онъ намъ ясно, при са-

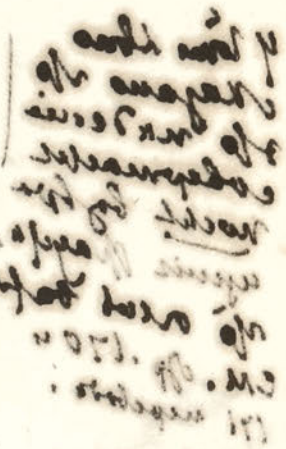
момъ началѣ ихъ сношеній — иначе вся борьба не будетъ въ нашихъ глазахъ имѣть никакой занимательности. Исполнилъ ли же онъ въ піесѣ наше требованіе? Исполнилъ, равенство противниковъ доказалъ тѣмъ, что Фаустъ властенъ не отпустить отъ себя Мефистофиля, а Мефистофиль властенъ освободиться, и освобождается, хитростію. Почему желаемая цѣль достигнута такъ, а не иначе — мы не имѣемъ права и спрашивать: въ выборѣ средствъ авторъ былъ совершенно воленъ; избравши же плѣнъ и освобожденіе Мефистофиля, онъ не могъ не представить плѣна слѣдствіемъ случайности, потому что Мефистофиль не могъ имѣть охоты попасть подъ власть Фауста умышленно, а Фаустъ не только не желалъ завладѣть Мефистофилемъ, но и не думалъ о немъ вовсе до самаго пуделева видоизмѣненія. Словомъ сказать: цѣль достигнута — стало быть авторъ правъ. Не станемъ тоже изыскивать, почему пудель предпочтенъ другимъ животнымъ, почему онъ подбѣгаетъ къ Фаусту спиральной дугою, почему принимаетъ видъ странствующаго студента, и пр. и пр. Разумѣется, что обдумывая обстановку, авторъ бралъ тѣ образы, которые почиталъ наиболѣе сообразными съ главнымъ направленіемъ піесы и не отвергалъ при томъ навернувшихся ему на умъ аллегорій частныхъ, какъ украшающихъ цѣлое орнаментовъ; но къ сущности-то дѣла все это не принадлежитъ вовсе! Что же касается до самыхъ прикрасъ взятыхъ отдѣльно, то мы тутъ разъ навсегда отказываемся отъ всякихъ поясненій: ясныя аллего-

ріи ихъ не требуютъ, а темныя — не стоютъ. Обѣ сцены, за городомъ и въ кабинетѣ, прекрасны во всѣхъ отношеніяхъ — удовольствуемся этимъ и пойдемъ далѣе.

Фаустъ опять въ отчаяніи, опять желаетъ смерти. Со времени знакомства съ Мефистофилемъ въ немъ исчезли всѣ утѣшительныя мысли; онъ даже проклинаетъ все, что привязываетъ человѣка къ жизни. Тутъ Мефистофиль совѣтуетъ ему «дать волю чувствамъ» и предлагаетъ свои услуги. Послѣ нѣкоторыхъ толковъ, заключается договоръ слѣдующій: Мефистофиль будетъ *здѣсь* рабомъ Фауста, постарается доставить ему наслажденія, не только скоропреходящія — пищу ненасыщающую — но и другія, прочнѣйшія; Фаустъ же изъявляетъ готовность погибнуть и *тамъ* быть рабомъ Мефистофиля, съ той поры, когда найдетъ покой на ложѣ лѣни, когда, самодовольный, забудется въ нѣгѣ наслажденій и скажетъ настоящему мгновенію «не улетай, ты такъ прекрасно!» При окончаніи переговоровъ Фаустъ пополняетъ изображеніе своего характера чертою весьма разительною: отважная будущность души какъ нѣчто малозначущее, онъ желаетъ за то на землѣ не радостей, а подъ названіемъ наслажденій разумѣетъ безпрерывную дѣятельность, сильныя ощущенія всякаго рода, какъ сладостныя, такъ и мучительныя — ему желалось бы переиспытать все, что испытывать суждено всему человѣчеству.

По заключеніи сдѣлки Мефистофиль совѣтуетъ пуститься поскорѣе въ свѣтъ, сначала въ меньшій,

потомъ въ бо̀льшій; говоря же одинъ, про себя, раскрываетъ планъ своихъ дѣйствій: увлечь Фауста къ пошлостямъ, къ разгульной жизни, чтобъ онъ все видѣлъ только мимоходомъ, чтобы всегда находя передъ собою пищу, алкалъ тѣмъ болѣе, чтобъ наконецъ онъ погибъ независимо отъ договора. Выиграть закладъ, то есть насытить Фаустову жажду ощущеній, чортъ не изъявляетъ при томъ ни надежды, ни даже намѣренія. Изъ этого важнаго обстоятельства мы заключаемъ несомнѣнно, что закладъ въ глазахъ Мефистофиля есть не болѣе, какъ средство попасть къ Фаусту въ прислужники–руководители; сущное же для него дѣло: завлечь желаемую свою жертву въ губящія душу преступленія.

Странствованіе начинается посѣщеніемъ пирушки беззаботныхъ гулякъ; но Фауста подобныя забавы не привлекаютъ вовсе, и вотъ, Мефистофиль поитъ его въ кухнѣ вѣдьмы волшебнымъ питьемъ, возвращающимъ человѣку молодость, а между тѣмъ показываетъ ему въ вѣдьминомъ зеркалѣ призракъ, идеалъ женской красоты, замѣчая про себя, что помолодѣлому мудрецу послѣ такого напитка любая женщина покажется Еленой.

Слѣдуетъ встрѣча Фауста съ Маргаритой — завязывается и быстро течетъ къ печальному концу своему драма, кипящая жизнію, въ высочайшей степени естественная. Фаустъ, при первомъ взглядѣ на Маргариту, воспламеняется только желаніемъ; но въ неиспорченномъ его сердцѣ тотчасъ же поселяется чувство болѣе глубокое, любовь—любовь, покаместъ,

чувственная, слѣдственно и своекорыстная. Невинное, простосердечное дитя, Маргарита падаетъ, едва подозрѣвая, что такое значитъ паденіе женщины. Вслѣдъ за тѣмъ опомнившійся Фаустъ покидаетъ свою жертву, удаляется въ пустыню, предается тамъ созерцанію природы и собственной души своей. Но для Мефистофиля недостаточно одного паденія Маргариты; онъ желаетъ завлечь Фауста далѣе, снова разжигаетъ чувственность въ его сердцѣ, и Фаустъ возвращается къ Маргаритѣ, хотя видитъ, что губитъ тѣмъ ее и себя самаго.

Послѣдствія возвращенія ужасны: мать Маргариты умираетъ отъ слишкомъ сильнаго, или можетъ быть частаго, пріема опіуму; Валентина убиваетъ Фаустъ; Маргарита дѣлается матерью, утапливаетъ свое дитя и какъ убійца осуждается на смерть. Между тѣмъ Мефистофиль заманиваетъ Фауста на шабашъ вѣдьмъ и «тѣшитъ тамъ его пошлостями» то есть, говоря яснѣе, увлекаетъ въ грязные вертепы разврата. Фаустъ однако не закоснѣлъ въ порокѣ; и среди шабашнаго разгулья онъ угадываетъ бѣдственное положеніе Маргариты; умственнымъ окомъ видитъ ее, неподвижную, мертвоглазую, съ красной на шеѣ чертою, намёкомъ на ударъ палачовой сѣкиры; видитъ, и спѣшитъ къ ней на помощь. Препятствіемъ къ избавленію служитъ сама Маргарита: полупомѣшанная отъ горя, она медлитъ; время проходитъ, настаетъ утро — Фауста уводитъ Мефистофиль, Маргарита остается во власти общественнаго суда, карающаго убійство смертію.

Такъ оканчивается Первая Часть трагедіи. Фаустъ побывалъ въ обществѣ гулякъ, испилъ чашу чувственности, сперва утонченной, потомъ грубой — словомъ, прошелъ свѣтъ меньшій. Покоя онъ не нашелъ, въ наслажденіяхъ не забылся, не сказалъ мгновенію «не улетай, ты такъ прекрасно»; за то сталъ уже преступникомъ и виною преступленій. Мефистофиль, слѣдственно, могъ бы похвалиться, что сдѣлалъ значительный шагъ къ достиженію своей цѣли; однако жъ онъ тѣмъ не хвалится — онъ видитъ, что вмѣстѣ съ гибельною для Маргариты страстію въ сердцѣ Фауста пробудились и другія чувствованія, вовсе для чорта не желательныя: страхъ, жалость, даже раскаяніе. Разсмотримъ, естественнымъ ли образомъ они возникли, окинемъ взоромъ Фаустову внутреннюю жизнь съ того мѣста, гдѣ выше мы остановились, то есть съ заключенія договора.

Отчуждясь, какъ мы видѣли, со времени знакомства съ Мефистофилемъ, отъ всѣхъ своихъ отрадныхъ мыслей, Фаустъ почитаетъ закладъ весьма для себя выгоднымъ: *тамъ* — «пусть будетъ, что должно и можетъ быть», для него все равно, проигрышъ не страшенъ; *здѣсь* — его презрѣлъ Высокій Духъ, предъ нимъ затворены нѣдра природы; давай же здѣсь сильныхъ ощущеній, давай переиспытывать всевозможное, течь на пропалую «въ потокѣ дней, въ волнахъ событій!» Куда умчитъ его потокъ, какія послѣдуютъ столкновенія его ладьи съ ладьями другихъ пловцовъ, сколько при томъ другіе могутъ потерпѣть — обо всемъ этомъ онъ не заботится: не-

удовлетворенный въ притязаніяхъ и оскорбленный въ гордости своей мудрствователь сдѣлался, съ утратою Вѣры, совершеннымъ эгоистомъ. Такимъ онъ и остается до окончательнаго сближенія своего съ Маргаритою, а потомъ вдругъ чуть-чуть не проигрываетъ заклада: покинувъ Маргариту, почти блаженствуетъ въ пустынѣ, радушно смотритъ на всѣ окрестные предметы, проникаетъ взоромъ въ грудь природы какъ бы въ сердце друга, раскрываетъ тайны собственной души — жалѣетъ только, что ему сталъ необходимъ хулитель-Мефистофиль.

Это мѣсто піесы — монологъ въ пещерѣ — заслуживаетъ особеннаго вниманія. Что произвело въ Фаустѣ столь большой переворотъ? что въ глазахъ его преобразило весь міръ? Самъ Фаустъ приписываетъ это Духу, явившемуся предъ нимъ во пламени; но со дня появленія Духа прошло уже много времени — почему же дѣйствіе появленія ощущается такъ нескоро и такъ внезапно? Здѣсь, какъ вездѣ, мы не позволимъ себѣ никакихъ догадокъ, а станемъ держаться текста піесы, въ увѣренности, что авторъ не могъ впасть въ ошибку хуже нежели ученическую, не могъ оставить невыраженною причину перемѣны Фаустовыхъ чувствованій — причина эта непремѣнно должна содержаться въ чемъ-либо, случившемся съ Фаустомъ въ послѣднее время. Но случилось только одно: Фаустъ, прельстившись Маргаритою съ перваго взгляда, потомъ сильно привязался къ ней, *полюбилъ* ее. Мысль автора, слѣдственно, не подвержена никакому сомнѣнію: любовь есть тотъ «мо-

гучій Духъ», который Фаусту «далъ способность природу чувствовать, природой наслаждаться»; любовь оживотворила его одеревенѣвшее сердце. Съ мыслью этой, прекрасною и справедливою, вполнѣ сообразны всѣ выраженные въ текстѣ поступки и ощущенія Фауста. Онъ покидаетъ Маргариту — покидаетъ потому, что съ любовью сталъ знать и жалость, видѣть преступность своего поведенія, стыдиться своего эгоизма. Далѣе: подаетъ ли любовь ему и силы удержаться отъ зла впредь? Можетъ быть подала бы, но не дремлетъ Мефистофиль, «необходимый» человѣку невѣрующему сопутникъ: Фаустъ не устаиваетъ противъ сатанинскаго искушенія — мучится раскаяніемъ, и не смотря на то мчится навстрѣчу событій очертя голову, чтобы только «сократить муку», чтобы «неизбѣжное совершилось скорѣе». Въ немъ, по возвращеніи его къ Маргаритѣ, оказывается важное послѣдствіе новоиспытанныхъ чувствованій — кротость и лучшее направленіе мыслей: онъ чтитъ таинства Вѣры, онъ къ самому вѣрованію едва ли не ближе теперь, нежели былъ въ ту минуту, когда въ кабинетѣ ворчалъ и лаялъ пудель; но все это заглушается событіями, устроенными Мефистофилемъ — къ концу піесы Фаустъ сохраняетъ только мягкость и теплоту сердца, человѣку врожденныя.

Нельзя не сознаться, что весь ходъ внутренней Фаустовой жизни, съ самаго начала піесы, почерпнутъ изъ человѣческой природы. Фаустъ — человѣкъ, въ полномъ смыслѣ слова; другія лица —

тоже люди; мы самаго Мефистофиля принимаемъ, не усомнясь, за человѣка живаго, даже какъ будто намъ знакомаго — принимаемъ по волѣ автора, который для всѣхъ лицъ нашелъ вполнѣ человѣческіе образы, всѣхъ ихъ одарилъ полною индивидуальною жизнію и чрезъ то, нимало не мѣшая развитію главной мысли, позволилъ намъ наслаждаться своимъ произведеніемъ, какъ занимательною, прекрасной драмою. Если, вопреки автору, превратимъ мы людей его въ олицетворенныя идеи, то мгновенно исчезнетъ драма, а съ нею и наше наслажденіе — останется длинная аллегорія, холодная и сбивчивая, какъ всѣ аллегоріи многосложныя. Хвала поэту, старательно избавляющему насъ отъ такого непріятнаго разочарованія! Онъ умѣлъ сохранить естественность даже тамъ, гдѣ долженъ былъ прибѣгнуть къ иносказанію — въ сценахъ у вѣдьмы и на Блоксбергѣ. Но что такое Кухня вѣдьмы и Шабашъ? Разсмотримъ это со вниманіемъ.

Мефистофиль возбуждаетъ въ Фаустѣ жажду наслажденій чувственныхъ — вотъ что въ піесѣ должно быть облечено въ драматическую форму. Авторъ, сверхъ того, отнялъ бы и правдоподобіе и красоту у своихъ изображеній, еслибъ представилъ Фауста или молодымъ человѣкомъ при началѣ піесы, или человѣкомъ пожилымъ во время его сердечныхъ сношеній съ Маргаритою — слѣдственно помолодить Фауста надобно было непремѣнно. У автора это дѣлается съ помощію чортовой рабы вѣдьмы, посредствомъ питья, которое умертвило бы человѣка, къ

нему не приготовленнаго, но не вредитъ Фаусту, проглотившему «уже не одинъ глотокъ»; въ сущности же: Мефистофиль доставляетъ невѣрующему Фаусту молодость искуственную—разжигаетъ въ его сердцѣ чувственность. Осуществленіе чортовыхъ продѣлокъ выражается, при томъ, понятно, подъ видомъ обрядовъ колдовства, общеизвѣстныхъ по многимъ преданіямъ. Такъ вмѣстѣ удовлетворяются обѣ потребности піесы и мы тѣмъ довольствуемся охотно. Не станемъ же ни вѣдьмы ни ея напитка затемнять дальнѣйшими догадочными толками, для которыхъ въ текстѣ не находится никакихъ явственныхъ данностей!

Отъ гибнущей Маргариты Мефистофиль увлекаетъ Фауста къ утѣхамъ грубымъ. Авторъ не хотѣлъ выставить на сценѣ отвратительную наготу разврата и символомъ его избралъ Вальпургскую ночь на Блоксбергѣ. Чтобы увѣриться въ такомъ значеніи шабаша, стоитъ только припомнить разговоръ Фауста и Мефистофиля съ вѣдьмами во время пляски: тутъ рѣзкость рѣчей и прозрачность аллегоріи устраняютъ отъ насъ всякое недоразумѣніе. Столько же понятенъ и призракъ Маргариты, появляющійся Фаусту тотчасъ послѣ того, какъ изъ устъ вѣдьмы-красавицы вылетѣло какое-то недвусмысленное словцо въ видѣ краснаго мышонка — понятно, по этому, что такое въ отношеніи къ Фаусту значитъ шабашъ и зачѣмъ онъ въ піесѣ нуженъ.

О подробностяхъ какъ сцены въ кухнѣ такъ и шабаша поговоримъ мы при концѣ обзора, а теперь

приступимъ къ похожденіямъ Фауста въ свѣтѣ большемъ.

Вторая Часть трагедіи начинается исцѣленіемъ Фауста отъ душевной усталости, слѣдствія испытанныхъ имъ многихъ ощущеній. Послѣ тревожной дремоты онъ пробуждается бодрый и спокойный, съ новыми силами на новую дѣятельность, кру́гомъ которой избирается дворъ нѣмецкаго Кайзера (римскаго императора).

Ко Двору Мефистофиль идетъ сперва одинъ—шутя, вмѣшивается въ государственное дѣло, предлагаетъ найти сокрытые въ землѣ клады и чрезъ то пособить всеобщему безденежью. Въ слѣдующемъ за тѣмъ маскарадѣ изображается аллегорически, а на другой день дѣйствительно осуществляется Мефистофилева финансовая мѣра — замѣна денегъ росписками на клады, еще не отысканные. Тутъ при Дворѣ уже виденъ и Фаустъ, какъ колдунъ фокусникъ, сотоварищь Мефистофиля. Онъ, по желанію Кайзера, обѣщаетъ показать двору Париса и Елену, образцовыхъ мущину и женщину. Мефистофиль говоритъ, что для этого должно совершить подвигъ никогда еще не бывалый—посѣтить «Родительницъ», богинь, пребывающихъ въ пустотѣ, тамъ, гдѣ нѣтъ ни времени, ни мѣста. Что такое значатъ Родительницы — разсмотримъ мы ниже; теперь достаточно будетъ сказать, что это какія-то силы, у которыхъ Фаустъ, съ опасностію жизни, уноситъ какой-то треножникъ, и чрезъ то заставляетъ появиться Париса и Елену. Онъ въ Елену влюбляется смертельно при первомъ на нее взглядѣ,

хочетъ ее отнять у Париса и падаетъ безъ чувствъ отъ взрыва, произведеннаго прикосновеніемъ къ Парису волшебнаго ключа.

Безчувственнаго Фауста Мефистофиль переноситъ въ прежнее его университетское жилище. Тамъ Вагнеръ, бывшій адъюнктъ Фауста, химически производитъ Гомункула, искуственнаго человѣка, или лучше сказать нѣчто человѣкообразное, могущее жить только въ своей ретортѣ. Гомункулъ предлагаетъ перенесть Фауста, для исцѣленія, въ Грецію, гдѣ, кстати, долженъ праздноваться классическій шабашъ. Это Мефистофиль исполняетъ. На шабашѣ Фаустъ приходитъ въ чувства, ищетъ Елены среди лицъ греческой миѳологіи и не находитъ. Ескулапова дочь уводитъ его подъ Олимпъ, къ Персефоніи (Прозерпинѣ), а Мефистофиль принимаетъ видъ Форкіады.

Идемъ далѣе. Елена возвращается изъ Трои въ Спарту. Форкіада–Мефистофиль увѣряетъ царицу, что Менелай намѣренъ принести ее въ жертву, уговариваетъ спастись въ сосѣднемъ замкѣ, гдѣ господствуетъ — рыцарь Фаустъ. Елена слѣдуетъ благому совѣту, дѣлается гостьей, владычицей, супругой Фауста. У нихъ раждается сынъ, Евфоріонъ; дитя быстро растетъ, рѣзвится, прыгаетъ сперва какъ всѣ дѣти, а потомъ все выше и выше; наконецъ хочетъ летѣть въ Грецію, но при первой попыткѣ падаетъ на землю мертвымъ, въ видѣ юноши — тѣлесная часть его исчезаетъ, духовная возносится къ небесамъ. Тотчасъ потомъ и Елена, печально

простясь съ Фаустомъ, удаляется вслѣдъ за сыномъ, къ Персефонiи.

Пора остановиться, дать себѣ отчетъ въ первыхъ трехъ Дѣйствiяхъ. Въ нихъ заключается пребываніе Фауста при Дворѣ и — дѣло главное — похожденія его съ Еленою. Въ Первой Части Фаустъ чувствуетъ и дѣйствуетъ по человѣчески, среди лицъ, имѣющихъ человѣческую индивидуальность — потому-то мы слѣдили за ходомъ піесы такъ легко, понимая въ ней все существенное, останавливаясь только кое-гдѣ надъ подробностями, на первый взглядъ не довольно ясными. Во Второй Части живой міръ мало по малу исчезаетъ; на мѣстѣ его появляется міръ иносказательный, вполнѣ аллегорическія событія и лица, среди которыхъ даже Фаустъ и Мефистофиль теряютъ свой прежнiй знакомый намъ образъ — мы, слѣдственно, тутъ безпрестанно должны разгадывать притчи, переводить иносказанія на языкъ общепонятный. Нѣчего дѣлать—примемся за эту египетскую работу, станемъ отыскивать смыслъ аллегорій, начиная съ главнѣйшихъ.

Елена сама себя называетъ «красотою»; Евфоріонъ, по словамъ хора, есть «поэзія»; стало быть похожденія Фауста съ Еленой должны бы были, въ общности, имѣть значеніе слѣдующее: «Фаустъ пристрaщается къ красотѣ, то есть человѣкъ къ изяществу; отъ сочетанія обоихъ пораждается поэзія». Нѣтъ, авторъ умышленно и явственно превратилъ Фауста изъ представителя человѣчества вообще, въ представителя среднихъ вѣковъ, да и Елена носитъ

на себѣ печать не вообще красоты, а красоты именно древне-греческой. Основываясь на этомъ и на нѣкоторыхъ чертахъ даннаго Евфоріону характера, можно бы было сказать такъ: «Рыцарство въ соединеніи съ классицизмомъ производитъ поэзію романтическую» — и то нѣтъ! Нельзя не принять въ уваженіе, что Евфоріонъ хочетъ летѣть въ Грецію (мальчишка позабылъ, что онъ и безъ того уже находится въ Греціи), хочетъ сражаться тамъ, въ союзѣ съ храбрыми, за независимость края; особенно нельзя упустить изъ виду Елегію, въ которой хоръ оплакиваетъ паденіе летателя: изъ того и другой слѣдуетъ ясно, что Евфоріонъ есть не романтическая поэзія вообще, а въ частности... Лордъ Бэйронъ!!! Во что же долженъ для насъ еще разъ превратиться Фаустъ, и что, въ сущности дѣла, значатъ похожденія его съ Еленою? Не разрѣшится ли этотъ вопросъ, если мы, какъ говорится, проникнемъ въ предметъ глубже, то есть отнимемъ у лицъ не только индивидуальность, но и личность иносказательную — ближайшій смыслъ каждой аллегоріи примемъ за новую аллегорію, и станемъ искать въ ней смысла другаго, отдаленнѣйшаго? Посмотримъ — скажемъ: Елена есть не Елена-лице и даже не Елена-красота, а частица самаго Фауста, то есть Фаустъ-красота, Фаустъ-изящное; точно также: Мефистофиль есть — Фаустъ-хандра; Вагнеръ—Фаустъ-дуракъ; Фамулусъ—Фаустъ-оселъ; Гомункулъ — Фаустъ-вычура, произведенный на свѣтъ Фаустомъ-дуракомъ. Такимъ образомъ выйдетъ, что Фаустъ, съ помощію Фауста-

хандры и Фауста-вычуры, женится на Фаустѣ-красотѣ; у нихъ раждается — Лордъ Бэйронъ. Нѣтъ! чрезъ это вовсе не поясняется ни Фаустъ-цѣлое, ни его похожденія — выходитъ, напротивъ, еще бо́льшая путаница!

Не дѣлая дальнѣйшихъ усилій найти опредѣлительный смыслъ тамъ, гдѣ многое между собою не согласуется, а остальное зыбко и туманно, мы по необходимости станемъ смотрѣть сквозь пальцы на всѣ несообразности частныя и значеніе трехъ первыхъ Дѣйствій выразимъ такъ: «Фаустъ принимается за дѣятельность политическую, потомъ обращается къ изящному, потомъ покидаетъ и этотъ кругъ дѣйствія». Конечно, политическая дѣятельность Фауста ничтожна и, можно сказать, не существуетъ вовсе; покидаетъ же не Фаустъ Елену, а Елена Фауста — слѣдственно правильнѣе бы было написать: «Фаустъ ничего не дѣлаетъ на политическомъ поприщѣ, а пристращается къ изящному; потомъ изящное его покидаетъ»; но послѣднее это толкованіе было бы малопонятно; а намъ, право, хочется въ первыхъ трехъ Дѣйствіяхъ понять хоть что-нибудь касательно главной мысли! Подробностей мы — чтожъ дѣлать — не разумѣемъ; отказываемся тоже и отъ уразумѣнія начальнаго монолога въ 4-мъ Дѣйствіи, гдѣ, просимъ припомнить: облако, образовавшееся изъ Еленина платья, переноситъ Фауста въ Германію, улетаетъ на востокъ, сперва тамъ принимаетъ исполинскій образъ прекрасной женщины, а потомъ разстилается на горизонтѣ въ видѣ цѣпи горъ и отражаетъ въ

себѣ «великій смыслъ преходящихъ дней», между тѣмъ, какъ оставшійся около Фауста легкій паръ принимаетъ «восхитительный образъ, завѣтное благо юности» и уносится въ эфиръ, увлекая съ собою лучшую часть Фаустовой души . . . Уфъ! Пойдемъ далѣе.

Фаустъ, возвратясь въ области Кайзера, задумываетъ дѣло трудное и потому для него особенно привлекательное—хочетъ поставить преграды морю, далеко раскатывающему свои волны по отлогому берегу. Для исполненія замысла надобно на владѣніе берегомъ имѣть право; къ щастію, пріобрѣсть такое право тотчасъ же представляется случай — война Кайзера съ партіею недовольныхъ, избравшихъ себѣ другаго Кайзера. Мефистофиль предлагаетъ помочь Кайзеру и дѣйствительно помогаетъ ему одержать надъ непріятелемъ побѣду; за это Кайзеръ даритъ Фаусту большое пространство морскаго пустыннаго берега.

Въ короткое время на морскомъ берегу происходятъ, съ помощію Мефистофиля, большія чудеса — появляются плотины, каналы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жители, изобиліе, торговля: такимъ образомъ Фаустова затѣя превращается въ дѣло, вещественно для людей полезное. Самаго Фауста мы тутъ видимъ уже дряхлымъ старикомъ, въ которомъ пораждается жадная любостяжательность: видъ чужаго лоскута земли колетъ богачу глаза — надобно пріобрѣсть его! И Мефистофиль устраиваетъ способъ пріобрѣтенія такъ искусно, что владѣльцы имѣнійца гибнутъ вмѣстѣ съ своимъ жилищемъ. Вслѣдъ за тѣмъ Фауста ослѣп-

ляетъ забота; но въ слѣпцѣ еще больше возрастаетъ уже не своекорыстная, а чисто-утилитарная дѣятельность: онъ надѣется своими усиліями доставить милліонамъ людей средства жить и трудами добывать благоденствіе; онъ говоритъ, что тогда (то есть, еслибъ удалось это исполнить) онъ могъ бы сказать мгновенію «не улетай, ты такъ прекрасно»; теперь же, въ предъощущеніи столь «высокаго» блаженства, наслаждается «наивысочайшимъ» мгновеніемъ. При послѣднемъ словѣ своей рѣчи онъ умираетъ. Мефистофиль, полагаясь на договоръ, хочетъ принять душу умершаго въ свое вѣденіе; но тутъ Чистые Духи слетаютъ съ небесъ, сѣютъ розы любви, приносятъ Фаусту прощеніе — Мефистофиль ощущаетъ минутное дѣйствіе розъ, засматривается на Духовъ, и въ это время Духи улетаютъ съ душою Фауста. Въ горней обители прощеннаго грѣшника радостно встрѣчаетъ покаявшаяся и прощенная грѣшница, Маргарита.

Трагедія кончена. Послѣднія два ея дѣйствія выражаются такъ: Фаустъ, отъ нѣчего дѣлать, затѣваетъ борьбу съ могущественной стихіею, съ моремъ, и чрезъ то вдается въ утилитарность, при которой и остается до самой своей смерти. По смерти онъ прощенъ.

Прежде, нежели станемъ разсматривать, соблюдено ли въ обѣихъ Частяхъ трагедіи единство мысли, бросимъ взглядъ на развязку сношеній Фауста съ Мефистофилемъ.

Въ послѣдней рѣчи Фауста весьма туманно выраженіе (переведенное съ подлинника буквально): «въ

предъощущеніи *высокаго* блаженства наслаждаюсь *наивысочайшимъ* мгновеніемъ»; тамъ однако ясно вотъ что: Фаустъ *тогда-то* сказалъ бы мгновенію «не улетай»; слѣдственно *теперь* онъ того не говоритъ, слѣдственно онъ заклада не проигралъ. Самъ Мефистофиль, повидимому, знаетъ это, потому что говоритъ: «его не удовлетворяетъ никакое благополучіе; его, столь мощно мнѣ противустоявшаго, одолѣло время, одолѣла старость»; на чемъ же, вслѣдъ за тѣмъ, чортъ основываетъ свою увѣренность, что договоръ превратился для него въ право на душу Фауста? Непонимаемъ. Во всякомъ случаѣ Мефистофиль или грубо ошибается, или хвастаетъ. То и другое не въ его характерѣ; но нужды нѣтъ, пусть бы было и такъ; зачѣмъ, однако, вся послѣдующая за смертію Фауста сцена написана въ такомъ духѣ, что вопросъ о закладѣ кажется если не явно разрѣшеннымъ въ пользу чорта, то по крайней мѣрѣ — не разрѣшеннымъ. Тутъ уже нельзя не понять — что въ піесу вкралась большая несообразность!

Обратимся теперь къ главной мысли. Во Второмъ Прологѣ мы видѣли, что Фаустъ долженъ перестать мудрствовать и, слѣдуя своему неясному стремленію, найти путь истинный. Въ піесѣ находимъ слѣдующее: при концѣ жизни Фаустъ чувствуетъ, что связавшись съ волшебствомъ онъ проклялъ тѣмъ себя самаго и все, его окружающее; мучимый «суевѣріемъ» (?) онъ всего страшится и въ тоже время полагаетъ, что далѣе здѣшняго міра простирать видовъ не должно: онъ желаетъ «выбиться на волю» посред-

ствомъ утилитарности и умираетъ, мечтая о достиженіи своей утилитарной цѣли. По смерти Фаустъ прощенъ. Когда же онъ перестаетъ мудрствовать? когда находитъ путь истинный? Разглагольствовать тутъ нѣчего: піеса, ясно и явственно, пришла не къ тому концу, къ которому придти долженствовала — единства мысли въ ней нѣтъ. Авторъ это видѣлъ и для поправленія дѣла сказалъ въ послѣдней сценѣ, что прощеніе заслуживается «безпрерывностью искапія». Дѣло чрезъ то не поправлено ни мало, а между тѣмъ въ замѣну прежняго Положенія (душа находитъ путь истинный) введено въ піесу Положеніе новое, о которомъ дотолѣ не было и помину. Положеніе это можетъ быть оспариваемо съ большою основательностію; независимо же отъ своей зыбкости оно вовсе не согласуется съ прочими данностями піесы, выраженными въ Прологѣ: попробуемъ поставить его на мѣстѣ Положенія прежняго — выйдетъ, что Мефистофилю нѣчего и хлопотать о Фаустѣ, потому что безпрерывность Фаустова искапія чортъ ужъ знаетъ, слѣдственно навѣрное знаетъ и будущій неуспѣхъ свой.

Зачѣмъ же авторъ привелъ піесу къ такому концу, который у ней отнимаетъ единство мысли? Откуда вывелъ новое для піесы Положеніе? Не заключается ли причина всего этого въ чемъ либо, существенно принадлежащемъ къ Фаустову характеру? посмотримъ — перейдемъ къ обзору нѣкоторыхъ лицъ и сценъ отдѣльно.

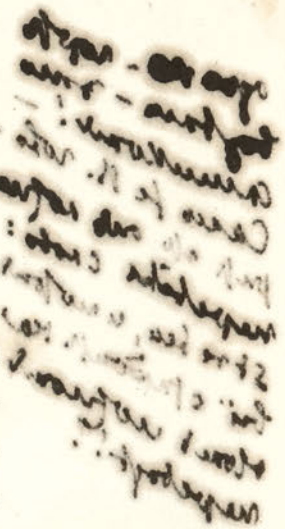
Фаустъ. Въ Первой Части Фаустъ изображенъ столь опредѣлительно, что автору не осталось возможности сдѣлать малѣйшее въ характерѣ его измѣненіе, не впадая въ какую-либо несообразность со сказаннымъ прежде. Выше мы слѣдили за внутреннею Фаустовой жизнію до конца Первой Части и были довольны естественностію ея хода — станемъ слѣдить далѣе.

При исцѣленіи своемъ отъ душевной усталости Фаустъ утрачиваетъ всѣ врожденныя человѣку чувствованія, которыя пробудились-было въ его сердцѣ вмѣстѣ съ любовію, дѣлается опять ко всему холоднымъ и чуждымъ жалости: онъ равнодушно, скучая, помогаетъ Мефистофилю морочить Кайзера, хотя полагаетъ, что затѣянное дѣло весьма зловредно по своимъ послѣдствіямъ. Почему отъ исцѣленія произошло такое дѣйствіе, для насъ не весьма понятно; еще менѣе понятно, почему дѣятельность Фауста при Дворѣ выставлена ничтожною и подчиненною произволу Мефистофиля. Естественнѣе бы, кажется, было, еслибъ послѣ чувственныхъ утѣхъ Фаустъ пожелалъ власти, или лестной для человѣка славы завоевателя, правителя, законодавца. Подстрекнуть его къ тому могъ Мефистофиль съ тою же цѣлію, съ которою прежде подстрекалъ къ чувственности. Но авторъ почелъ это за ненужное — Фаустъ прямо пристращается къ изящному, влюбляется въ Елену. Сообразно ли или несообразно съ своимъ характеромъ онъ поступаетъ во все время сношеній съ Еленою, мы не знаемъ, потому что тутъ Фаустъ есть

уже не человѣкъ, а призракъ, обращающійся въ кругу призраковъ, похожій на мертвеца, движимаго галванизмомъ. Мы не можемъ ни принимать въ немъ участіе, ни повѣрять его побужденія нашими собственными, и въ этомъ мы не виноваты: человѣкъ, возвышаясь духомъ до идеала изящности, позабываетъ иногда міръ дѣйствительный; если же онъ отъ дѣйствительнаго міра отдѣляется совершенно, то теряетъ право на названіе человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на все человѣческое сочувствіе.

Живымъ созданіемъ опять дѣлается Фаустъ по возвращеніи своемъ въ области Кайзера. Тутъ онъ для собственной выгоды попускаетъ Мефистофиля усилить кровопролитіе войны, просто, разомъ погубить цѣлое войско — ужели отъ любви къ Еленѣ въ сердцѣ его остался только безчувственный эгоизмъ и ничего болѣе? Ужели такъ, а не иначе, дѣйствуетъ на человѣка изящное? Не понимаемъ. — Скажемъ прямо: во все продолженіе первыхъ четырехъ Дѣйствій мы прежняго Фауста узнаемъ только два раза — сперва, на одну минуту, въ монологѣ послѣ исцѣленія; потомъ, тоже на минуту, въ затѣѣ бороться съ моремъ. Затѣя эта такъ сообразна съ неукротимостью его внутренняго броженія! и какъ была бы она умѣстна, еслибъ породилась послѣ утомленія отъ дѣятельности въ большомъ размѣрѣ, послѣ усилій переиспытать все «присужденное всему человѣчеству» — словомъ сказать, еслибъ для Фауста дѣйствительно «была пора величія и могущества!» Но похожаго на такую пору въ текстѣ нѣтъ ничего: при

Дворѣ Фаустъ былъ ничтожнымъ фокусникомъ, Мефистофилевымъ подмастерьемъ, а потомъ жилъ въ области мечтаній, или въ собственной душѣ своей, или гдѣ угодно, только не въ мірѣ дѣйствительномъ. Отъ этого борьба съ моремъ теряетъ много; она, однакожъ, все остается мыслью прекрасною.

Далѣе: переходъ къ любостяжательности, а отъ ней къ утилитарности, естественъ и понятенъ; но всего важнѣе вопросъ слѣдующій: отчего мысли Фауста принимаютъ наконецъ такое направленіе, какимъ оно выражено въ піесѣ? Направленіе это, конечно, обозначено весьма не удовлетворительно: Фаустъ горюетъ о томъ, что проклялъ себя «преступнымъ словомъ», однако же простирать взоръ далѣе земнаго міра почитаетъ за глупость; исполненія же своихъ утилитарныхъ замысловъ желаетъ горячо, какъ такого времени, въ которое онъ могъ бы сказать мгновенію «не улетай, ты такъ прекрасно.» Тутъ объяснить надобно бы было многое, а текстъ не объясняетъ намъ ничего; въ текстѣ ясно только вотъ что: Фаустъ горячо желаетъ — проиграть Мефистофилю закладъ свой. Почему, повторяемъ, мысли его принимаютъ такое направленіе? Причинъ тому мы не находимъ ни въ чемъ: авторъ, видно, находилъ ихъ въ самомъ себѣ, видно полагалъ, что Фаустъ предъ смертію необходимо долженъ думать такъ, а не иначе — безъ того онъ не рѣшился бы дать трагедіи нынѣшнюю ея развязку, разрушающую въ цѣломъ единство мысли, какъ то уже показано выше. Мы такому мнѣнію Гете-старца

противупоставляемъ мнѣніе самаго же Гете — Гете-мужа, сказавшаго въ Прологѣ, что Фаустъ долженъ перестать мудрствовать, найти путь истинный, озариться свѣтомъ. Пусть всякъ соглашается съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ, какъ кому угодно; мы соглашаемся съ Гете-мужемъ и отъ души жалѣемъ, что Гете-старецъ дошелъ до столь строптиваго образа мыслей, что многолѣтнія умствованія до такой степени подавили въ немъ внутреннее «неясное стремленіе».

Мефистофиль. Духъ отрицанія выставленъ съ изумительною истиной и силою. Осуществленная ложь, онъ, замѣтимъ, никогда не унижается до лжи пошлой, искажающей событія — онъ только на все смотритъ и все представляетъ со стороны дурной, дьявольской, хотя впрочемъ и другая сторона предмета ему весьма хорошо извѣстна: потому-то выходки его такъ мѣтки и такъ неотразимы. Еще замѣтимъ, что изъ всегдашняго своего безстрастія онъ выходитъ только дважды, и то на одинъ мигъ, не долѣе: разъ сердится по поводу шкатулки; въ другой разъ оказывается почти тронутымъ, когда говоритъ Фаусту о невозможности разширить свой духъ на весь обьемъ человѣчества. Удивляясь искусству, съ которымъ во всей Первой Части трагедіи авторъ выдержалъ столь особенный характеръ, мы не можемъ не сказать, что потомъ Мефистофиль видится чортомъ уже поустарѣлымъ — остроты его дѣлаются рѣдкими и притомъ не всегда удачными. Такъ самая финансовая мѣра, будучи разсмотрѣна

внимательно, перестаетъ казаться дьявольски-злымъ изобрѣтеніемъ, потому что обличаетъ въ выдумщикѣ совершенное незнаніе финансовой науки: насмѣшка невѣжды падаетъ на собственную его невѣжественную голову. Языкъ чорта тоже измѣняется сильно, дѣлается цвѣтистымъ и многословнымъ. Въ Изложеніи нашемъ этого почти не видно — рѣчи тамъ посокращены значительно; вотъ, для примѣра, въ близкомъ переводѣ, начало извѣщенія Фауста и Елены о приближеніи Менелаева войска: «Слагайте въ склады азбуку любви; тѣшитесь, мудрствуя о нѣжничаньи; нѣжничайте въ вашихъ мудрствованіяхъ; но теперь не время и пр.» — Такъ ли говорилъ Мефистофиль въ Первой Части?

Во время похожденій на классическомъ шабашѣ, особенно же въ Спартѣ и въ Фаустовомъ рыцарскомъ замкѣ, Мефистофиль иногда совсѣмъ перестаетъ быть чортомъ; за то по смерти Фауста онъ дѣлается уже не просто чортомъ, а чортомъ мерзавцемъ! Мы, впрочемъ, старались не высказывать этого въ Изложеніи очень явственно: гадости нигдѣ и никогда не могутъ быть умѣстными. Объ недоразумѣніи относительно заклада уже говорено; прибавимъ здѣсь, что Мефистофиль, сходя съ сцены, вполнѣ остается при своемъ странномъ хвастовствѣ, или, вѣроятнѣе, при своемъ грубомъ заблужденіи: бѣдняга видно подъ старость позабылъ, какое сдѣлано при закладѣ условіе.

Маргарита, ***Валентинъ***, ***Марта***. Всѣ три характера не нуждаются ни въ разборѣ, ни въ похва-

лахъ нашихъ. Совершенство ихъ одинаково, но по полнотѣ и изяществу созданія впереди другихъ двухъ стоитъ Маргарита — лице, предъ которымъ блѣднѣютъ даже многія женщины Шекспировы.

Вагнеръ. Вагнеръ изображенъ мастерски и въ Первой Части и во Второй; но одинъ ли и тотъ же это человѣкъ? Тамъ для Вагнера наука есть цѣль; здѣсь — средство; тамъ онъ блаженствуетъ, копаясь въ книгахъ, разбирая свитки; здѣсь, мыслитель самъ, хочетъ произвесть мыслителя, обдумываетъ «каждое *что* и каждое *какъ*». Такое преобразованіе «жалчайшаго изъ земнородныхъ» есть со стороны автора весьма лестная похвала безсмысленному педантству; жаль только, что оно совершенно невозможно и потому похвала уничтожается сама собою, а въ піесѣ, вмѣсто одного, остаются два Вагнера.

Родительницы. Собравъ въ одно цѣлое главныя черты, которыми изображаютъ Родительницъ Фаустъ и Мефистофиль, мы находимъ вотъ что: Родительницъ можно бы было принять за сокровенныя силы человѣческой души, дающія жизнь помысламъ изящнымъ; но авторъ какъ будто боялся оставить свою аллегорію общепонятною и затемнилъ ее добавками: таковы, напримѣръ, намеки на недостижимость, на пустоту и на магію. Самъ ли онъ видѣлъ предметъ неявственно, или неявственностію изображенія хотѣлъ придать вымыслу таинственность и бо̀льшую важность, мы не знаемъ; видимъ только, что подробности аллегоріи отняли у ней простоту и ясность.

Гомункулъ. По словамъ текста, говоря вообще, Гомункулъ есть искуственный человѣкъ, произведенный ученымъ, но глуповатымъ мыслителемъ, посредствомъ смѣшенія веществъ и кристаллизаціи, свѣтящійся въ своей ретортѣ, и внѣ ея жить не могущій. Все это было бы довольно понятно — подобные Гомункулы издаются въ свѣтъ учеными мужами весьма часто; но далѣе слѣдуетъ цѣлая исторія: Гомункулъ, присовѣтовавъ перенесть на классическій шабашъ Фауста, летитъ туда и самъ; онъ, полурожденный, желаетъ родиться вполнѣ и для этого, по совѣту Ѳалеса, отправляется въ море на хребтѣ дельфина-Протея, прилѣпляется къ Галатеѣ, разшибаетъ объ ея тронъ свою реторту, разливается по волнамъ въ видѣ пламени — послѣ чего хоръ поетъ: «Да владычествуетъ Еросъ, всего начало! Хвала четыремъ стихіямъ!» Разгадывать эту многосложную притчу мы не намѣрены — во первыхъ потому, что она зѣло запутана и успѣхъ весьма сомнителенъ, а во вторыхъ потому, что не нашедши въ любви Фаустѣ къ Еленѣ смысла точнаго и опредѣленнаго, мы разбирательство аллегорій во 2-мъ и 3-мъ Дѣйствіяхъ почитаемъ за дѣло безполезное.

Пирушка въ погребѣ Ауербаха. При самомъ началѣ странствованія по свѣту Мефистофиль хочетъ познакомить Фауста съ разгульнымъ народомъ — вотъ для чего помѣщена въ піесѣ пирушка; Фаустъ сказалъ, что въ свѣтѣ станетъ призывать себѣ на помощь «силу волшебныхъ обаяній» — вотъ почему въ пирушкѣ допущена Мефистофилева шутка съ гуляками.

Сцена жива, приправлена сатирою и естественна. Въ прямомъ смыслѣ она означаетъ — бытъ беззаботныхъ лѣнивцевъ и ихъ пьяныя грезы; въ переносномъ — что кому угодно.

Кухня вѣдьмы и Вальпургская ночь. Выше уже сказано, почему обѣ эти сцены для піесы нужны. Авторъ усыпалъ ихъ эпиграммами, украсилъ богатою живописною обстановкою, особенно же шабашъ: всходъ на гору и чертоги Маммоны — картины прелестныя, которыми нельзя довольно налюбоваться; шабашная сволочь и ея занятія — мастерское изображеніе животной жизни, въ которую Мефистофиль увлекаетъ Фауста. И Фаустъ, готовый погрузиться въ этотъ нечистый омутъ, слышитъ пѣснь любви, отголосокъ незабвенныхъ дней, прощаніе сердца съ наслажденіями лучшими; погрузившись же въ него, видитъ призракъ доброй своей Гретхенъ — прекрасно! Весьма жаль, что тутъ нѣкоторыя мѣста напоминаютъ о мелочныхъ какихъ-то современныхъ автору личностяхъ, до которыхъ ни намъ, ни піесѣ, вовсе нѣтъ никакого дѣла. Гдѣ по поводу личности породилась острота общепонятная (какъ напримѣръ въ эпиграммахъ на Проктофантазмиста), тамъ мы тѣшимся остротою и забываемъ о ея происхожденіи; но гдѣ частность осталась частностью — напримѣръ въ словцѣ объ Ильзенштейнской совѣ—тамъ она кажется излишней вставкою и нарушаетъ стройность цѣлаго. Еще жаль, что на шабашъ попала непонятная Лилитъ съ своими непонятными волосами — ей

бы было приличнѣе разгуливать на шабашѣ классическомъ!

Что же подробности кухни и шабаша означаютъ въ смыслѣ переносномъ? Мы — не угодно ли припомнить, разсматриваемъ въ Фаустѣ только то, что безспорно въ немъ находится, а не то, что авторъ сказать могъ, или даже хотѣлъ, но чего не сказалъ явственно; мы, слѣдовательно, не имѣемъ надобности видѣть во всемъ иносказаніе. Конечно, дополняя Первую Часть трагедіи, авторъ уже былъ увлекаемъ символизмомъ, къ которому онъ столь сильно пристрастился въ послѣдствіи, и потому могъ дѣйствительно разумѣть что нибудь особенное подъ рѣчами кошекъ, вѣдьмъ, полувѣдьмъ, вѣдьмы-торговки и пр.; но въ такомъ случаѣ отъ него вѣдь зависѣло накинуть на свои мысли не подбитое ватою одѣяло, а прозрачный флёръ, какъ то сдѣлалъ онъ въ пѣніи вѣдьмъ при пляскѣ и въ призракѣ Маргариты! Порадуемся впрочемъ, что, не смотря на все это, сцены въ кухнѣ и на шабашѣ блестятъ румянцемъ жизни, а не пугаютъ насъ мертвою блѣдностію иносказаній; погорюемъ, напротивъ того, о всѣхъ намекахъ на современныя лица и мнѣнія: въ Фаустѣ они неумѣстны столько же, какъ было бы неумѣстно, еслибы ваятель, создавшій группу Лаокоона, вырѣзалъ гдѣ-нибудь на ней каррикатурные портреты своихъ недруговъ.

Интермедія. Вставка эта не имѣетъ къ піесѣ никакого отношенія и именно потому весьма замѣчательна: она доказываетъ, что подъ старость Гете сталъ смотрѣть на своего Фауста, какъ на складоч-

ное мѣсто, въ которое можно сваливать все, что ни придетъ въ голову. Хорошо, что Первая Часть тогда была уже написана: въ ней отъ такого авторова воззрѣнія на предметъ немножко потерпѣли только сцены въ кухнѣ да на Блоксбергѣ — все наводненіе мыслей обратилось на Вторую Часть піесы.

Маскарадъ. При Дворѣ затѣвается маскарадъ по случаю карнавала. Мефистофиль, пользуясь тѣмъ, устраиваетъ аллегорическое представленіе своей финансовой выдумки. Безъ всего этого весьма можно бы было обойтиться — піеса, нимало не потерявъ полноты, сдѣлалась бы короче стиховъ почти на тысячу; за то, конечно, читатель потерялъ бы много аллегорій, изъ которыхъ иныя такъ неясны, что сами чувствуютъ необходимость назвать себя по имени. Всѣ лица въ маскарадѣ весьма не скупы на слова, какъ то можно видѣть изъ рѣчи цвѣточницъ, помѣщенной въ примѣчаніи 3-мъ.

Классическій шабашъ. Значеніе классическаго шабаша относительно Фауста выражается слѣдующими словами: «Фаустъ ищетъ Елены въ древнемъ классическо-миѳологическомъ мірѣ»; подробности суть, частію — повтореніе уроковъ изъ курса миѳологіи, частію же — олицетворенныя теоріи и предположенія о разныхъ разностяхъ. Все это связано между собою посредствомъ нитей столь запутанныхъ, что цѣлое представляется настоящимъ гордіевымъ узломъ, въ который попали и кое-какія волокна, принадлежащія къ піесѣ: мудрено ли же, что толковники, не будучи въ состояніи распутать узелъ, раз-

сѣкаютъ его какъ кто хочетъ и можетъ? Мы имъ подражать не станемъ — намъ для выводовъ нужны данности положительныя.

Похожденія Фауста съ Еленою. О сущности Четвертаго Дѣйствія въ отношеніи къ піесѣ мы уже говорили; взглянемъ теперь на него относительно самаго исполненія. На сценѣ мы видимъ призраковъ, тѣней, аллегоріи, все что угодно, только не людей. Авторъ хотѣлъ имъ, бездушнымъ, придать какое-то подобіе жизни; но безуспѣшныя его усилія имѣли послѣдствіе вовсе не желаемое — отняли у лицъ естественность условную, сдѣлали ихъ похожими на статуи, раскрашенныя подъ человѣческое тѣло. Формы языка въ Четвертомъ Дѣйствіи весьма разнообразны: возвращеніе Елены изъ Трои написано стихами античными, на ладъ греческихъ трагиковъ— о слогѣ этомъ можно получить нѣкоторое понятіе изъ отрывка, помѣщеннаго въ примѣчаніи 19-мъ; далѣе встрѣчаются стихи короткіе и длинные, вольные и въ куплетахъ, съ риѳмами и безъ риѳмъ, и наконецъ прыгучіе осьмистопные хореи. Не смотря на измѣненія размѣра, пріятныхъ впечатленій при чтеніи получается мало; непріятныя возбуждаются особенно двумя обстоятельствами — вовсе не чертовскою степенностію Мефистофиля-Форкіады и несомнѣннымъ сходствомъ Евфоріона съ Лордомъ Бэйрономъ.

Война. Междоусобіе Нѣмцевъ есть отчасти послѣдствіе финансовой мѣры, придуманной Мефистофилемъ въ Первомъ Дѣйствіи; война, сверхъ того,

подаетъ Фаусту средство получить право на владѣніе морскимъ берегомъ — стало быть война введена въ піесу не произвольно, а по нуждѣ. Подробности ея не занимательны, потому что слишкомъ сложны и длинны. Мы говоримъ о подлинникѣ — въ Изложеніи нашемъ онѣ посокращены значительно; мы впрочемъ сознаёмся, что чрезъ сокращеніе потеряны нѣкоторыя эпиграммы, довольно мѣткія.

Заключеніе. Окинемъ предъидущее однимъ взглядомъ.

Въ Первой Части Фауста опредѣлена главная мысль трагедіи, обозначены немногими чертами ея ходъ и окончаніе; потомъ слѣдуетъ значительная часть самаго хода. Исполненіе естественно, съ основными данностями согласно и (кромѣ нѣкоторыхъ мелочей) общепонятно. Дѣйствіе составляетъ собою живую драму, въ которой излишни только Интермедія, да нѣсколько мѣстъ въ сценахъ у вѣдьмы и на шабашѣ.

Вторая Часть заключаетъ въ себѣ продолженіе и окончаніе трагедіи. Въ ней часто возникаютъ недоразумѣнія, встрѣчаются непонятности; наконецъ піеса приходитъ не къ той свѣтлой мысли, которая была принята за основную, а къ другой, новой, темной и спорной. Въ исполненіи многое дотого туманно, что можетъ быть перетолковано въ любую сторону; драматической жизни нѣтъ вовсе; излишнихъ мѣстъ множество; растянутости почти безпрерывны.

Языкъ подлинника въ Первой Части иногда жестковатъ и небреженъ, но всегда сжатъ, силенъ и

сообразенъ съ характеромъ лица говорящаго; во Второй правиленъ, цвѣтистъ, щеголеватъ и крайне многословенъ — всѣ лица говорятъ одинаково, нерѣдко затемняя (а иногда и замѣняя) мысли кудрявыми выраженіями.

Такимъ образомъ двѣ Части трагедіи не составляютъ одного Цѣлаго по мысли и нимало одна на другую не похожи по изложенію.

Обзоръ нашъ конченъ; но тутъ спрашивается невольно: какъ могъ Гете, одинъ и тотъ же человѣкъ, написать два произведенія, изъ которыхъ первое заключаетъ въ себѣ множество сатирическихъ стрѣлъ, направленныхъ какъ будто именно во второе? Привести къ поясненію этого вопроса можетъ, безспорно, только одинъ путь — разсмотрѣніе умственной и литературной жизни автора; а изъ записокъ и воспоминаній Гете на русскій языкъ не переведено ничего — посему мы полагаемъ, что неизлишне будетъ помѣстить здѣсь вкратцѣ важнѣйшія изъ его сказаній о самомъ себѣ и своихъ занятіяхъ.

Въ 1811 году 62-хъ лѣтній философъ-поэтъ по совѣту друзей началъ и кончилъ, а въ 1821-мъ еще пополнилъ книгу, подъ заглавіемъ: «Изъ моей жизни, поэзія и истина»; спустя потомъ два года написалъ другую: «Поденныя и годичныя Тетради.» Первая автобіографія начинается съ самаго рожденія автора и съ многими подробностями продолжается до его переселенія въ Веймаръ (1775); вторая кратко обозрѣваетъ время до возвращенія изъ Италіи (1788), а потомъ, нѣсколько пространнѣе, проходитъ одинъ

годъ за другимъ, до 1823-го. Ни той ни другой, конечно, не должно вѣрить во всемъ—трудно положиться на безпристрастіе старика, говорящаго о своей молодости; въ обѣихъ однако не подвержены сомнѣнію: во первыхъ событія, во вторыхъ тѣ черты, на которыя авторъ смотрѣлъ, какъ на прежніе свои недостатки. Изъ сличенія мѣстъ вѣроятнѣйшихъ видно слѣдующее.

Въ Гете рано началъ проявляться самобытный поэтъ и мыслитель. Съ самой первой молодости ему было противно господство общепринятыхъ въ литературномъ мірѣ тѣсныхъ теорій, равно какъ и слѣпое уваженіе къ произведеніямъ, называвшимся тогда образцовыми. Никому не подражая, но стараясь проникать въ человѣческую природу собственнымъ взоромъ, онъ во всякомъ сочиненіи за важное и главное почиталъ сущность, единство, смыслъ, направленіе; все же остальное, отдѣлку и языкъ, называлъ одеждою, которая можетъ быть сдѣлана такъ или иначе, лучше или хуже, безъ значительнаго вліянія на достоинство цѣлаго. При томъ, замѣтимъ, молодой поэтъ ставилъ выше всего природу, слѣдственно и естественность: даже по части живописи занимали его преимущественно тѣ картины, въ которыхъ изображенные предметы можно было сравнивать съ природою, а восхищали тѣ, въ которыхъ искуство побѣдило природу.

Еще раньше, нежели самостоятельныя сужденія, развернулась въ Гете страсть, или лучше сказать неодолимая потребность: высказывать на бумагѣ все

передуманное и перечувствованное — то прямо отъ себя, въ мелкихъ піескахъ лирическихъ, то черезъ посредство лицъ вымышленныхъ, въ видѣ повѣсти, романа, драмы. Въ послѣднихъ случаяхъ онъ за основу піесы всегда бралъ что-нибудь пропзшедшее дѣйствительно, или передъ его глазами, или во времена минувшія; но бралъ не болѣе, какъ за основу: мѣткій взоръ его генія усматривалъ ясно требованія предмета относительно полноты и единства, находилъ, что именно должно измѣнить въ событіяхъ и характерахъ — по обработкѣ разсказъ піесы дѣлался вымышленнымъ, мысли и чувствованія оставались почерпнутыми изъ природы, а все вмѣстѣ оказывалось преобразованнымъ въ стройное твореніе поэтическое.

Такъ созданы двѣ драгоцѣнности нѣмецкой литературы — Гетцъ фонъ Берлихингенъ и Вертеръ. Освоившись съ предметомъ мысленно, претворивъ повѣствованіе хроникъ въ живыя картины, Гете началъ, продолжалъ и кончилъ Гетца безъ всякаго предварительнаго плана. Слабость этого произведенія, написаннаго наудачу, самъ онъ увидѣлъ тотчасъ, и потому тутъ же, не трогая первой рукописи, всю піесу передѣлалъ отъ начала до конца, предполагая впослѣдствіи заняться такимъ же трудомъ еще разъ. Предположеніе, къ щастію, не исполнилось — Гетцъ остался въ видѣ второй обработки. Вертеръ обдуманъ и написанъ вполнѣ въ четыре недѣли времени. И имъ Гете былъ недоволенъ, и его хотѣлъ передѣлывать, но удержался отъ того по совѣту Гердера. Большое спасибо Гердеру!

Въ эту эпоху, до 1775 года, кромѣ многихъ мелкихъ піесокъ и рецензій, написано еще нѣсколько драмъ, которыя впослѣдствіи уничтожены, за исключеніемъ, кажется, только двухъ: «Причуды влюбленнаго» и «Совиновные». Сверхъ того начаты и болѣе или менѣе подвинуты впередъ: Ифигенія, Тассо, Эгмонтъ, Ервинъ и Ельмира, Учебные годы Вильгельма Мейстера. Наконецъ тогда же (1772 и 1773), созданы главныя сцены Первой Части Фауста.

Въ слѣдующіе 12 лѣтъ Гете, наиболѣе занятый службою при Веймарскомъ Дворѣ, написалъ много піесъ мелкихъ и на разные случаи, но не произвелъ ничего замѣчательнаго. Въ 1786-мъ онъ поѣхалъ въ Италію, гдѣ и пробылъ почти два года, постоянно отдавая друзьямъ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ и занятіяхъ. Письма оттуда изданы впослѣдствіи подъ заглавіемъ: «Путешествіе въ Италію» и «Второе пребываніе въ Римѣ». На нихъ основываемъ мы слѣдующее изложеніе переворота, произшедшаго въ Гетевомъ образѣ мыслей; изъ нихъ, съ означеніемъ года и числа, дѣлаемъ краткія выписки.

Увидѣть Италію хотѣлось Гете съ давняго времени. «Въ послѣдніе годы — пишетъ онъ изъ Ве«неціи—я не могъ взять въ руки никакого древняго «автора, мучился, если что-нибудь мнѣ объ Италіи «напоминало. Желаніе быть здѣсь усилилось наконецъ «до такой степени, что я просто бы погибъ, еслибъ «теперь его не исполнилъ (1786. Окт. 12)».

И вотъ, завѣтная мечта осуществилась! Гете ѣдетъ изъ Венеціи въ Римъ, оттуда въ Неаполь, от-

туда въ Сицилію; потомъ опять возвращается въ Неаполь и поселяется въ Римѣ на довольно долгое пребываніе. Во все это время онъ работаетъ неутомимо: осматриваетъ природу и произведенія искуства— зданія, картины, статуи; посѣщаетъ народныя сборища и празднества; учится живописи, перспективѣ, ваянію — рисуетъ ландшафты и человѣческія фигуры, лѣпитъ бюсты, отдѣльные члены; занимается по части ботаники отыскиваніемъ растенія-первообраза (urpflanze), по части оптики цвѣтистостью лучей свѣта. Сверхъ того, кромѣ частыхъ и длинныхъ писемъ къ друзьямъ, онъ пишетъ почти безпрерывно — продолжаетъ и передѣлываетъ свои сочиненія прежнія, предпринимаетъ новыя.

Чѣмъ пространнѣе была дѣятельность Гете, тѣмъ больнѣе видѣть, что во всемъ сужденія его вдругъ сдѣлались односторонними и пристрастными. Послушаемъ, вопервыхъ, отзывовъ объ Италіи. «У кого «есть глаза, тотъ въ Италіи долженъ сдѣлаться проч«номыслящимъ (1786. Нояб. 10)». Только въ «Ита«ліи учусь я понимать и разгадывать многія «явленія въ природѣ, многія запутанности мнѣній «(1787. Мар. 16)». «Въ искуствѣ я долженъ успѣть «столько, чтобы все для меня сдѣлалось созерцатель«нымъ знаніемъ, чтобъ ничто не осталось преданіемъ «и именами. Достигнуть до этого можно только въ «Римѣ и нигдѣ болѣе (1787. Авг. 28)». Наконецъ: «Только въ Италіи дѣлается понятно, какъ людямъ «пришло въ голову—пахать землю. (1787. Мар. 17)». Еще замѣчательнѣе словцо, написанное къ друзьямъ

изъ Палермо: « Италія безъ Сициліи не составляетъ «въ душѣ образа — Сицилія содержитъ въ себѣ «ключь ко всему. (1787. Апр. 13)». — Имѣяй уши слышати — да слышитъ!

Мѣсяца полтора спустя по пріѣздѣ въ Римъ, путешественникъ начинаетъ думать, что тамъ человѣкъ «долженъ, такъ сказать, переродиться», что «оттуда всякой смотритъ на прежнія свои понятія, «какъ на дѣтскіе башмаки, что тамъ даже обыкновеннѣйшій изъ людей дѣлается *чьмъ-то* и если «не усвоиваетъ себѣ, то по крайней мѣрѣ пріобрѣтаетъ понятіе необыкновенное (1786. Дек. 13)». Самъ онъ въ Римѣ *перераждается* тотчасъ же. Объ этомъ въ письмахъ говорится весьма положительно и подробно, напримѣръ: «перерожденіе, преобразовывающее меня изнутри, продолжается постоянно. «Я думалъ, что научусь здѣсь кое-чему дѣльному, «но вовсе не полагалъ, что мнѣ придется столь многому разъучиваться и переучиваться. Я, какъ зодчій, «положившій башнѣ дурное основаніе, долженъ разрушить все сдѣланное, улучшить планъ и созидать «съизнова. (1786. Дек. 20)». Далѣе, переродившійся «съ точностію узнаетъ, что ему сродно и что чуждо; «безпрестанно воспринимая многое извнѣ, растетъ «изнутри; очищается и усиливается духомъ (1787. «Іюня 16); ставитъ ногу на порогъ святилища, врата которого уже отверзты (1787, Сент. 6); дѣлается, «относительно искуства, увѣреннымъ во всемъ главнѣйшемъ — получаетъ несомнѣнное и ясное понятіе объ окончаемо-безконечномъ (1787. Дек. 1)»;

наконецъ убѣждается вполнѣ, что онъ «находится «на истинномъ пути ученія и созерцанія» (1788 Февр. 6.).

Само собою разумѣется, что прежнія понятія новаго человѣка уже брошены «какъ дѣтскіе башмаки»: «удивленіе къ готической архитектурѣ превратилось, «слава Богу, въ презрѣніе (1786. Окт. 8)»; «восторгъ «энтузіаста къ изящнымъ произведеніямъ искуствъ «уступилъ мѣсто строгому взгляду истиннаго знато«ка (1787. Дек. 25)», для котораго «отвратительно «слушать толки о художествахъ отъ всякаго, кто «самъ работать не можетъ (1788. Февр. 9.)». Какъ естествоиспытатель, Гете «уже весьма и весьма бли«зокъ къ таинству: растеніе-первообразъ почти най«дено! Это будетъ дивное созданіе, въ которомъ «ему (т: е: Гете) позавидуетъ сама природа — созда«ніе, съ помощію котораго можно будетъ легко *со«чинять* сколько угодно растѣній новыхъ, природою «не производимыхъ, до безконечности (1787. Мая 17)». Какъ поэтъ — о, какъ поэтъ онъ сдѣлался идеалистомъ, но на идеализмѣ не остановился, а пустился въ символизмъ, и не въ простой символизмъ, а въ высшій, такъ сказать двойной, требующій, чтобъ всякій аллегорическій образъ представлялъ не олицетворяемую имъ мысль, а другую, болѣе сокровенную. Это не довольно понятно — приведемъ въ примѣръ стихи, написанные въ Генварѣ 1788 года. Вотъ, сокращенно, ихъ содержаніе: «Купидонъ, ша«лунъ! ты у меня выпросилъ пріютъ кратковремен«ный, а вотъ, загостился долго — всемъ распоря-

«жаешся, все ставишъ вверхъ дномъ, проказнича-«ешъ такъ, что хоть я изъ дому бѣги!» За стихами слѣдуетъ поясненіе: «подъ именемъ купидона «тутъ должно разумѣть не пошлаго божка любви, а «*сборище духовъ-дьлтелей*, обуревающихъ человѣчес-«кую душу и увлекающихъ ее отъ одного предмета «къ другому». Почему купидонъ долженъ значить именно это, а не что нибудь другое — неизвѣстно. Еще, относительно поэзіи, сдѣлано открытіе весьма важное — найдено, что «положительнаго, то есть «изучаемаго и передаточнаго, въ искуствѣ есть го-«раздо болѣе, нежели то полагается обыкновенно: «существуютъ многіе практическіе пріемы, посред-«ствомъ которыхъ, дѣйствуя умно, можно произ-«водить сильные эффекты умственные. Кому такія «*ухватки* (kunstgriffe) извѣстны, тотъ, шутя и иг-«рая, творитъ, просто, чудеса.» (1787. Дек. 8).

Вотъ мнѣнія, къ которымъ въ короткое время привелъ *перерожденнаго* «истинный путь ученія и созерцанія». Достойною имъ добавкою можетъ служить слѣдующее: «Вокругъ меня опять собрался «кружокъ людей, которые всѣ добры и всѣ идутъ «по пути истинному; и чѣмъ истиннѣе ихъ путь, «тѣмъ пріятнѣе и веселѣе имъ быть со мною, пото-«му-что во мнѣ нѣтъ ни терпимости, ни состраданія «ко всѣмъ тѣмъ, которые или заблуждаются, или «бредутъ какъ попало: такихъ я преслѣдую насмѣш-«ками дотолѣ, пока они не измѣнятся, или вовсе «отъ меня не отстанутъ (1787. Дек. 25)».

Взглянемъ теперь на поэтическіе плоды Гетева пребыванія въ Италіи. Кромѣ мелочей, произведено слѣдующее: совершенно съизнова передѣланы Ифигенія и Эгмонтъ — друзья не были довольны ни одной піесою, ни другою, но едва смѣли писать объ этомъ даже слегка, околичностями и намёками; два Дѣйствія Тассо переложены изъ прозы въ стихи и по ближайшемъ разсмотрѣніи брошены — коренная передѣлка начата и продолжена значительно, но не кончена; начисто отдѣлана Ервинъ и Ельмира; написана Клавдина. Удерживаясь отъ сужденія о піесахъ передѣланныхъ, мы не можемъ не пожалѣть, что Ифигенія, Эгмонтъ и Тассо не сохранились для насъ въ первоначальномъ видѣ, хоть отрывками: кто знаетъ, не были ли они похожи на Гетца!

Въ Италіи подвинулся впередъ и Фаустъ, но тутъ оказывается особенность неимовѣрная: передѣлывая все, неоконченное прежде, лучше же сказать все начатое бросая и начиная съизнова, Гете — *ничего не передѣлалъ* въ Фаустѣ! Изъ «Тетрадей» видно, что піеса замышлена еще въ 1770-мъ году и что въ 1772-мъ она «уже подвинулась,» между тѣмъ какъ Гетцъ только что обдумывался, а объ Вертерѣ еще не было и помину. Въ письмѣ изъ Рима, отъ 1 Марта 1788, находимъ вотъ что: «сдѣланъ планъ Фауста — «надѣюсь, что онъ мнѣ удался. Разумѣется, другое «дѣло дописывать піесу теперь, или за пятнадцать «лѣтъ предъ симъ; она, надѣюсь, ничего чрезъ то «не потеряетъ, особенно *потому, что я*, какъ пола«гаю, *опять прежнюю нить нашелъ*. И что касается до

«тона въ цѣломъ — я доволенъ; теперь отдѣлана «уже одна новая сцена, и если позакоптить листы, «то ее, кажется, никто не отличитъ отъ сценъ «прежнихъ. Рукопись лежитъ передо мною въ сво«емъ первоначальномъ видѣ, въ главныхъ сценахъ, «написанныхъ сразу, безъ плана; она такъ пожел«тѣла и пр.» — Чтобы въ одинъ пріемъ пройти все до Фауста относящееся, скажемъ теперь же, что 13 лѣтъ спустя, Гете «опять взялся за Фауста и мѣс«тами *отдѣлалъ* то, что въ рисовкѣ и очеркахъ давно «уже передъ нимъ лежало (Тетр. 1801)». Наконецъ, спустя еще пять лѣтъ «Фаустъ, въ теперешнемъ своемъ «видѣ, повыправленъ мѣстами (Тетр. 1806)«. Болѣе ни въ какихъ запискахъ не говорится о писаніи Фауста ничего — ни на чемъ, слѣдственно, не основано мнѣніе, что Гете занимался Фаустомъ безпрестанно. Напротивъ того, мы видимъ, что послѣ первоначальной работы онъ принимался за піесу, въ 33 года, только три раза; въ промежуткахъ же не вспоминалъ о ней по многимъ годамъ сряду. Впрочемъ тутъ, повторяемъ, важно то, что Фаустъ все *дополнялся*, а *не передѣлывался*: стократъ благодаримъ Гете за особенное уваженіе къ геніяльному созданію его первой молодости! Какъ знать, чего бы мы лишились, еслибъ по *перерожденіи* затѣялась передѣлка!

О дальнѣйшей дѣятельности Гетевой почерпаемъ мы свѣденія изъ «Тетрадей,» да сверхъ того изъ записокъ, изданныхъ подъ заглавіемъ «Походъ во Францію» и «Путешествіе въ Швейцарію». Прилѣжа-

ніе неутомимаго труженика не умалялось, а возрастало. До поѣздки въ Италію изучены были: юриспруденція, медицина, анатомія, рисованье, гравированье; по возвращеніи оттуда съ жаромъ продолжались занятія по части ботаники, оптики, остеологіи, физіогномики, черепословія, математики — всего не припомнишь! Главнымъ ихъ слѣдствіемъ было «полное раскрытіе таинствъ организаціи расти«тельной и животной», да еще положительная увѣренность въ истинѣ теоріи касательно цвѣтистости лучей свѣта Обо всемъ этомъ говорится безъ обиняковъ въ «Тетрадяхъ» и разныхъ статьяхъ, изданныхъ подъ общимъ заглавіемъ: «Къ познанію природы». Что ни одно изъ мнимыхъ открытій не признано впослѣдствіи за дѣльное, и что всѣ они въ ученомъ мірѣ уже забыты — разумѣется само собою. Посмотримъ на труды литературные.

Мѣсяца за два до переѣзда въ Германію Гете писалъ изъ Рима (1788. Мар. 22): «Вседневно мнѣ «дѣлается яснѣе, что я рожденъ собственно для поэзіи» «и что «въ слѣдующій десятокъ лѣтъ — въ который «только и можно мнѣ еще работать — я долженъ про«известь кое-что хорошее, потому что прежде имѣлъ «же я успѣхъ съ однимъ только жаромъ молодости, «безъ дальняго изученія».

На дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то: *переродившійся* работалъ потомъ не десять, а сорокъ пять лѣтъ, все «съ полною увѣренностію въ правотѣ своего направленія (1792. Ноября)»; однакоже не произвелъ ничего не только равнаго созданіямъ своей молодости,

но даже хоть сколько нибудь на нихъ похожаго. И не мудрено: въ молодости Гете *создавалъ*, не подчиняя творящей силы таланта своего ни чему, кромѣ самыхъ простыхъ законовъ вкуса и здраваго разсудка; послѣ перерожденія, будучи увѣренъ, что постигъ каждое *что* и каждое *какъ*, онъ только *сочинялъ* свои произведенія. Тутъ творящая сила таланта у него была уже не болѣе, какъ покорною рабою ума, начавшаго почитать себя если не всеобъемлющимъ, то по крайней мѣрѣ безошибочнымъ: содержаніе и форма піесъ выискивались на досугѣ, улаживались долго, преобразовывались изъ одного иносказательнаго вида въ другой и наконецъ дѣлались чѣмъ-то новымъ, неимѣющимъ съ первоначальной мыслію піесы почти ничего общаго. Такъ, напримѣръ, изъ знаменитаго при Французскомъ Дворѣ процесса объ ожерельи произошла комедія «Гросъ-Кофта»; изъ французской революціонной войны другая комедія «Гражданскій Генералъ» — піесы, въ одинаковой степени скучныя и ничтожныя. Такъ эмиграція Французовъ произвела эпическую поэму «Германъ и Доротея», а продѣлки придворныхъ, видѣнныя авторомъ во время французскаго похода, высказались въ баснѣ о хитростяхъ лисицы (Reinecke Fuchs). О достоинствахъ той и другой судить мы не беремся, по причинѣ весьма уважительной: содержаніе поэмы можетъ помѣститься въ дюжинѣ строчекъ, а разсказъ составляетъ двѣ тысячи гекзаметровъ; басня же состоитъ изъ пяти тысячь гекзаметровъ!

Важнымъ поясненіемъ пестроты и многословія, которыми отличаются плоды Гетевой старости, служитъ слѣдующее сознаніе: «Я привыкаю писать «такъ, какъ мнѣ предметы кажутся и какъ я объ «нихъ думаю, не требуя отъ себя ни точнѣйшихъ «надъ ними наблюденій, ни зрѣлаго ихъ обсужденія. «Объ употребленіи написаннаго не забочусь — когда «все сдѣлано, то оно можетъ потомъ служить мате«ріаломъ для работъ послѣдующихъ (1797 Авг. 8)». Замѣчательно однако, что подобныя работы потомъ уже не были предпринимаемы ни разу — написанное осталось, какъ было, отрывками безъ стройности и единства. Впрочемъ весьма можетъ статься, что послѣдующею обработкою Гете назвалъ «*сплетеніе* разнородныхъ частицъ въ одно цѣлое *посредствомъ романтической нити*»: чрезъ такое сплетеніе, говоритъ онъ, составлена Вторая половина Вильгельма Мейстера (Тетр. 1807); но нить тутъ проведена такъ хитро, что и при ней въ книгѣ нѣтъ никакого складу. О «западно-восточномъ Диванѣ» надлежитъ сказать то же самое, съ прибавкою только, что его частицы, размалеванныя мнимо-восточными красками по указаніямъ какого-то оріенталиста-педанта, наичаще водѣльны и вообще ничтожны даже сами по себѣ. Но положимъ, что частицы были бы прекрасны; будетъ ли прекрасно сплетенное изъ нихъ цѣлое? Вмѣсто отвѣта на вопросъ этотъ разскажемъ нѣчто, случившееся, какъ увѣряютъ, въ Аѳинахъ. При расчисткѣ Акрополиса было отрыто множество ваятельныхъ обломковъ. Какой-то скульпторъ, умный и трудолюбивый

Нѣмецъ, получилъ позволеніе возиться съ ними, сколько душѣ угодно. Вотъ, онъ отобралъ болѣе сотни кусковъ, принадлежавшихъ къ разнымъ женскимъ фигурамъ во весь ростъ — долго мѣрилъ, подбиралъ, прилаживалъ и наконецъ, снявъ алебастровыя копіи со всего, что ему показалось нужнымъ, составилъ изъ нихъ полную статую. Что же вышло? не смотря на красоту и цыркульную соразмѣрность частей, въ цѣломъ вышелъ неуклюжій уродъ, котораго устыдился бы самый плохой ваятель. Надъ артистомъ компилаторомъ стали насмѣхаться, а онъ улыбался самодовольно и говорилъ своимъ пріятелямъ: невѣжды не понимаютъ дѣла — не видятъ, что въ статуѣ все изящно и расположено по самымъ строгимъ академическимъ правиламъ.

По системѣ «сплетенія» составилось и послѣднее произведеніе Гетева старческаго многомыслія — Вторая Часть Фауста. То, что въ ней казалось намъ при обзорѣ неумѣстнымъ и несообразнымъ съ основною мыслію піесы, есть, просто, слѣдствіе беззаботности «объ употребленіи написаннаго». До единства автору уже вовсе не было дѣла: онъ громоздилъ въ одну кучу, *что и какъ думалъ*, особенно же, почитая неоцѣненнымъ сокровищемъ все, что касалось до него самаго, сплеталъ въ одно цѣлое свои личные помыслы и умствованія всякаго рода. Такъ Мефистофилева финансовая выдумка заимствована изъ французской Исторіи; въ приключеніяхъ съ Еленою Фаустъ весьма похожъ на символъ самаго Гете, переродившагося и объидеализированнаго; подъ именемъ Елены едва

ли не должно разумѣть общность впечатлѣній, произведенныхъ на Гете Италіею, какъ выше мы обязаны были принять Купидона за сборище духовъдѣятелей; Евфоріонъ есть неудачно-понятый Лордъ Бэйронъ, плохо прицѣпленный родствомъ къ Гете, а еще плоше къ Еленѣ; даже окончательнымъ направленіемъ Фаустовой дѣятельности выставлена утилитарность вѣроятно только потому, что Гете самъ подъ конецъ пристрастился къ утилитарности, какъ то видно изъ технологическихъ уроковъ (о тканьѣ и другихъ ремеслахъ), вставленныхъ цѣликомъ въ Продолженіе Вильгельма Мейстера.

Въ чемъ же заключаются достоинства Второй Части Фауста? Что̀ именно въ ней высоко цѣнится тѣми, которые ее предпочитаютъ и Первой Части и всему на свѣтѣ? Хвалители отвѣчаютъ: глубина мыслей. По ближайшемъ распросѣ они впрочемъ сознаются, что въ піесѣ не понимаютъ весьма многаго. Не пускаемся въ споры съ ними; замѣтимъ только, что мутная вода всегда *кажется* глубокою, а истинно-глубокая— *не бываетъ* мутною. Еще говорятъ: прекрасны стихи. Не споримъ — стихи красивы, скажемъ однако, выражаясь собственною Гетевой аллегоріею, что несмотря ни на сомнительное глубокомысліе мѣстъ отдѣльныхъ, ни на звучность стиховъ, въ цѣломъ Вторая Часть есть не что иное какъ — «Гомункулъ, произведенный посредствомъ смѣшенія веществъ и кристаллизаціи, не могущій жить внѣ свой реторты».

Да, въ наше время уже позволительно сознать, что непомѣрно высокое мнѣніе о Второй Части по-

родилось и еще кое-какъ поддерживается только потому, что она есть — сочиненіе Гете. Чтобъ видѣть, чѣмъ былъ Гете для Нѣмцевъ, вспомнимъ одно мѣсто изъ Второй же Части. Передъ возвращеніемъ Фауста отъ Родительницъ авторъ говоритъ публикѣ устами Герольда: «Да будетъ разсудокъ связанъ волшебнымъ словомъ»; то, что вы увидите, «*невозможно, и потому-то достойно вѣроятія*». Теперь выходка эта кажется какою-то плохою шуткою; но было время, когда Гете могъ себѣ позволить все: первоначальныя его произведенія, умѣнье всему придать красивую форму, необыкновенная обширность ума, ѣдкая насмѣшливость и самоувѣренность въ сужденіяхъ — все это вмѣстѣ придало его имени силу по истинѣ волшебную, связывавшую у людей разсудокъ! Онъ на все сдѣлался авторитетомъ, все рѣшалъ однимъ словомъ. Выслушавши приговоръ, ученые шептали: αὐτὸς ἔφα (старшой сказалъ), и тѣмъ оканчивалось всякое преніе. Съ годами очарованіе исчезло: разсудокъ освободился изъ постыдныхъ узъ мудрствующаго ума; Гомункулъ гоститъ на классическомъ шабашѣ, а въ образованномъ мірѣ подъ названіемъ Гетева Фауста разумѣется только Первая Часть трагедіи. Какъ знать, найдется ли когда нибудь человѣкъ, способный написать подъ пару къ ней Вторую, окончить Фауста сообразно съ первоначальной Гетевой мыслію!

КОНЕЦЪ.

АН СССР
Библиотека
Ин-т мир. лит.